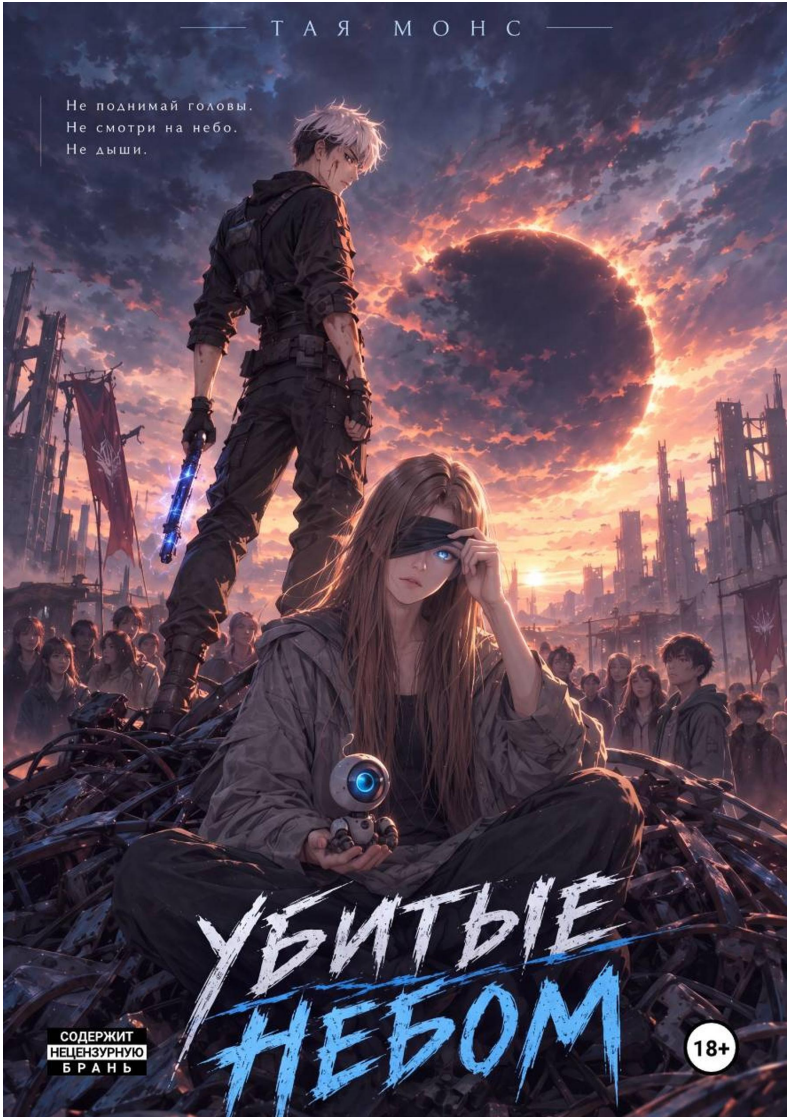
ТАЯ МОНС
Не поднимай головы.
Не смотри на небо.
Не дыши.
УБИТЫЕ НЕБОМ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Тая Монс
Убитые небом

https://litres.ru/75010104
SelfPub; 2026

Аннотация

Мои глаза напоминают людям о небе. Поэтому я прячу их под линзами.

Небо напоминает людям о смерти. Поэтому на него запрещено смотреть.

Мир после катастрофы стал похож на лёгкие, в которых заканчивается воздух. Мы научились беречь каждый вдох и жить, не поднимая головы. Но дикари выбрали другой путь. А их главарь Ад пообещал, что уничтожит любого, кто причинит вред его людям. Он уже терял свой дом. Уже терял тех, кого любил.

А потом появилась я. И всё повторилось.

Его лагерь исчез в огне, а люди, которых он поклялся защищать, погибли. Теперь я знаю — я следующая. Ведь это я принесла с собой запрещённое небо, скрытое в моих глазах. А вслед за небом снова пришла смерть.

Содержание

Небо 1. Дикари	4
Небо 2. Огнём похоронены.	28
Небо 3. Любовь, убитая снарядом	50
Небо 4. Казнить нельзя довериться	74
Небо 5. Не-мой	99
Небо 6. Мечтать не вредно	118
Небо 7. Быть как все	141
Небо 8. Дикари ли?	166
Небо 9. Тайн много не бывает	188
Небо 10. В клетке с дикарём	209
Небо 11. У смерти есть смысл	232
Небо 12. Боль – цена победы	252
Небо 13. Застрели(сь)	283
Конец ознакомительного фрагмента.	287

Тая Монс
Убитые небом

Небо 1. Дикари

Мы из партии бракованных ёлочных игрушек.

Мы — крошки печенья на животе убийцы.

Мы делаем то, что делали всегда, но существуем там, где нам не место.

Мы не вписываемся в картину.

Мы — пустой абзац после точки в конце истории.

Мы здесь. Мы нигде. Одновременно.

Я бы хотела послушать шум машин, увидеть свет уличных фонарей, подержать в руках сигарету и почувствовать её запах. Я бы хотела ощутить мягкость зелёной травы и, заполнив лёгкие ароматом цветов, посмотреть на звёзды. Но я не могу. Я знаю об этих вещах только в теории.

Вместо рёва двигателей слышу только шорох песка, заметающего опустевшие дороги. Вместо света фонарей — одинокая луна, потерявшая смысл светить для таких, как мы. Вместо запаха сигарет в мои лёгкие попадает только и без того мёртвый воздух. Вместо травы — рыхлая земля, блеклые и вялые ростки. А место звёзд занял вечный страх.

Люди перестали смотреть на небо. Его боялись как истин-

ного облика смерти, хоть концу света уже четверть века и пора бы избавиться от глупых стереотипов.

Те, кто жили до Нового времени и воспитывали меня, рассказывали о тех годах с трепетом. Но с каждым годом их истории звучали всё реже, голос утихал, пока однажды история не сократилась до одной фразы: «Хорошо было».

Над моей головой — крыша полуразваленного дома. Подо мной — деревянные доски. Меня согревает куча тряпья, из которого кое-как удалось соорудить подобие кровати. Я поправляю платок на носу, прищуриваюсь и смотрю вдаль, где первые лучи солнца вскрывают небу горло.

— Эй, всё хорошо? — сонный мужской голос раздаётся еле слышно, и я оборачиваюсь.

Его лицо, выглядывающее из-под одеяла, сморщено от яркого света солнца, подглядывающего за нами через пролом в стене. На слова парня я молчаливо киваю.

— Поспи. Чем меньше спишь, тем больше хочешь есть.

Эндрю. Парень, потерявший фамилию и надежду, но не желающий терять меня. Мы решили навсегда закрыть тему существования лагерей для выживших. Он считает, что всё, что у нас осталось — мы сами и спасти нас может только упорство, но я до сих пор надеюсь найти место, в котором нам не будет страшно дышать.

Я ложусь рядом с Эндрю, положив голову ему на грудь. Теперь, когда за полем нашего зрения строятся новые империи, мы остаёмся изгоями. Нас называют отшельниками.

Беглецами. Теми, кто отказался жить в системе, даже не увидев, какая же она, эта система. Да и есть ли она где-нибудь?

В мире, где катастрофически не хватает воздуха, небо под запретом. Под запретом даже то, что его отдалённо напоминает. Не знаю, были ли до Нового времени какие-нибудь суеверия, но сейчас одним единственным были голубые глаза. Ведь это небо убило нас.

Говорят, конец света не любил тишину. Перед тем, как превратиться в трусливых крыс, люди услышали грохот. Говорят, это было похоже на взрывы. Говорят, стены бункера дрожали так, что осыпались потолки. Говорят-говорят и замолкают, ведь солнечная вспышка это не байка для непослушных детей. Это наша реальность. Мир сгорел в огне. Мир перестал быть мирным.

Мы с Энди не застали времена падения неба. Мои голубые глаза не могут напомнить ему о том, чего он не видел, но мне всё равно каждый раз страшно снимать линзы. Кареглазой жить проще. Безопаснее.

Парень запускает руку мне в волосы и тяжело вздыхает. Мы были знакомы ещё с самого детства. Он любил пересказывать одни и те же истории, которые мы вместе слушали от миссис Джеффри. Он рассказывал их не так подробно, как она, но намного красочнее и живее, словно видел всё своими глазами: и зелёные долины, и леса, и чистые озёра, окружённые молодой зарослью. Что-то изменилось в Энди, когда в дом к миссис и мистеру Джеффри ворвались ОНИ. Их на-

зывают коротко. Небесные. Во-первых, из-за того, что они приносят только смерть без объяснений и без права на последнее слово. Во-вторых, из-за того, что они носят голубую форму.

Это произошло год назад. В тот день муж миссис Джеффри — Маркус — как всегда, шатался по улицам, заглядывал в заброшенные дома в поиске чего-то съестного или просто полезного. Этот мужичок всегда был очень активным и весёлым. Если мы и доживём до такого возраста, то только если станем такими, как он.

Я отчётливо помню тот момент: миссис Джефри учила меня вязать, а Энди вырезал какую-то фигурку из деревяшки. Люди не догадываются о войне, пока не услышат рёв самолётов или взрывы где-то за дверью. Мы же не догадались, даже когда эта самая война стояла на нашем пороге.

Всё произошло быстро… Миссис Джеффри подорвалась с места, больно схватила меня за плечи и толкнула в сторону спальни. Мы с Энди — напуганные семнадцатилетние подростки — спрятались там, а после, когда услышали крики и выстрелы, вылезли через окно. Позже увидели, как Небесные покидали наш дом. Наш бывший дом.

Мы сбежали, не взяв ни лоскутка ткани, ни капли воды. Наша одежда — горячий песок, наше питьё — наши же слёзы, наша еда — мёртвый воздух.

Я подорвалась с места, когда перестала чувствовать теплоту тела Энди. Жуткие воспоминания окатили меня холод-

ной водой. Страх помог быстро проснуться и привыкнуть к яркому солнечному свету. Норовя выскочить из груди, сердце заколотилось. «Где он? Куда пошёл? Вдруг с ним что-то произошло?» На автомате я рукой подкинула одеяло, словно он мог спрятаться где-то под ним.

— Кошмары? — голос даже не сонный.

Облегчённо выдыхаю и впиваюсь взглядом в фигуру, нарисовавшуюся возле меня. Парень протягивает мне флягу с водой, испытывающе изучая моё лицо.

— Да, — вру.

Эндрю тяжело выдыхает, садится на корточки передо мной.

— Когда я говорил, что нужно поспать, я не имел в виду одиннадцать часов, — говорит тихо и спокойно, пальцем стягивает с моего лица платок.

За этот год он сильно возмужал. Никто бы не поверил, что ему вот-вот будет девятнадцать. Выглядел он старше. Взрослo. Да и поступал так же. От былого проказника с вечной улыбкой на лице не осталось и намёка. Даже редкие веснушки на его лице, когда-то захватившие его переносицу и щёки, словно стали исчезать. Энди улыбался редко, не понимал шуток. Если и понимал, то отвечал сухим «не веди себя как ребёнок». Его забота обо мне теперь выглядела какой-то формальностью. Обязанностью. Словно он был в ответе за питомца, с которым вышел погулять.

Сжимаю губы, перевожу взгляд на дыру в стене и ногтями

царапаю флягу.

— Прости.

— Кажется, я нашёл кое-что. Это, конечно, не твои сказочки про города для выживших, но… — он следует моему примеру и переводит взгляд на солнечные лучи, бегающие по входу в наше укрытие.

— Ты нашёл людей?! — слишком эмоционально и громко. От моего тона Энди вздрагивает. — Ты ходил к ним без меня?

— Я нашёл лагерь. И да, возможно, там кто-то есть.

Я была готова накинуться ему на шею от радости. Не только из-за того, что мы, наконец, сможем поговорить с кем-то, кроме друг друга, но и из-за того, что он не стал вступать в переговоры с незнакомцами без меня. Он прекрасно знал, как это для меня важно.

— Так чего мы ждём? — чуть ли не кричу от восторга и хватаю свой рюкзак.

— Ве́чера, — ответил мне парень, даже не двинувшись с места.

— Что? — я оборачиваюсь в недоумении.

— Отсюда недалеко. Проберёмся ночью и возьмём всё, что нужно.

— О чём ты… говоришь?..

Энди вздыхает и поднимается с пола.

— Ниа, я не хочу рисковать. Мы не будем вступать с ними в контакт. Мы просто пополним припасы.

— Что ты вообще несёшь? — повышаю голос и делаю несколько шагов в его сторону. — Это же люди! Вдруг мы сможем договориться?

— А вдруг нет? — он идёт мне навстречу, подкосив во мне былой настрой. — Вдруг они отберут у нас то, что осталось? Или убьют? — он делает длинную паузу, чтобы дать мне слово, но мне нечего сказать. — Мы пойдём ночью. Не к людям, а к запасам. На этом всё.

Говорят, война меняет людей. Мы, хоть и жили всю свою жизнь в борьбе, столкнулись с ней лицом к лицу только год назад. Бесцельно бродя по пустынным улицам заброшенных городов, с каждым днём теряли свою человечность. Люди нам попадались редко. Всегда — мёртвые. Однажды мы зашли в довольно ухоженный дом, думая, что там может кто-то жить. Зашли и застыли у порога. В гостиной лежала женщина, совсем не похожая на мертвеца. Её кожа была нормального цвет, если не считать посиневших скукоженных пальцев. Дефицит кислорода в воздухе действовал на всех поразному. Одни наращивали иммунитет, другие заболевали аноксией, гипоксией и прочей дрянью. Люди нам попадались редко. Всегда — мёртвые…

Дожидаться вечера было сложнее, чем казалось. Наконец, Энди накинул на плечи рюкзак, растрепал светло-русые колючие волосы и двинулся в путь, иногда останавливаясь, чтобы я не отставала.

Я видела смерть в каждом окне домов, что мы проходили,

игнорируя их жалобный голос, умоляющий оживить их каменные стены. Я видела смерть в каждой песчинке под ногами. Какое-то лёгкое волнение, перемешанное с запахом крови, витало в воздухе. Никаких звуков… Полная тишина и ночное небо. Энди шёл впереди меня, хмуро вглядываясь куда-то вперёд. Он не осматривался по сторонам, в отличие от меня, и не хотел идти со мной наравне.

Миссис Джеффри удалось сохранить немало книг, так что она часто показывала нам картинки и фотографии мест, которых мы не застали. Среди них нам больше всего нравились пейзажи. Оно и нестранно. Когда-то у Лесли была своя личная маленькая библиотека, как она нам говорила. Когда началась эвакуация, она в первую очередь стала спасать книги, с которыми и прожила в бункере и после него.

— Слышишь? — настороженно спросил Эндрю и остановился, когда мы подошли к странному сооружению на поразительно гладко вытоптанной земле.

Это было похоже на небольшой городок из самодельных палаток размером с целую комнату дома. Их было с десятка четыре. Между ними — кучи тряпья, как те, что мы с Энди делали для ночёвки. Видимо, жители этого лагеря любили спать на улице возле большого потухшего костра. Но где же все? Ни одной живой души. Ни одного живого тела.

— Нет, — честно ответила я и постаралась прислушаться.

Энди медленным шагом направился туда, откуда, как ему казалось, исходил шум. Я догнала его, и он рукой преградил

мне путь. Мы остановились возле дороги, прижавшись к стене полуразрушенного здания. Теперь я тоже чётко слышала шум и крики, доносившиеся в начале дороги.

— Сколько их там? — воодушевлённо спросила я.

— Несколько дюжин. Или полсотни.

— Что?! — чуть не выкрикнула я от изумления.

Энди зажал мне рот рукой.

— Т-ш-ш! — он нахмурился и оттянул меня от края стены. — Ты останешься здесь и будешь караулить. Заметишь какое-то движение — побежишь к лагерю. Я буду там. Кажется, дикари оставили его без присмотра.

Дикари… Именно так называли тех, кто отказались жить в городах для выживших и бродили по заброшенному миру в одиночку. Не знаю, специально ли так их назвал Энди, но меня это задело. Мы ведь тоже дикари…

— Шутишь? Они не могли его просто оставить. Там наверняка есть охрана.

— Я буду осторожен, — он взял меня за плечи и посмотрел прямо в глаза. — Не бойся. Сквозь огонь к воздуху, верно? — повторил он наш «девиз» и слабо улыбнулся. И улыбка эта затмила всё вокруг.

Энди оставил меня, а сам широкими быстрыми шагами направился к пустующему лагерю дикарей. Теперь у меня появилась возможность их лучше рассмотреть.

Их действительно было много. Они окружили размером с целый дом круглую клетку, в центре которой находились,

кажется, два человека. Дикари кричали, руками впивались в железную сетку, трясли её, точно бешеные звери при виде сочного куска мяса. Ночь была тёмной, и всё, что освещало то массовое движение — горящие факелы. Давно я не видела огня. Дым портит и без того испорченный воздух. Эти люди, и правда, те ещё дикари.

Два человека дрались. Жестоко, хладнокровно… Их поддерживали крики остальных. Под их ногами поднималась пыль, плотной пеленой закрывая нижние части тел. Над всем этим побоищем возвышалось ещё одно полуразрушенное здание. В проломленной стене на втором этаже находились трое. Они по-королевски сидели на самодельных тронах и наблюдали за этим, будто всё это было не на их уровне.

Толпа вдруг недовольно загудела. Люди стали расступаться, ведь из клетки выносили человека. Или уже не человека?.. Я обернулась по сторонам и решила подойти ближе, спрятавшись за большим камнем.

— Тор! Тор! Тор! Тор! — кричали они неуверенно и поднимали вверх кулаки. Судя по всему, «Тор» — победитель драки. Судя по всему, «Тор» — победитель впервые. Люди словно разочаровались от его победы.

— Чужак! — вскликнул кто-то еле слышно на фоне общего гула. — Чужак! — повторил он громче, и толпа чуть утихла.

Я нахмурилась. Энди…

Через пару мгновений всё смолкло. Кажется, даже из сво-

его укрытия я могла расслышать треск огня факелов. Мужская рука коснулась моего плеча, и я с облегчением выдохнула.

— Чёрт тебя побрал, Энди… Наконец-то.

Я обернулась и почувствовала пронзительную боль в области носа. Чей-то кулак врезался в моё лицо, и я, потеряв равновесие, выпала из своего укрытия. Я успела увидеть перед собой лишь две пары ног перед тем, как со всей силы пнуть их пяткой. Попала в колено, услышала крик и подорвалась с места. Попыталась сбежать, но совсем забыла про вторую пару чьих-то ног, которая тут же догнала меня. Сильные мужские руки, точно наручники, сцепили между собой мои запястья и толкнули меня в спину.

— Пустите! Пустите меня! — кричу громко, но не для того, чтобы оглушить их, а чтобы Энди услышал.

— Не трать кислород, — грубо отозвался чужой голос, и рука, словно выросшая из ниоткуда, заткнула мне рот.

Десятки пар глаз обратились в мою сторону, и десятки голосов бросили туда же по десятку колкостей, когда меня силком тащили к дикарям. Нельзя. Нельзя было им попадаться. Нельзя было подходить ближе. Нельзя было так сильно радоваться грядущей встрече с людьми. Восторг сменился неистовым страхом. Чем больше глаз смотрело на меня, тем ничтожнее я себя чувствовала, тем сильнее невидимая сила вдавливала меня в землю.

Выглядели они странно. Кажется, будто сегодня-завтра

они собирались огромным караваном ринуться покорять пустыни. Вооружённые до зубов, они стояли почти неподвижно, пока меня не подвели ближе. Странная у них была одежда. Не такая, как у нас с Энди. Но даже куча чудаковатых тряпок на их грязных лицах и телах не пугала так сильно, как то, что дикари стали расступаться, словно по приказу.

Я кручу головой в разные стороны, надеясь, что Энди ещё не успел оказаться здесь, в их руках.

Я врезалась в чью-то фигуру: какая-то женщина в упор смотрела на меня, пытаясь дотянуться костлявой рукой до моих волос. Её худоба пугала. Впрочем, она сама по себе пугала.

Нервы сдают, я еле сдерживаю в себе крик. Столько людей… Их голоса звучат не только вокруг меня, но и в моей голове. Их лица застывают перед моими глазами. Все они живы, все дышат так же, как и я, все стоят на ногах, как и я, все умеют говорить. Такие простые вещи кажутся дикостью, и я до последнего не могу поверить в то, что вижу.

— О, может выставим на арену её? — раздался голос из толпы, и к моему лицу снова потянулась чья-то грязная худая рука.

— Прекратите сейчас же. Ад сам решит, что с ней делать, — чернокожий мужчина с кольцом в носу дёрнул меня за руку, освобождая от цепких лап тех молчаливых шкафов на ножках, что держали меня. Поначалу цвет кожи моего внезапно появившегося защитника не столько удивил ме-

ня, сколько напугал, но очень быстро я вспомнила, что уже слышала о подобном. Разные национальности — не аномалия. К этому ещё стоит привыкнуть. Именно этот мужчина был одним из той загадочной тройки со второго этажа.

— Ад? Что такое ад? — я пошла за ним, не желая останавливаться в этом коридоре из существ, желающих разорвать меня на клочья.

— Не что, а кто. Не задавай вопросов. Не рассматривай здешних. Не перечь. Не перебивай. И дыши поменьше.

— Но…

— И не бойся. У нас юмор такой, — он не поворачивался в мою сторону, но я почувствовала, как в этот момент он улыбнулся.

Поразительная здесь была атмосфера. На секунду у меня даже появилось желание снять повязку с лица и глубже вдохнуть смесь здешних ароматов. Опасность, смешанная с кровью и потом. Если и было в мире место, где пахло свободой, то это оно. Бои за свободу и без того свободных.

Вокруг песок, огонь и люди. Много людей. Я снова и снова мысленно повторяю это слово, чтобы лучше распробовать его на вкус. Люди…

Чернокожий привёл меня к клетке и руками подал сигнал их, видимо, главарю. Пара, оставшиеся на втором этаже, поднялись со своих мест. Мужчина подошёл к краю, дав мне возможность лучше его рассмотреть.

Как и у многих здесь, лицо у него было закрыто тёмной

повязкой от носа до шеи. На голове — тёмный капюшон, из-под которого торчат светлые волосы. Они такие светлые, что даже издалека сильно выделяются на фоне мрака ночи. Второй человек — девушка. Длинные тёмно-русые волосы, спадающие на плечи и чёрный комбинезон, подчеркивали её приятное лицо. На вид ей лет двадцать с лишним. Она подходит к главарю, успокаивающе кладёт руку ему на плечо и говорит что-то почти на самое ухо. Он кивает, поднимает руку со сжатым кулаком. Поднимает два пальца вверх. И толпа ликует.

Они одобряюще кричат, увидев жест альфы. Кто-то грубо толкает меня в спину, и я оказываюсь внутри той самой клетки, откуда только пару минут назад вынесли мёртвое тело одного из бойцов. Это означало лишь одно… Меня вынесут следом.

Миссис Джеффри часто рассказывала нам о людях. О том, как порой бывает велика их сила, если они сплотятся для одной цели или из-за одного горя. Врала ли она? Ошибалась ли? В лицах дикарей, окруживших мой гроб в железную сеточку, я уж точно не видела ни силы, ни сплочённости. Они хотели моей смерти, и нет здесь никакого общего горя — лишь общая жажда крови.

Оборачиваюсь по сторонам, в панике рассматривая место, в котором оказалась. На земле много крови — почти каждая песчинка пропитана ею.

— Прекратите! — кричу и сама не верю своим словам.

Они не прекратят. — Прошу, выпустите! — руками впиваюсь в сетку, но после в панике отпрыгиваю от неё, когда меня пытаются ухватить за руку. Они не выпустят.

— Ри-на! Ри-на! Ри-на! — вторит толпа, поднимая к небу грязные жестокие руки.

В клетку запустили ещё одну девушку. Она мало чем отличалась от меня внешне, если не считать её телодвижений, которые так и кричали: «Из этой клетки выберусь только я!» Вполне убедительно…

— Брось. Мы же не обязаны, — пытаюсь обратиться к её здравомыслию, но оно, кажется, уже давно покинуло её крепкое тело.

Русые кудрявые волосы подпрыгивали вместе с ней, когда она делала непонятные мне движения, похожие на боевой танец.

— Мы не должны их развлекать!

Девушка в одном прыжке оказывается возле меня и, посильнее сжав кулак, ударяет им в мой висок. Я теряю равновесие, вспышка света перед глазами заставляет меня упасть на локти, но я успеваю перекатиться на спине, увернувшись от второго удара, который должен был прийтись в голову.

Разговоры бесполезны. Девушка так же опьянена предвкушением моей смерти, как и все остальные. Я поднимаюсь с земли, отбегаю в сторону и ногой ударяю ей по коленке, когда она хватает меня за воротник. Шипит от боли. Стонет. И тянет меня на себя, резко врезавшись своим лбом в мой

нос. Снова падаю…

Энди-Энди… Ты опять был прав, когда говорил, что мне стоит научиться драться. Но кто же знал, что мир, в котором мы собирались построить наше мёртвое будущее, будет так сильно разрушен чужим. Чужим мёртвым будущим.

— Поднимайся! — кричит девушка и ударяет меня ногой в живот.

Я кашляю, непроизвольно сжимаю рукой сухой песок и швыряю в неё, попав точно в глаза. Она отшатывается.

Энди-Энди… Так много было в тебе пустоты, но ты отказался заполнить её частичкой меня. А ведь я была готова отдать тебе хоть всё своё тепло.

Девушка нервно потирает глаза. Я поднимаюсь с земли, толкаю её в сторону сетки так сильно, что она ударяется в неё спиной. Я вынимаю нож.

Энди-Энди… Но ты ведь знал, что моё любопытство громче твоих приказов, а моя жажда жизни горячее твоего остывшего сердца. Ветер не будет милосерден, когда прилетит, чтобы забрать пепел наших сожжённых на солнце тел.

Я сжимаю в руке рукоятку ножа и вонзаю его в живот русоволосой девушки, забывшей, что такое настоящая жизнь. Толпа моментально умолкает. Нет тех радостных возгласов, поддерживающих победителя. Нет ни капли восторга. В глазах дикарей только удивление и ненависть. Неосознанно перевожу свой взгляд на их главаря. Он вновь поднимается со своего места и так же, как и его подчинённые, ошарашенно

смотрит на меня.

Я выпускаю из рук нож, пытаясь унять паническую дрожь при виде окровавленного живота девушки. Боль сдавливает грудь, я пытаюсь дышать, но сейчас воздух мёртв больше, чем обычно.

Я не хотела… Мне было страшно, меня пытались убить. Я ведь просто защищалась!

Нагнетающая тишина прерывается, как только глава дикарей скрывается из виду. Похоже, он идёт сюда. Я подхожу к девушке, хочу помочь, заткнуть рукой её рану, но она только отмахивается от меня, болезненно и угрожающе рыча сквозь зубы.

Монстр… Чудовище… Убийца.

Клетку открывают. Заходят несколько человек и уводят девушку куда-то за поле моего зрения. Голова кружится, нос кровоточит. Виски пульсируют, но я терпеливо слежу за тем, как светловолосый мужчина в тяжёлых сапогах и тёмной кожаной куртке подходит ко входу в клетку. Он останавливается, когда путь ему преграждают те головорезы, что привели меня сюда. Они что-то говорят ему, он внимательно слушает, хмурится и переводит взгляд на меня. Вздрагиваю.

Вряд ли Энди сможет вытащить меня из такой передряги. Всё, что мне остаётся — надеяться, что его тоже не поймают.

Я молча и опасливо наблюдаю за тем, как главарь дикарей заходит на «арену». Никакой охраны, никакого оружия. Он со мной наедине. Мы ходим по кругу друг напротив друга.

Если уж этому человеку удаётся держать такую толпу на коротком поводке, то я для него — лёгкая добыча.

Я молчу. Он тоже.

Мужчина держит в руках что-то чёрное и вытянутое — массивная палка, обвёрнутая фольгой и проволокой. Руки незнакомца закрыты перчатками без пальцев, а вот капюшон ему явно стал мешать. Он снял его с себя, и я увидела те самые светлые волосы. Вот только светлыми они оказались только на макушке. Укороченные виски были тёмного цвета. Наверное, даже чёрного. В таком мире, как наш, сложно найти даже туалетную бумагу, чего уж говорить о краске для волос. Остаётся только догадываться, сколько тайн у этого лагеря и у его предводителя.

Мужчина останавливается, и я следую его примеру, всё больше боясь нагнетающей тишины. Уж лучше бы дикари кричали.

Главарь направляет руку со странным предметом на нижнюю часть моего тела. Клац! Нестерпимая боль пробегается по моей левой ноге. Я чувствую, словно в ней ломаются кости. Дробятся на мелкие осколки. Чёрт! Кричу так громко, как не кричала уже целый год. Падаю на землю, и всё моё тело бьётся в непроизвольных конвульсиях.

— Это электрошокер, — сказал он спокойно. — Думаю, у вас такой игрушки нет.

Не место мыслям. Место боли. Но я всё ещё отчаянно стараюсь думать и понимать. Электрошокер… Про это миссис

Джеффри нам не рассказывала.

Голос… Его голос… Если до этого мне было хоть что-то понятно, то теперь я совершенно запуталась в этой сплошной огромной головоломке, окружённой железными прутьями клетки. Это был не мужчина. Нет-нет-нет… Это был парень. Молодой юноша.

— Но зато у вас есть ножи, да? В боях запрещено использовать оружие, — он сказал это громко, чтобы слышали те, кто меня схватили. Видимо, их обязанностью было обыскать меня, чего они не сделали. — Недоглядел. Тебе повезло.

Я плохо слышу то, что он говорит. Слова накладываются друг на друга или вовсе тонут где-то под слоем песка и грязи.

— Она… — кашляю и пытаюсь подняться. Безрезультатно. — Она жива?

Парень долго молчит, обдумывая мой вопрос или свой ответ.

— Вместо того, чтобы умолять пощадить тебя, ты переживаешь, выжила ли она?

— Кончай с ней, Ад! — не выдержал кто-то и заорал во всю глотку, загремев железной сеткой. Его примеру последовали и другие. Теперь арена вновь наполнилась яростными криками и гулом, но после вновь утихла. Видимо, главарь опять подал им какой-то знак жестом руки.

— Сколько вас? — вопрос, похоже, мне. Молчу и перетекаю в сидячее положение. — Спрошу во второй раз. На третий — ударю. Сколько вас?

Я почти уверена, что это не шутка, но не могу вымолвить ни слова. Глупо моргаю, смотрю на него и наивно надеюсь выбраться отсюда хотя бы частично целой. В голове только один вопрос — почему такая армия пошла за ним? Сколько вообще ему лет? Хорошие лидерские качества? Крепкий удар? Крепкий удар… Моё молчание выходит мне боком. Парень сдерживает слово и рукой, в которой держал шокер, ударяет меня по лицу, после чего его голос даже не меняется — спокойный и ровный.

— У меня на тебя времени хватит. А вот твоё кончается.

— Одна! Я одна! — кричу и отползаю назад, лишь бы он больше не трогал меня. Второй удар я не выдержу.

— Здесь, конечно, много чудиков, но вот девчонок с воображаемым другом по имени Энди ещё не было. Интересно… Но не правдоподобно, — его голос почти мёртвый. Он не поверит мне, даже если я скажу правду, так зачем же мне её говорить?

Парень направляет на меня электрошокер, и новая волна боли накрывает с головой. Сначала — плечо, потом лёгкие, потом — всё остальное. Внутри всё сгорает, тлеет, ломается, дрожит. Почти пустой желудок выворачивается, и меня тошнит на песок.

— Кто такой Энди? — монотонно спрашивает Ад. — Где он?

Либо толпа совсем забыла, как разговаривать и кричать, либо я не слышала её, слишком внимательно вслушиваясь в

своё сердцебиение и боясь его потерять.

— Я не… Я не знаю, — голос пропадает, силы тоже. Болевое послевкусие мучает кончики пальцев, дрожащих не только от холода.

— Девушка… — он посмотрел куда-то мне за спину, и я проследила за его взглядом, заметив, ту самую кучерявую девицу чуть вдали от арены. Выглядела она ужасно. Держа какую-то окровавленную тряпку у живота, она еле сидела и громко плакала, — …которой ты распорола живот, беременна. Была, пока ты не явилась.

Умолкаю. Мои мысли вне меня. Оказалось, чтобы стать убийцей, не обязательно кого-то убивать.

— Похоже, ты переживаешь за неё. Если не хочешь убить сразу двоих, тебе лучше сказать, кто такой Энди, — блондин указывает рукой на девушку. Только что ей к голове приставили огнестрел. Одно только движение, и её не станет. Кажется, она уже даже не против.

— Это не он, а она. Энди — моя подруга, — я продолжаю сидеть на песке, опасаясь, что моя попытка подняться закончится очередной волной боли в ногах.

— Хорошо, и где она?

— Я не знаю… — честно отвечаю я, но даже если бы и знала, ответила бы так же.

— Не знаешь или не скажешь?

— Не знаю! — повышаю голос, смотрю со злостью. Такое чувство посещало меня редко, неприятно щекоча нервы, но

сейчас я была готова нырнуть с головой в пучину своего гнева, раствориться там, стать им и обрушиться на головы всех присутствующих смертоносным наводнением.

Ад смотрит на меня, сдерживая раздражение. Уже и не важно, назвала я имя этого человека или название подземного царства мёртвых. И то, и другое было готово уничтожить меня прямо сейчас. Люди здесь жестокие. Жесток и их предводитель. Лучше бы я умерла от голода. Правильно Энди сказал — мы идём к запасам, а не к людям. Людей здесь нет и в помине.

Парень переводит взгляд на девушку. Она смотрит в пол, плачет, отпускает тряпку, позволяя крови покинуть тело. Не нужно быть врачом, чтобы понять всю тяжесть ситуации. Ей срочно нужна помощь, но нельзя спасти того, кто спасённым быть не хочет. Она сдалась. Ей уже тяжело дышать. Она задыхается.

— Нет! Прекратите! — кричу. Почти плачу.

Подрываюсь с места, бегу к ним. Плевать уже на этот чёртов воздух, которого становится всё меньше. Плевать, что от лёгкой пробежки можно так же легко потерять сознание и не проснуться. Нет, нет, нет! Так не должно быть! Люди не должны умирать, увидев напоследок огонь и разруху. Люди должны умирать счастливыми, а не сломленными. И не от удушья, а от длинной, хорошо прожитой жизни. Но у удушья больше власти, а у счастья лишь маленький домик на краю земли, куда добраться в одиночку почти нереально.

Так не должно быть! Я ведь просто хотела увидеть людей… Просто хотела перестать быть одинокой, ведь Энди давно уже играет роль ветра, у которого просто то же направление, что и у меня. Я ведь просто хотела поесть и поспать, пообщаться хоть с кем-то, кроме своих тараканов.

Меня ловит на полпути ещё одна пара рук, швыряет в сторону. Единственное, что звучит громче, чем крики дикарей — выстрел. Он похож на гром. Похож на последний стук сердца. Похож на смерть.

Я больше не вижу девушку, не вижу её «палача». Я понимаю, что воля «короля» исполнена и пора петь гимн в честь усопших.

— Я не знаю… — сквозь слёзы бормочу себе под нос и слышу звуки приближающихся ко мне шагов.

Впиваясь пальцами в волосы, пытаюсь выдрать их с корнем, выдрать их с кусочками памяти, лишь бы не помнить. Лишь бы не видеть перед глазами её лицо, её потерявший всякий смысл взгляд.

— Я ведь сказала, что не знаю… Не знаю!

— Ну что ты, я, конечно же, тебе верю, — всё то же будоражащее спокойствие в голосе.

— Вы дикари… Вы животные! — криком общаюсь к нему. К человеку, который понимает только шёпот.

Боль — вечное топливо вечного двигателя, но даже самое стойкое и крепкое сердце рано или поздно изнашивается, покрывается ржавчиной, слабеет. Ни я, ни Энди не про-

веряли, насколько крепки наши сердца. Похоже, моё состоит из самого дешёвого и хлипкого пластика. Он плавится, я ощущаю жар и добавляю огня.

— С этой арены после боя может выйти только один. Поздравляю с победой, — отстранённый, безразличный, жестокий голос.

Он напоследок кидает возле меня шокер и медленно уходит, зачем-то посмотрев на небо.

Дай волю сердцу — оно скажет: «Ты убит».

Я даю свободу сердцу. Оно лишь плачет и скулит.

Гнев сильнее здравомыслия. Я смотрю вслед уходящему главарю дикарей и не вижу в нём ни капли человеческого. Мир на грани разрушения, а он позволяет ему погибать, имея власть над теми, кто ещё может что-то исправить. Мир на грани вымирания, а он позволяет ему разрушаться.

Я рычу от злости и поднимаюсь с земли, имея дикое желание направить ток ему прямо на затылок. «Удар в голову смертельный,» — сказал он ещё тогда, когда я лежала на песке и пыталась прийти в себя.

Смертельный? Что ж. До встречи на той стороне.

Я хватаю электрошокер и успеваю сделать только один шаг перед тем, как снова упасть от пронзительной боли, пробежавшейся по телу. Ток течёт по венам, и это уже не метафора. Я головой ударяюсь о землю и, перед тем, как закрыть глаза, вижу только размытый силуэт уходящего Ада.

Небо 2. Огнём похоронены.

Научиться писать — не значит стать грамотным. Научиться петь — не значит стать певцом. Родиться — не значит стать человеком. Они не стали.

Я еле разлепила сонные глаза. Сначала меня встретили кромешная темнота, холод и сырость. Потом — головная боль и неприятные ощущения в конечностях.

Это была яма глубиной где-то в метр с деревянной самодельной решёткой вместо двери. Отсюда было видно весь лагерь, где и обосновались дикари. Люди носили куда-то вещи, брёвна, разговаривали, танцевали, общались. Здесь были даже маленькие дети. Поразительно, насколько нужно быть смелыми, чтобы в таком мире решиться завести детей.

Самодельные палатки выстроились в хаотичном порядке, как маленький городок. Люди часто поглядывали на меня, проходя мимо. В их глазах читалась опаска. Они боялись меня точно так же, как и я их. Сколько я спала? День? Пару часов? Нашли ли за это время Эндрю? Где я вообще?

— Очухалась? — знакомый голос разрезал слух, и я дёрнулась. — Наконец-то. У тебя сегодня тяжёлый день, Морковка.

Это был тот чернокожий мужчина, что назвал мне кучу полезных правил, каждое из которых я нарушила. Почему-то мне хотелось ему доверять.

Я промолчала, непонятливо нахмурила брови, а он хрюкнул от смеха, одновременно с тем открывая замок на деревянной решётке.

— Почему морковка? Тебя то в песок лицом швыряют, то в яму сажают, а ты всё усидеться не можешь. Морковки тоже быстро прорастают.

Куча вопросов крутится в голове, но я терпеливо прикусываю язык и охотно вылезаю из своей тюрьмы. Оказавшись на улице, вжимаю голову в плеч — все взгляды прикованы ко мне, но атмосфера здесь явно приятнее, чем там, на побоище. Покусывая ранку на разбитой губе, оборачиваюсь по сторонам, стараясь запомнить это место в деталях и постараться не выглядеть на фоне дикарей ещё большей дикаркой.

— Не вздумай сбегать, — заметил мой взгляд мужчина. — Беглецов у нас не жалуют. Покажешься на глаза ещё раз — убьют без промедления. Ад и так был к тебе слишком милостив.

Если избиения и убийство здесь считают милостью, то я даже не хочу думать, что же тогда для них наказание.

Для меня было шоком то, с какими разными интонациями и манерой речи разговаривали эти люди. Энди всегда говорил спокойно, однотонно, без лишних громких звуков. Теперь я буквально заново училась понимать речь.

— Освойся тут пока. Я поговорю с Адом, а он уже решит, что с тобой делать. И не шали. За тобой присматривают.

Я обернулась по сторонам и заметила с десяток людей,

которые, видимо, отвечали за охрану. Мужчина был прав — каждый из них не упускал возможности впиться в меня взглядом.

Он сказал, чтобы я не уходила слишком далеко, а сам скрылся где-то в лабиринте из палаток. Я долго стояла на месте, словно у меня не было никакого права топтать своими ногами их землю. В моей голове отчётливо закрепилась мысль: мне здесь не место. Я неторопливо побрела в сторону яркого огонька, сияющего вдалеке. Всякий чёрт во тьме на свет идёт..

— Куро! Живо домой, — громкий женский голос окликнул одного из ребят, когда я проходила мимо. Видимо, мать боялась, что я украду её ребёнка и зажарю на костре. А вот мне такая идея казалась всё менее дикой… «Меньше спишь — больше хочешь есть».

Тем светом оказался костёр. Я долго смотрела на языки пламени — они так манили меня присесть рядом и поговорить о наших с ним недолгих жизнях, но я продолжала стоять на месте. Загипнотизированная. Влюблённая.

— Чего стоишь, любушка? Аль к земле приклеилась? — нежный приятный голосок вывел меня из транса. Я послушно подошла к костру и села напротив своей спасительницы.

Лицо её изменилось, как только я вышла на свет. Улыбка сменилась на шок и даже какой-то лёгкий испуг. Она узнала во мне «чужака», чьё имя весь вечер кричала толпа.

Этой девушке, наверное, и огонь не нужен был. Она сама

излучала такой свет, что в её присутствии я чувствовала себя неуютно. Огненно-рыжие волосы, яркие зелёные глаза, губы и щёки, налитые ярким красным цветом, круглое личико и бледная кожа… Она будто вышла с обложки детской книжки. Девушка держала на руках младенца, обмотанного кучей покрывал.

Усаживаюсь поудобнее, но морально готовлюсь к тому, что сейчас меня прогонят. Вытягиваю руки ближе к огню и ощущаю на кончиках пальцев приятное тёплое покалывание.

— Как там? За воротами, — неожиданно спрашивает она, и я на какое-то время даже забываю слова.

— Одиноко.

Она понимающе кивает головой и крепче прижимает к груди ребёнка.

— Каспер сказал, ты пришла не одна, — издалека начала девушка, но я не торопилась отвечать на этот вопрос. За одним вопросом последует второй, а за вторым — третий.

— Вы разжигаете костёр. Но ведь воздух…

— Мы делаем это очень редко. Только во время боёв или похорон. А это… — она грустно посмотрела на огонь между нами. — По ночам нынче холодно. Дитятко и так уж чем-то захворало. Тревожно мне.

Неудобно в такой момент было спрашивать про то, как часто устраиваются эти бои. Видимо, нечасто, потому дикари и радуются этому событию.

— У вас есть шокеры, но нет даже какого-нибудь суперобогревателя?

На мои слова девушка засмеялась.

— Нет-нет… Нет у нас никаких шокеров. Ад увлекается такими штуками, сам их как-то мастерит.

— Что за кличка такая? Ад… От того, что бессердечен?

Огневласая снова улыбнулась.

— Это не кличка, а сокращение имени. Просто прижилось как-то. Привыкли его так величать. А кличут его Айденом.

— Он ведь… очень молод. Почему за ним пошли? Почему слушаются?

Кажется, мои вопросы её совсем не смущали. Она была даже рада поговорить со мной, а я — уж тем более.

Стараясь правильно подбирать слова, смотрю только на огонь. Зрительный контакт сейчас кажется чем-то таким же диким, как и эти люди. Слишком опасно.

— За ним ещё не пошли. Он сейчас… М-м… Как же их величали… Принц! Нет, не так.

— Не он главарь? — хмурюсь.

— Его отец был главарём. Год уж как схоронили его душу. Пропал он, — девушка грустно вздыхает, но потом вновь берёт себя в руки и доброжелательно улыбается. — Айден пока хорошо справляется. Сегодня вот наши собирались до вечера кулаками махать, а он взял да прекратил это. Непогода нас навестит, — говорит она и загадочно поднимает голову

к небу, но при этом закрывает глаза.

Нельзя смотреть на небо. Нельзя восхищаться звёздами. Нельзя верить.

— Я Миранда, к слову, — говорит она, явно ожидая от меня ответа. Но что-то словно сдавливает мне горло. Произносить своё имя вслух столь же опасно, сколько непривычно. Потому я молчу. Потому она понимающе улыбается.

Кажется, она любила разговаривать. А я вдруг поняла, что люблю слушать. Миранда рассказала о себе, немного о своей жизни и очень много о своём ребёнке. За каких-то двадцать минут я узнала о том, как часто малышка Эбби ходит в туалет, сколько раз за ночь просыпается и как много портит пелёнок. А ещё Миранда рассказала про Честера…

— Мой муж не любил это место. Новый день – новый побег. Уповал на свободу и независимость. Но зато он любил меня, — она широко улыбнулась, мысленно отдаваясь воспоминаниям. — Прискорбно признавать, но его сердце было столь мало, что не вместило в себя ещё и Эбби. Душили его эти стены, обязательства… Он не стерпел. Так часто сбегал, что его сочли предателем и прогнали в самый разгар кислотного ливня. Одному небу известно, жив он или сгинул.

— Помогите! Ему плохо! — доносится до моих ушей чей-то болезненный крик. Да и не только моих.

Рыжая девушка теснее прижимает к себе младенца, проснувшегося от громких криков, и оборачивается в сторону шума, куда торопятся люди. Возле самого большого само-

дельного домишки собирается толпа зевак. Кто-то заходит внутрь, кто-то остаётся снаружи.

Я следую за всеми. Люди смотрят на меня напряжённо, будто я на чужой территории. Ещё немного, и они бросят в меня что-то, как в блохастую беспризорную собаку.

— Он… Он вдруг упал, и я… Я не знала, что делать, — дрожащим голосом бормотала женщина, которую вывели из дома.

Аккуратно растолкав пару человек, я выбилась в первые ряды и заглянула внутрь. На полу лежал парень в странной скрюченной позе, изо рта валила пена, и дикари пытались привести его в чувства, но безрезультатно. Жуткое зрелище…

— Разойдитесь! Кому сказал?! — грозный тон, грубые движения. Кто-то стремительно прорывался сквозь толпу. — Дайте же пройти!

Это был Каспер — чернокожий мужчина, выпустивший меня из клетки. Он подбежал к парню, сел возле него и рывком повернул его на бок, чтобы тот не захлебнулся.

— Вы не додумались сделать это сами? — гаркнул он на присутствующих, и кто-то сзади пугливо дёрнулся.

Каспер приложил два пальца к шее больного, а потом снова переложил его на спину и стал руками давить на его грудную клетку. Заводить сердце. Безрезультатно.

Нам с Энди иногда попадались люди. Всегдаа — мёртвые. Мы делали вид, что не происходит ничего необычного, но

где-то внутри сочувственно рыдали, грустно глядя на остывшие тела. Теперь смерть произошла на глазах. Уже второй раз. Мой маленький хрупкий мирок умирал вместе с ними. Трескался, ломался. Эта ночь была особенно болезненной.

У всех людей людские традиции. У дикарей — …тоже людские. Казалось бы, как радостно кричали они, когда один убивал другого. С какой жаждой они смотрели на меня и девушку, погибшую на ринге. А теперь все они стояли на молчаливых похоронах тех, чьей смерти так желали.

— В этот вечер мы собрались, чтобы поблагодарить наших братьев за рвение к жизни, — говорил Каспер, пока за его спиной горел самый огромный костёр из всех, что я когда-либо видела.

Так они хоронили людей — предавали их тела огню. Дикари живут по принципу «меньше народа — больше кислорода». Они проводят эти бои для того, чтобы определить, кто же достоин дышать.

— …когда настанет время. А оно настанет! Мы больше не будем бояться за наши жизни. Мы будем жить в мире, который сами же построим! — продолжал Каспер свою речь.

Я бы заплакала и закричала что есть мочи. Я бы сорвала с лица кожу и песком засыпала себе глаза. Я бы заткнула уши ножами, но даже тогда бы я чувствовала эту терзающую изнутри боль. Моё сердце жило отдельно от меня. Моё сердце скулило и обливалось кровью. Моё сердце… От каждого слова оно вздрагивало и вопило. Оно не верило в новый мир.

Смерть останется смертью, а война останется войной до тех пор, пока человек остаётся человеком.

После своей речи, выждав, когда разбредётся толпа, Каспер обратился ко мне.

— Дело к тебе есть, — сказал он настолько тихим и вымотанным голосом, что мне пришлось переспрашивать. — Ад ждёт тебя в Косой пещере, — мужчина поставил руки по бокам. — Извини, но если ты откажешься, то мне придётся насильно тащить тебя. Зрелище будет так себе.

Я кивнула, давая понять, что повторять мне не придётся.

— Он дал тебе время на отдых и еду, так что... — он вдруг замолчал и неловко почесал затылок. — Кажется, об этом я сказать тебе забыл… Ну, ты же не голодна? — он поморщился, как бы признавая свою вину, и мне осталось только отрицательно покачать головой, чтобы его не обидеть.

Дело близилось к рассвету. На улице полнейшая тишина, прерываемая еле слышным храпом здешних. Проходя мимо их укрытий, я не могла удержаться, чтобы не посмотреть, что же у них там внутри происходит. Целый год я бродила по запустевшим брошенным постройкам, а теперь находилась в лагере сотни выживших. Конечно, это совсем не то, о чём рассказывала миссис Джеффри, но атмосфера непередаваемая.

Сначала я не верила этому скверному названию «Косая пещера». Думала, меня ждёт какой-то заброшенный бар, построенный дикарями, или ещё что похуже. Но это была самая

обычная пещера с сырыми стенами, пугающим эхо и странным свечением изнутри. Каспер остался снаружи, как только мы подошли ко входу. Теперь я была одна.

Доверия не вызывал ни странный гул, доносящийся откуда-то из глубины, ни каменные валуны, словно приклеенные к потолку на суперклей.

Свет становился всё ближе. Мои шаги стали увереннее, как только среди громкого шума я уловила человеческую речь. Голоса раздавались редко, но даже этого хватило, чтобы помочь мне выбраться из каменного лабиринта.

Я вышла в громадное помещение, освещённое яркими фонарями. Таких я никогда не видела, но здесь были вещи более удивительные, чем какие-то светяшки. Помещение служило мастерской — дюжина дикарей стояли у широких столов с горой металлических и пластмассовых деталей. Кто-то занимался сортировкой, кто-то переносил мешки с материалами со стола в ящики, кто-то собирал детали во что-то целое. Всё это выглядело бы нормой, если бы люди не были закованы в кандалы.

— По-твоему, это похоже на алюминий? — прозвучал голос громче остальных. — А это? Это что?

Главарь дикарей ходил между рядами столов и не упускал возможности упрекнуть в чём-то каждого своего рабочего. Или раба?...

На фоне скрюченных спин подчинённых, на фоне их опущенных чуть ли не к земле голов Ад казался ещё выше, ещё

сильнее, чем не арене.

По телу прошлась неприятная дрожь, когда блондин, наконец, обратил на меня внимание. Он снял с левого глаза монокль, явно сделанный его же руками, и направился ко мне, попутно развязывая бинты на запястьях и кистях.

— Кто тебе разрешил сюда войти? — он грубо развернул меня за плечо и подтолкнул в спину, чтобы я перестала пялиться на «рабочий процесс».

— Никто и не запрещал… — я сказала это тихо, чтобы не нарваться на ещё большую грубость.

Парень ударил ладонью по стене, запустив какой-то механизм. Через несколько секунд по пещере раздался металлический скрежет, и мастерская скрылась за массивной, но очень лениво закрывающейся дверью.

Его недоверчивость не позволила ему упускать меня из поля его зрения, так что дикарь заставил идти впереди него.

Молчание, окатившее меня с ног до головы, вызывало приступы тревоги. Я даже старалась не шоркать подошвой, старалась тише дышать и моргать. Каждый звук, каждый шаг дикаря за моей спиной казался предсмертной барабанной дробью. И, как некстати, мой живот издал голодный рык.

— Я дал тебе мало времени на то, чтобы прийти в себя?

Нет, ты дал поручение не самому ответственному помощнику, который забыл сказать, что голодать мне было не обязательно.

— Я в порядке, — киваю головой для убедительности.

— Мне не интересно, в каком ты состоянии. Меня раздражают песни твоих желудочных китов.

Ещё один удар ладонью — ещё одна металлическая дверь. Мы оказались в небольшой коморке, очень похожей на комнату обычного дома. Здесь — письменный стол, самодельный шкаф, подобие напольного ковра и жуткая давящая атмосфера.

Когда за нами закрылась дверь, настала моя очередь бояться упускать его из виду. Я отскочила в сторону и упёрлась спиной о каменный комод. Стало казаться, что даже окажись я в кандалах, как те несчастные дикари, мне не было бы так страшно, как сейчас, наедине с их главарём.

— Как тебя зовут? — даже такой простой вопрос из его уст звучал слишком дико.

Он подошёл ближе и в упор посмотрел мне в глаза, но потом быстро потерял в них интерес. Я поняла, что ему было важно узнать их цвет.

— Ниа. Ниана Твайстер.

Айден подошёл к письменному столу и выдвинул один из стульев.

— Твистер? — не расслышал он и поморщил нос. — Как игра «твистер» или как буря[1]?

— Твайстер! — повторяю я, продиктовав по буквам и чуть повысив от негодования голос.

Он не отвечает. На самом деле, ему не интересно ни моё

[1] A twister – смерч (в переводе с англ.)

имя, ни фамилия, ни что-либо ещё.

— Сколько вас?

Я как будто даже забыла значение этих слов — насколько странным показался этот вопрос.

— Я уже отвечала.

— Ну, говорят, ум приходит с возрастом. А ты стала на два с половиной часа старше, — на этих словах дикарь с приказным видом указал мне рукой на стул. — Может, теперь тебе есть что мне рассказать.

Рассказать мне в самом деле было нечего, а потому за моим упорным молчанием последовал его длинный вздох, скрывающий раздражение. То ли надеясь что-то найти, то ли пытаясь сдержать желание меня придушить, Ад открыл металлический шкаф. Там я заметила ещё с десяток причудливых изобретений, хотя здесь они выглядели как уже абсолютно рабочие аппараты.

— Ладно… Как вы нашли лагерь?

— Я не знаю. Энди ска…зала, что увидела людей во время вылазки. Мы шли несколько часов и…

Не успела я договорить, как все слова вылетели из головы. Я увидела в его шкафу рюкзак, который оставила на окраине лагеря, пока наблюдала за боем в клетке. Не знаю, что именно я почувствовала: страх или злость, но что бы это ни было, оно заставило меня сделать несколько непроизвольных шагов в сторону парня.

— Это мои вещи! — мой возмущённый голос эхом раз-

даётся в комнате.

Я не успела даже протянуть руку — Ад рефлекторно схватился за пистолет на своём поясе, а второй рукой толкнул меня в плечо так, что я споткнулась и больно приземлилась на стул.

— Я не говорил, что тебе можно подходить, Твистер, — он повысил голос.

— Я Твайстер…

Он смотрел на меня так, словно только и ждал момента, когда я выкину что-нибудь ещё. Тогда у него появится долгожданный повод всадить мне пулю в лоб.

— Получишь свои вещи, как только перестанешь тратить моё время и начнёшь внятно отвечать на вопросы.

Со мной ещё никогда так грубо не разговаривали. Я чувствовала себя до ужаса ничтожной от каждой произнесённой им буквы.

В этот момент в комнате раздался странный писк. Одна из навороченных безделушек на столе начала разрываться от звонка. Ад отреагировал на неё спокойнее, чем я — что-то на ней нажал и поднёс к уху.

— Да? — сказал он в неё и сделал паузу. — Какой ещё парень?

На этом моменте я насторожилась, но постаралась не подавать виду.

— Связали его? Зачем? Клетки не резиновые, у нас нет столько места на чужаков.

Он сделал ещё одну паузу, а тем временем моя паника достигала предела. Энди…

— Просто прикончите его.

— Нет, постойте! – снова подорвалась я с места. – Остановите их! Я всё расскажу!

Я отобрала у него механизм, снова упала на стул. В моих руках оказалась пластмассовая коробочка с электронным циферблатом и круглыми чёрными кнопками.

— Что за… Куда тут говорить?

Триста раз прокрутив штуку в руках, я так и не нашла никакого динамика.

— Сюда, — сказал дикарь и указал на своё ухо. — Положи будильник, ты прокололась. Так значит, твоя призрачная подружка Энди – всё-таки не подружка. Кто он такой? Твой брат? Твой парень?

Будь у меня ответ на его вопрос, может быть, я проронила бы хоть слово. Может быть, не стояла бы как вкопанная, не тряслась от злости и от страха. Мы никогда не говорили с Энди об этом. Он считал глупым тратить воздух на такие разговоры, а я считала глупой себя. Так и проходила вся жизнь.

— И что мне теперь с тобой делать?

Глаза в панике забегали по комнате. На секунду взгляд остановился на кучке проводков в шкафу дикаря. Проследив за моим взглядом, парень обернулся.

— Хорошая идея, Твистер. Я прощу тебе твоё враньё, если кое-что сделаешь. Мне как раз нужно её протестировать.

— Я Твайстер…

Он достал из шкафа аппарат и приложил к руке. Это было похоже на маленькие прищепки с кабелями, которые цеплялись на кончики пальцев. Когда эта чудаковатая аппаратура была установлена, дикарь надел на левый глаз подобие окуляра — стекло с микросхемой, обрамлённое сверкающей железной оправой.

Наблюдая за каждым его движением, я всё не могла понять, почему рядом с ним мне было так страшно. Так долго разговаривать с ровесником противоположного пола мне ещё не приходилось. От Энди Ад сильно отличался — дикарь был почти на голову выше, голос его звучал ровнее и строже. Его тело как будто было лучше подготовлено к дракам или нагрузкам. Кожа светлее, пальцы длиннее. Острее был кадык и немного шире плечи. Но что отличалось сильнее всего — взгляд, полный неописуемой мерзлоты. Он как будто ждал опасности от каждого моего движения.

Подкручивая какие-то винты у виска и не отрывая от меня глаз, он изрёк поистине гениальное:

— Заткнись и вытяни руку.

Я сидела неподвижно несколько секунд, потом обернулась назад, искренне надеясь, что он обратился не ко мне. На такой жест Ад щёлкнул пальцами, возвращая моё внимание к себе.

Я вытянула вперёд ладошку. Дикарь согнул руку в локте и сжал кулак, после чего разогнул пальцы, на кончиках кото-

рых всё ещё были закреплены провода. В этот момент возле его ног на земле образовалась зелёная линия, как бы разделяющая комнату на две части — мою и его. Словно лазерный луч, она медленно двигалась в мою сторону, огибая каждый камешек на земле. Я нервно сглотнула то ли от страха, то ли от холода, когда луч оказался возле меня. Айден перебирал пальцами в воздухе и следил за всем так внимательно, словно от происходящего зависит будущее человечества.

И вот луч коснулся кончиков моих пальцев… Медленно скользя по коже, он добрался до запястий. Было ощущение, словно кто-то пальцами провёл по руке, вызвав лёгкие мурашки. Я отдёрнула руку от луча, и Айден тут же сжал кулак, увидев, что что-то со мной произошло. Зелёная линия исчезла.

— Что ты почувствовала? — с волнением в голосе спрашивает Ад, надеясь, что его изобретение подействовало так, как надо.

— Прикосновения… — бормочу чуть ли не себе под нос и опасливо смотрю ему в глаза. До сих пор чувствую себя без защиты. Без Энди. — Прикосновения на расстоянии. Как такое возможно?

— Чёрт… — ругнулся парень и снял с глаза окуляр.

— Должно было быть что-то другое?

— Тебе, как минимум, должно было расплавить руку.

Я не знаю, было ли это шуткой, но каждая клеточка в моём теле искренне пожелала дикарю провалиться под землю.

— Почему он не пришёл за тобой, а? — снимая с руки перчатку, спросил Ад.

— Увидел то, как вы относитесь к человеческим жизням, и испугался, — в моих глазах гнев и осуждение.

— А может, он просто оказался шпионом получше, чем ты, и свалил, чтобы рассказать обо всём начальству?

Чёртов параноик… Миранда была права. Он действительно только и ищет повод, чтобы увидеть в чём-то опасность.

— Даже будь так, он бы не сбежал.

— Тогда обрадую тебя, — продолжил Ад. — Скоро вы увидитесь. Весь лагерь трезвонит о том, что тебя поймали. Если он правда такой благородный, как ты говоришь, он найдёт тебя. А мы с тобой ему в этом поможем.

Ад кивнул мне в сторону открывающейся двери за моей спиной.

— Я что… могу идти?

— Да, — сказал он так обыденно, словно я совершенно перестала его интересовать.

Так и не поняв, в чём тут подвох, я встала. Замерла у выхода. Пальцы сами собой вцепились в косяк двери, в груди колотилось что-то тяжёлое и горячее, мешая дышать. Я обернулась.

Ад всё ещё стоял у стола, опершись о него ладонями. Его поза казалась расслабленной, почти скучающей, но взгляд… Этот ледяной, цепкий взгляд ни на секунду не терял меня из виду. Он словно знал, что я не уйду просто так.

— Та девушка на арене... — мой голос сорвался, и я сглотнула, заставляя себя говорить дальше. — Неужели вы... Вы правда её убили?..

Я ненавидела то, как дрожит мой голос. Ненавидела эту липкую слабость, которая поднималась из горла, готовая вырваться наружу слезами. Но я не могла сдержаться — перед глазами всё ещё стояли мои окровавленные руки, та девушка с пустыми глазами, которая сдалась ещё до того, как прозвучал выстрел.

Это было одно только мгновение, но я увидела, как его брови дёрнулись в удивлении. Будто он наткнулся на нечто, чего никак не ожидал встретить в этом мире.

— А, ты про Рину... — он размял шею и бросил взгляд к потолку, выбирая, какую из правд мне озвучить. — Она жива. Полежит пару недель в кровати, но поправится.

Я моргнула, не веря своим ушам.

— Что?...

Ад пожал плечами, будто говорил о чём-то само собой разумеющемся.

— Рана неглубокая. Ты промахнулась. Парни вытащили её сразу после того, как ты свалилась в обморок. Зашили, перевязали. Будет жить.

Он говорил это так буднично, так обыденно, словно рассказывал о погоде на завтра.

— Но... — я сглотнула, — я же слышала выстрел. И… и Вы сказали, что она беременна. Выходит, я всё-таки…

— Нет. Я соврал, — перебил он меня. — Мне нужно было достать из тебя информацию.

— Достать информацию?.. — прошептала я. — И ради этого Вы приказали приставить ей пистолет к голове?

Ад кивнул коротко и без тени сожаления, даже не пытаясь оправдаться. Ему было плевать, что я подумаю о нём, о его людях, о его методах.

— Раз она не ждала ребёнка, почему так рыдала, когда я ранила её? Почему сдалась?

Он тяжело вздохнул, словно каждый ответ на мои вопросы слишком дорого ему стоил. Словно я прожигала его драгоценное время и нервы.

— Рина слишком гордая, чтобы признать поражение, но слишком слабая, чтобы с ним смириться. В нашем мире поражение — смертельный приговор. Даже если ты остаёшься жив физически, ты умираешь здесь, — он постучал пальцем по виску.

Я молчала, переваривая услышанное. Мир дикарей казался мне всё более чуждым и жестоким.

— Она сделала свой выбор. Рина могла потребовать реванш за то, что ты пронесла на арену нож. Но она предпочла рыдать на песке и ждать пули. Так что не жалей её.

Где-то внутри меня шевельнулось любопытство, которое Энди всегда называл моей главной слабостью.

— Реванш? Значит, у вас здесь есть правила? Не просто хаос и жажда крови? Вы просто убиваете друг друга на арене

и хороните в огне или у вас есть что-то ещё? Какой-то порядок? Какие-то цели? План?

Ад медленно выпрямился, прохрустел костяшками пальцев, словно разминая руку перед ударом. Перед глазами снова промелькнула картина: шокер в его руке, замах, удар по лицу. Я машинально потянулась к щеке, где именно в этот момент заныл ушиб от его кулака. Сейчас в его руке не было оружия, но от этого он не казался менее опасным.

— Ты здесь меньше суток, и уже хочешь знать наши планы?

— Нет, я…

Я сделала шаг назад, хотя он даже не двинулся с места.

— Порядок в том, что каждый здесь знает своё место. И если ты не знаешь своего, я тебе его покажу, — его голос звучал ровно, но я слышала в нём сталь. —Ты не гость в моём лагере. Ты — пленница. И пока я не решу, что с тобой делать, твоя задача — сидеть тихо и делать то, что говорят. Ясно?

Я судорожно кивнула, чувствуя, как воздух застревает в лёгких. Он не доверял мне. Доверие нужно заслужить. А я пока заслужила только то, что он не позволил своим людям прикончить меня на арене.

Ад стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Его взгляд больше не был тяжёлым — он стал абсолютно пустым. Безразличным. Словно меня уже не существовало в этой комнате. Словно я уже ушла, и он просто ждал, когда моё тело

последует за сознанием.

Он не говорил ни слова. Просто смотрел то на меня, то на пещерный коридор за моей спиной.

Я поняла. Я развернулась и шагнула к выходу. Мои пальцы коснулись холодного камня, и я на секунду задержалась, чувствуя, как внутри всё сжимается от желания спросить ещё что-то. Спросить о Рине. О Каспере. О том, почему они живут так, а не иначе. О том, что будет со мной завтра, если Энди так и не придёт.

Но я не обернулась.

Небо 3. Любовь, убитая снарядом

Ненавижу смерть. Потому что в наше время человек может пережить всё, кроме неё.

© Оскар Уальд.

Я будто взяла в прокат нервную систему, за которую пришлось заплатить бешеные проценты. «Скоро вы увидитесь», — снова и снова повторялись слова эхом в моей черепной коробке.

Пещерные проходы проносились мимо один за другим. Я так быстро шла к выходу и так яростно пыталась предугадать план главаря дикарей, что дорога завела меня в тупик. Заблудилась…

Запах сырости немного успокаивал. Слышались жуткие капающие звуки, за которыми последовал приступ паники, бегающий по венам вместе с похолодевшей кровью.

Пинаю камни, тяжело вздыхаю и, обняв себя за плечи, плетусь обратно к пещере с дикарями-работниками. Холод пробирает до мурашек, а под звуки ритмичного капания воды где-то недалеко от меня мой желудок начинает подпевать.

Каспер, наверное, уже давно приказал всем окружить лагерь. Очень скоро они найдут его, свяжут, посадят в одну из клеток, а после, скорее всего, бросят на арену, как и меня…

То ли удача мне благоволила, то ли Небо сжалилось надо мной, но в поисках обратного пути я случайно нашла выход.

Запах сырости стал ещё острее. Тяжёлые тучи упали на лагерь дикарей и пролили слёзы на их землю. Я сделала всего пару шагов на улицу, как тут же вернулась обратно. Нестерпимое жжение на коже вызвало приступ чесотки. Я ещё раз подставила руку под небесные слёзы и поняла, в чём было дело.

— Это кислотный дождь, — говорит голос, и я понимаю, что он принадлежит не мне.

— Энди! — чуть ли не кричу любимое сердцу имя.

Я оборачиваюсь, вижу его, бегу к нему, не сдерживая ни улыбки, ни порыва эмоций. Прыгаю ему на шею и радостно душу со всей своей силы. Нам редко приходилось быть вдали друг от друга больше нескольких часов.

— Напугала же ты меня… — говорит он, не желая меня отпускать. Нн изо всех сил старается не показывать свою радость, но я слышу волнение в его голосе и чувствую, как колотится его сердце.

Каждая клеточка тела празднует это радостное событие. Я снова не одна, я снова чувствую себя в безопасности. Вдыхая его запах, руками ощущая теплоту его кожи, я всё больше загораюсь желанием стоять так хотя бы вечность. Хотя бы две. Закрываю глаза, точно зная, что мне ничто не угрожает. Улыбаюсь, точно зная, что никто не посмеётся над выражением моего лица. Из памяти можно стереть всё, но только не его руки. И теперь я полностью забиваю свою карту памяти этим моментом, а всё остальное... Удалить, удалить, удалить.

— Химические выбросы, — пояснил Энди и наконец отпустил меня. — Ты была права. Где-то недалеко есть то ли база для выживших, то ли какая-то фабрика. Завтра выясним.

Кислотный дождь... Стоит дописать всего одно слово, и то, что раньше было визиткой к спасению, становится стихийным бедствием.

Парень был сам на себя не похож. Обычно Энди не верит во что-то, даже если носом ткнуть его в железные аргументы. Он всегда стоит на своём, а сейчас он был готов отбросить свои принципы из-за сомнительного дождика.

— Мы не знаем, что нас там ждёт, — впервые я рассуждаю как он. — Нас двое, и мы без оружия.

— Увидев то, что здесь происходит, я не уверен, что отшельниками быть безопаснее. Нам нечего терять.

Нечего терять... А как же мы, Энди?

— Как скажешь, — бурчу под нос.

— И что же такого здесь происходит? — грубый мужской голос раздаётся за нашими спинами.

Четверо мужчин в грязных робах направляют в нашу сторону оружие и заставляют поднять руки.

Я ещё раз смотрю на тёмно-коричневые тучи, в спешке ползущие по небу в нашу сторону. Невольно вспоминаю слова Миранды, когда она, закрыв глаза, подняла лицо к небу и произнесла: «Непогода нас навестит». Они знали... Дикари знали, что это произойдёт. Ад знал, что нам некуда будет

деться. И что если Энди придёт за мной, то тоже попадёт в эту ловушку.

Энди пытается с ними договориться: обещает припасы и наше молчание. Но дикарям безразлично. Они подчиняются своему королю и выполняют приказ. Заламывают нам руки за спины и разводят по разным сторонам.

Мистер Джеффри до Нового времени был астрономом. Вот же ирония… Даже после случившейся катастрофы он не перестал говорить о том, что он чувствовал, глядя на небо ночью. Он говорил и о солнце, и о чёрных дырах. Говорил, что их можно было бы создать самому, имея какой-нибудь волшебный аппарат, уменьшающий предметы. Чёрная дыра может появиться, если абсолютно любой предмет, будь то планета, звезда или росток картошки, уменьшить в миллиарды раз, но при этом сохранить массу этого предмета. Чёрная дыра — пустота. Ничто. Выходит, пустота рождается из материального? Забавно, ведь это относится не только к астрономии. Пустота рождается из материального... Был человек в твоей жизни, ушёл и оставил тебе пустоту в сердце. Вот тебе и чёрная дыра.

«Кто он такой? Твой брат? Твой парень?» Если бы я заговорила с Энди об этом, он бы сильно разозлился и сказал, что я в очередной раз забиваю голову не тем, чем нужно. Он-то думает о выживании, о нашем будущем, нашей общей жизни, где мы даже не будем вместе.

Многие вещи мистер Джеффри рассказывал только Энди,

а меня выводил из комнаты, бросив сухое «помоги тёте Лесли на кухне». Такими вещами и были разговоры об алкоголе, сексе, приборах, девчонках и странных жидкостях, которые нужно вкалывать в вены, чтобы те помогли «расслабиться». Немногое из этого Энди всё-таки мне рассказал.

Теперь, когда нас держат взаперти в разных сторонах пещеры, я бы всё отдала, лишь бы снова оказаться дома. Лишь бы он рассказал мне очередную историю, которую я слышала уже тысячи раз. Я бы отдала всё, что у меня есть, лишь бы увидеть его улыбку и тот взгляд, которым он раньше на меня смотрел. Но всё изменилось. Всё, кроме моих чувств к нему.

Я пялюсь в пустоту, борясь со своими демонами, которые рогами прокалывают мне глаза, не давая увидеть больше... Больше, чем могу. Пытаюсь достичь гармонии с самой собой, разговаривая со своим богом. Не с тем, в которого запретили верить. Не с тем, который позволил своему царству уничтожить наше.

Ближе к ночи меня вывели на улицу. Связав за спиной руки, завели в домик без окон, сделанный из металла и палок. Сейчас сложно найти хорошую древесину. Повезёт, если попадётся не слишком прогнившее дерево, проеденное жуками.

«Утром будет суд», — прогремел голос Каспера. Когда он ушёл. Мне удалось найти щель, через которую кое-как виднелась свобода. Дикари выносили на улицу припасы, которые пришлось прятать от кислотного дождя. В этой суете я

смогла разглядеть знакомый силуэт. В дом, в точности повторяющий тот, в котором я находилась, заводили Энди. Еле сдержав желание позвать его, я судорожно стала искать способы освободить руки. Всё, что было в этом доме: старая постель с лёгким одеялом, пустая тумба, стол и мигающая лампа, наводящая больше жути, чем если бы комната погрузилась во мрак.

Не найдя ничего полезного, я легла на кровать. Внезапно подступила жуткая усталость, и я попыталась уснуть.

Снились кошмары… Миранда, Айден, Каспер, бои, кровь и пламя... Я слышу грохот и не обращаю на него внимания, посчитав это очередным ударом кулака о чью-то челюсть в моём сне. Раздаётся второй грохот, и я понимаю, что это ни черта не кулак, ни черта не челюсть и ни черта не сон.

Я подрываюсь с кровати. От нового грохота где-то на улице моя лампа падает с тумбы, разбивается на осколки, и меня обволакивает темнота, которую лишь в некоторых местах разрезает свет от щелей в стене. За дверью крики людей. Они не похожи на те, что звучали во время поединков. Пол под ногами дрожит как во время землетрясения. Неистовый ужас накрывает с головой.

— Я здесь! Помогите мне! — кричу что есть мочи, плечом толкаю дверь. — Кто-нибудь!

Дверь внезапно открывается, я падаю на землю. Кожу руки неприятно разъедает влага от земли, пропитанной кислотным дождём. В ушах гул, грохоты продолжают раздавать-

ся отовсюду. Меня кто-то поднимает с земли, я чувствую, что верёвка больше не сковывает руки.

— Что происходит? — кричу я и ловлю случайно пробегающего человека.

— Небесные... Небесные... — бормочет парнишка, поглядывая в сторону клетки, где вчера проводились бои.

Между нами и клеткой — высокая стена. Я не вижу, что за ней происходит, но судя по страшным звукам — ничего хорошего. На небе с той стороны виднеются чёрные пятна. Затем слышится рёв двигателя, и прямо над нашими головами пролетает нечто... Огромная железная машина, в которой поместилось бы несколько человек. В воздухе она держалась за счёт четырёх горизонтальных пропеллеров, прикреплённых по бокам от корпуса.

— Земля всемогущая... — разинув рот, смотрю на машину, затем на ещё одну. С десяток подобных механизмов появляются один за другим.

В лагере раздаются взрывы, и огненная смерть настигает сначала один, затем другой дом. Я не думаю. Просто срываюсь с места и бегу в дом, в который заводили Энди. Никаких сомнений. Ни капли. Даже если этот чёртов дом взорвётся с нами обоими, я не остановлюсь.

Громкий звук полностью оглушает, что-то взрывается в нескольких метрах от меня, и я отлетаю в сторону, ударившись головой о землю. Гудки... Если имя дьявола принято заменять словом «небо», то сейчас небеса знатно надо мной

посмеялись.

Я закрываю глаза лишь на секунду и, открыв их снова, понимаю, что оказалась совсем не в том месте, где была до взрыва. Каспер, покрепче ухватив меня за обессиленные руки, тащит по сырой земле, стараясь огибать лужи — остатки кислотного дождя.

Я вырываюсь из его рук, падаю на землю и в тот же момент поднимаюсь. Срываюсь на бег, игнорируя предупреждающие крики чернокожего мужчины. Бегу, точно зная, куда. Точно зная, к кому. Вижу его домик вдалеке. Вижу, что дверь там не заперта, но мысленно надеюсь, что Энди ещё внутри. Что жив. Что ждёт. Бегу и всем алфавитом проклинаю свои надежды. Над домом пролетает «Нечто». Над домом пролетает снаряд.

Взрыв…

... «Непогода нас навестит»... «Кто он такой? Твой парень?»... «Меньше спишь — больше хочешь есть»... «Эй, всё хорошо?»... «Ты нашёл людей?»... «Пустующий лагерь»... «Мы идём не к людям, а к запасам»... «Эй, всё хорошо?»... «К запасам»... «Сквозь огонь к воздуху»... «Всё хорошо?»...

Слова... Так мало я сказала, так много услышала.

Слова... Он говорил, что никогда не бросит меня. Что если мы умрём, то только вместе на берегу озера, окружённого деревьями.

Слова, слова... Он говорил, что нельзя любить то, что тебя разрушает.

Слова... Слова... Он говорил, что нельзя любить его.

Я закрываю глаза. Ничего не слышу. Закрываю уши. Ничего не вижу. Моя кровь прекращает поездку по моему телу. Мои глаза прекращают поглощать враньё. Я не могу дышать. Иронично. Я не могу встать. Тело не слушает. Я кричу и плачу. Я реву и ору. Моя глотка разрывается от боли, а уши закладывает от головокружения. Я вижу огонь, медленно разъедающий это проклятое место, и чувствую грубые прикосновения. Каспер пытается успокоить меня, не в силах успокоиться самому.

Энди... Я так сильно тебя ненавижу. Я так сильно тебя люблю. Твои ли карие глаза мне во снах снились? Только твои. Твой ли голос будил меня, когда я, опьянённая тобой же, в капкан лезла? Только твой.

Сквозь гул собственной обречённости и бессилия я слышу тонкие нотки чужой печали. Слышу, как плачет ребёнок, и не понимаю, сон ли это. Каспер начинает оборачиваться по сторонам, и я понимаю, что это точно не сон. Кому-то плохо. Кто-то ещё жив. Конечности еле слушаются, но я поднимаюсь на ноги и снова бегу. Когда-то я считала, что, если много бегать, воздух на земле быстрее закончится. Теперь, когда всё горит в огне, необходимость воздуха стоит на самом последнем месте. Я бегу на голос, игнорируя протесты Каспера. Бегу и по пути стираю слёзы с лица рукавами кофты.

Плач доносится из дома, заваленного обломками. Крыша смешалась с потолком. Внутри сидит чернокожий мальчик

в растянутой коричнево-грязной футболке. Он очень худой и низкий.

— Не бойся... Я помогу тебе, — говорит человек, который даже себе помочь не может. — Где твоя мама? — спрашиваю и вижу, как мальчик переводит взгляд куда-то в сторону. Там же вижу тело.

Мальчик плачет и идёт ко мне без лишних уговоров. Его босые ноги меня настораживают. Если он сделает хоть шаг по пропитанной кислотным дождём земле, то его ноги покроются ожогами. Недолго думая, беру его на руки и быстрыми шагами возвращаюсь к Касперу. Мальчик прижимается ко мне, и я уже почти не чувствую собственной боли на фоне такой большой ответственности, как чужая жизнь. Взрывы не прекращаются. Машины летят к клетке. Какие-то из них улетают, какие-то — зависают в воздухе и не шевелятся.

— Где все? — спрашиваю у мужчины, когда он берёт ребёнка себе на руки.

— В убежище под Косой пещерой.

— Я постараюсь кого-то ещё найти.

— Поздно! Нужно бежать! — чуть ли не кричит Каспер, стараясь говорить громче, чем взрывы, но я его уже не слышу. Мне нечего терять.

Мужчина махнул на меня рукой и побежал к пещере, крепко держа на руках мальчика, который молча потянул ко мне руку, прощаясь. Прощай... Увидимся на той стороне.

Оббежав чуть ли не с десяток домов и найдя несколько

трупов, я решилась пойти туда, где минут пятнадцать назад утихли крики. Над клеткой уже не парили странные механизмы. Они давно улетели, оставив в покое и людей, и их разрушенное убежище.

Кажется, во мне больше не осталось слёз. Я высушена. Выкачана. Мне остаётся только ждать, когда утихнет новая «гроза», чтобы продолжить искать его… Искать, пока не сотрутся ноги.

Я иду к проклятой стене и слышу громкий взрыв. Один, потом ещё один и ещё... Слышу крик и прячусь в тени ржавого гаража. На вытоптанной дороге происходит что-то, что мне сложно объяснить. Я вижу светловолосую девушку, лежащую на земле и отчаянно пытающуюся уползти от машины, зависшей в воздухе в паре метров от неё. Голые плечи девушки измазаны кровью и грязью. Она болезненно стонет, хрипит, но продолжает ползти до тех пор, пока громадина за ней наблюдает. Внезапно машина издаёт противный писк, и девушка перестаёт двигаться. Будто уснула. А громадина улетает...

Минута, две, три... Я жду, пока всё утихнет, чтобы подбежать к полуживому или неживому телу. Я не понимаю, что я только что увидела.

Тучи всё дальше от лагеря, но над домом дикарей нависла угроза пострашнее. Каспер сказал, что это Небесные. Откуда у них такие технологии? Они работают на базы для выживших? Чего они хотят от отшельников?

В голове слишком много вопросов, но они испаряются, как только я слышу очередной взрыв где-то недалеко от себя. Вжимаюсь в стену так, что могу наблюдать только за небольшим участком дороги. На землю падает парень, будто что-то его отбросило. Я вижу светлые волосы, вижу чёрную повязку на лице и сразу понимаю, кто это. Он весь в грязи и крови, как и погибшая девушка. Его лицо и руки в ранах. Айден из последних сил приподнимается на четвереньки, снимает повязку с лица и кашляет тёмной кровью. Я выглядываю из-за гаража и вижу ещё одну железную летающую машину, преследующую главу дикарей.

Сюрпризы на сегодня не кончаются. Сумасшедший день. Сумасшедшее место. Я в жизни не видела столько крови и страданий, как за этот вечер. Пару часов назад уста этого парня бросали в меня колкости и приказы, а теперь с этих же уст хлестала кровь. Пару часов назад мои руки крепко сжимали нож, а теперь дрожали, как и всё тело — от холода и страха.

Громадина приближается, Айден вновь падает на землю и перекатывается на спину, резко выхватив из чехла на ремне какое-то огнестрельное оружие. Мистер Джеффри показывал нам старенький пистолет, давно вышедший из строя, но штуковина, которую держал Ад, была совсем на него не похожа.

Парень нажимает на курок, и из дула огнестрельного вылетает снаряд с ярким голубым свечением. Он попадает ров-

но в один из пропеллеров, и машина, резко изменив свой маршрут, врезается в стену и взрывается прямо на месте, заваливая дорогу своими железными ошмётками.

От взрыва заложило уши. Всё перед глазами поплыло и позеленело, меня будто бы стало тошнить, но этот эффект прошёл быстро.

Ад тяжело дышит, обессиленно опускает руки, отдав всё своё тело усталости. Он больше не борется. Не встаёт. Положив оружие рядом с собой, закрывает глаза и, наверное, собирается позволить сознанию его покинуть.

Геройство не было частью моего характера. Но сейчас мною двигала боль. Выглядываю из своего укрытия и, убедившись, что рядом нет очередного гибрида кастрюли и вертолёта, выбегаю на дорогу и сажусь рядом с парнем. Он дышит. Даже слишком часто. Я трясу его за плечо и представляю, какая у него будет психологическая травма, когда первое, что он увидит после борьбы с летающим роботом, будет моё лицо.

— Нет-нет, тактика «сделал дело — сдыхай смело» тут не работает. Поднимайтесь.

Парень нервно дёрнулся и машинально протянул руку, чтобы ударить меня, но я успела увернуться. Он приподнялся и резко наставил на меня оружие. Наверное, не меня он ожидал встретить, но даже не подумал убрать пушку, когда распознал моё лицо. В его глазах — нескрываемый гнев. Если бы люди могли убивать взглядом, то сейчас бы я лежала

в луже своей крови, но и тогда бы Ад не стал оставлять меня в покое.

— Ты... — процедил он сквозь зубы, будто назови он моё имя, его бы вырвало. — Это всё из-за тебя... Это ты во всём виновата… — он говорит тихо, чуть ли не шепчет. Крепче сжимает пушку, а мне остаётся только ловить своё сердце, трусливо выпрыгивающее из груди.

— Послушайте, я...

— Закрой рот! — кричит он и нажимает на курок.

Я успеваю лишь зажмуриться и отвернуть голову, будто это меня бы спасло. Слышится щелчок, а потом не слышится ничего...

— Чёрт! — ругнулся парень и нажал на курок снова, но, как и в прошлый раз, ничего не произошло. Закончились патроны.

Он выбрасывает оружие и поднимается, а я следую его примеру. Вокруг нас — ни души, если не считать полуживую или неживую девушку в метрах пятнадцати от нас.

Я отступаю назад, когда вижу рывок Айдена. Он хотел было накинуться на меня и задушить голыми руками, но стоило ему сделать шаг, как он тут же остановился и схватился рукой за колено. Не время было выяснять отношения, но для парня почему-то было очень важно убить меня именно сейчас.

— Удача сегодня на твоей стороне, да, тварь?

Ад поднял на меня такой взгляд, каким никто никогда на

меня не смотрел. Мурашки пробежали по коже, и всё, что когда-либо во мне было, стало под сомнение. А действительно ли во мне что-то было, раз я за один день умудрилась заслужить такую ненависть к себе? Второй же голос вторил: «Хватит ныть. Хватит быть жалкой».

— О да, у меня поистине удачливый день, — повышаю голос и развожу руки в стороны. — Я напоролась на кучу психопатов, которые видят спасение в смерти, потом лидер этих же психопатов хочет расплавить мне руку, а потом я теряю самого дорогого мне человека. Блеск! Вот же удача, да?

— Хорошая попытка, — он тоже повышает голос и, став в полный рост, сильно сжимает кулаки. — Вот только не надо строить из себя жертву, Твистер! Спустя пару часов после твоего появления на нас «внезапно» нападает армия гигантских, мать его, квадрокоптеров! И ты правда думаешь, я поверю, что ты такая вся из себя невинная? Подойди ближе, гнида, я засуну тебе в задницу все твои...

— Да помолчите Вы! — перебиваю его я. — Нас сейчас из-за Вас прикончат. И я Твайстер!

Айден делает удивлённое лицо и оглядывается по сторонам.

— Чем же тебя ударить... Ты даже сейчас строишь из себя непонятно что.

— Можете мне не верить, но сегодня я тоже потеряла... — делаю паузу. — ...друга. Будь я шпионкой, разве стала бы

рисковать его жизнью? Или своей?

— Да вы только на это и запрограммированы, — сильно хмурится, но, кажется, уже не видит смысла в этом разговоре.

Парень, прихрамывая, идёт в сторону лежащей на дороге девушки.

— Вы безвольные роботы, которые только и могут играть невинными жизнями. Вы пусты, как и ваши ценности, идолы и правители. Безропотное подчинение. Оно и к лучшему, что твой дружок подох. Может, научишься ценить то, что реально важно.

Во мне разгорается гнев. Пожирая все остатки здравомыслия и терпения, он вырывается наружу сильным напором. Никогда так сильно меня не раздражал человек. Никогда так сильно мне не хотелось кого-то убить. Много ли во мне осталось человеческого? Много ли осталось до того, как я стану дикарём?

— Верните свои слова назад! — кричу я. Мои пальцы загибаются в кулаки, моё лицо искажается от злобы. Подбегаю к нему, преграждая дорогу. Уже даже не боюсь смотреть ему в глаза.

— Или что? — вызывающе изгибает бровь. — Ты уже отняла всё, что у меня было. Что ещё ты можешь сделать?

Он хватает меня за ворот кофты и резко тянет на себя, сокращая всё допустимое и недопустимое расстояние между нами.

Теперь я полностью ощутила на себе всё превосходство его роста, когда мне, глядя снизу вверх на человека, искренне желающего моей смерти, чуть ли не удалось сжаться до размеров букашки. Он молча ждал от меня ответа, крепко сжимая в кулаке мою кофту и не позволяя даже думать о том, чтобы посмотреть куда-то в сторону. Вблизи его глаза казались темнее. Поперёк ровного носа красовался небольшой порез. На его лице грязь, а чёлка испачкана чьей-то кровью. Губы плотно сжаты, а взгляд изучает радужку моего глаза, точно сканер, который вот-вот запищит и загорится красным светом, так и крича: «Голубоглазая. Убить». На его руках тоже кровь, и я сильно сомневаюсь, что она его.

Не в силах больше смотреть ему в глаза, опускаю взгляд, нервно сглотнув и признав поражение. Злости как не бывало. Остался страх и мерзкое чувство где-то внутри. Меня будто выжали, срезали кожицу и выкинули. Энди часто делал так, что я чувствовала себя виноватой. Для этого ему нужно было провести длинную лекцию, а вот Аду хватило одного взгляда. Это и пугало.

— Смотри-ка, сразу поникла, — издевательски подметил он и отпустил мою кофту. — Может, ты и правда не шпионка. Их хотя бы учат сопротивляться. Твоя же защита — жалкий вид. Но, надо признать, действует. Тебя и правда даже трогать не хочется.

Он толкает меня в плечо, чтобы я ушла с его пути, и подходит к несчастной девушке. Сев на корточки, он внимательно

но осматривает её тело и маленькую иголочку, торчащую из её спины.

— Не воспринимай за комплимент. Я сказал, что ты жалкая, а не особенная.

Отвращение к этому человеку становится всё больше. Всё же мне кажется, что в моей не очень терпеливой душе осталась хоть капля гордости. Я хочу знать, что случилось с девушкой. Я хочу знать, как Ад собирается ей помочь. Я хочу знать, что будет дальше. Но я не хочу находиться рядом с дикарём ни секунды.

Разворачиваюсь и ухожу. Так, словно это я поставила точку. Словно это мне поручено спасать мир, наплевав на спасение себя самой.

— Иди сюда, — вдруг раздаётся за моей спиной. С одной стороны, радуюсь, что всё-таки мне удастся что-то понять, но с другой — хочется закатить глаза от возмущения.

— Да пошли Вы! — вырывается у меня, и я оборачиваюсь, успев увидеть хорошо скрываемое удивление на его лице.

— Пойду. По твою душу. Если ты сейчас же не поможешь мне.

Возмущение сменяется удивлением. Я всё же подхожу к нему и, скрестив руки на груди, деловито поднимаю подбородок.

— Извинитесь за свои слова, — мой голос уверенный и строгий. На какое-то время даже я начинаю себе верить.

Айден вздыхает и закатывает глаза.

— Мне жаль... — он делает паузу, словно собирается сказать что-то ещё. — ...если ты считаешь, что заслуживаешь извинений. А теперь достань свои мозги из задницы, Твистер, и делай то, что я говорю.

— Я Твайстер!

— А я мистер-мне-плевать. Мы закончили?

Парень аккуратно берёт ткань футболки девушки и разрывает её возле иголки.

— Я не думаю, что... она будет рада этому, когда очнётся.

— Мне показалось, или ты только что обвинила меня в домогательстве к трупу?

— Может, она жива.

На мои слова Ад только отчаянно покачал головой.

— Живых они куда-то забирают. А вот за ней не вернулись.

Парень достаёт из кармана железный позолоченный предмет, покрытый зелёными микросхемами, как на окуляре. Абсолютно гладкая поверхность вызывает сомнение.

— Я нажимаю на кнопку — ты достаёшь дротик. Тебя не убьёт, пока я держу это, — объяснил он. — Давай.

Не думая, беру иглу голыми руками и аккуратно вытаскиваю из тела девушки. Как только остриё показывается на поверхности, кожа на спине блондинки начинает приобретать странный рисунок, словно кто-то изобразил молнию синим маркером. В это время Айден как-то странно на меня смотрит. Несколько раз перевожу взгляд то на него, то на иглу,

не понимая, в чём дело.

— Только не говорите, что Вы меня опять обманули.

Парень снова сжимает уголки губ, сдерживая улыбку, и молча забирает у меня иголку.

— Это никакая не кнопка, да? — указываю на гладкий предмет в его руках.

— Это просто электронная сигарета.

— Уму непостижимо! — поднимаюсь и развожу руки в стороны. — Эта штука могла убить меня, а Вы просто достали сигарету? Да что с Вами не так?

Блондин внимательно рассматривает дротик, затем заворачивает в платок и прячет в карман. И молчит. Молчит и бесит меня. Сначала рассуждает о том, какие Небесные сволочи, раз играют невинными жизнями, а потом сам начинает играть моей ради сувенира.

Обычно, когда вокруг что-то происходит, время бежит быстрее. Сейчас же вокруг происходила необъятная туча всякой всячины, но время будто продолжало стоять на месте. Я не знаю, сколько прошло минут, часов, дней... Много. Очень много. Но вместе с тем ничтожно мало.

Айден шёл медленно, прихрамывая, иногда останавливаясь то ли для передышки, то ли для того, чтобы осмотреться. Я же шла за ним хвостиком и искренне надеялась, что он ведёт нас в нужную сторону. Метров сто назад я предупредила, что Каспер и остальные выжившие скрылись в бункере под пещерой, но глава дикарей не ответил мне ни взглядом,

ни словами. Наверное, не поверил.

— Сколько человек погибло? — наконец спросил он спустя долгое время.

— Каспер сказал, что насчитал шестнадцать.

— Он сказал, кто?

Я отрицательно качаю головой. Возможно, он задал этот вопрос, потому что не хотел услышать в ответе какое-то конкретное имя. Возможно, ему тоже кто-то был дорог...

Я всеми силами отгоняю мысли об Энди. Энди... Самый ужасный способ перестать о чём-то думать — стараться об этом не думать. И в этой игре я проигрываю. Мои слёзы останавливает только присутствие мерзкого мне человека.

Парень сворачивает в небольшой проход, заканчивающийся тупиком. Здесь большие железные ворота, будто приросшие к земле. Их уже ничем не открыть — время сильнее любой материи.

— Железяка приближается. Зачем мы сюда пришли? — я нервно оборачиваюсь, когда слышу мерзкий звук где-то в небе. Так шумят пропеллеры.

— Квадрокоптер, — поправляет меня он, задумчиво глядя в сторону, откуда мы зашли. — Знаешь, в чём их слабость и наше превосходство?

Он подходит ко мне чуть ближе. На расстоянии вытянутой руки с ним общаться не очень приятно. Не очень безопасно...

— Реагируют только на движение? — предположила я, а он перевёл на меня взгляд.

— Они запрограммированы только на одну цель, — медленно и чётко произносит он, давая время обдумать каждое его слово. — Находят человека — усыпляют его, забирают и возвращаются на свою базу. И больше не прилетают. Из них здесь остался только один, — внимательно смотрит мне в глаза, ожидая моей реакции.

На заднем плане моих мыслей усиливается шум двигателя железяки. Она всё ближе... И теперь я понимаю, зачем мы зашли в этот переулок. Мы ходили кругами специально, чтобы наткнуться на железяку. Айдену выгоднее пожертвовать незнакомкой — мной, — чем знать, что летающий монстр не успокоится, пока не заберёт одного из его людей. Квадрокоптер только один. И заберёт он только одного из нас.

Моё лицо искажается от палитры эмоций. От злости до ужаса. Мерзавец так спокойно смотрит мне в глаза, будто это не он сейчас собирается отдать меня на растерзание летающей кастрюле. Будто не он хочет пожертвовать мной ради спасения своих людей или своей шкуры.

Я сглатываю и срываюсь с места. Но не успеваю сорваться на бег. В моё запястье цепкой хваткой впивается его рука. Он хватает меня за горло и со всей силы ударяет головой о стену за моей спиной. Вмиг всё вокруг теряет краски. Я даже не чувствую боли, когда падаю на землю. Он швырнул меня в сторону, как мокрую облезлую собаку, которая никак не хочет утопиться.

— Не шпионка, говоришь? — громко спрашивает он, пы-

таясь перекричать гул от пропеллеров приближающейся железной громадины.

Хватает меня за локоть и грубо поднимает с земли. Всё перед глазами двоится от удара головой, меня подташнивает. Привкус крови на губах вызывает мерзкое желание выплюнуть разом все органы, чтобы ничто внутри не могло больше раниться.

— Докажешь? — рычит чуть ли не на ухо и со всей своей силы вновь толкает меня в спину, выкидывая на дорогу на растерзание бездушной машине.

На какое-то время я перестаю понимать, что происходит. Где я? Как выбраться? Еле нахожу в себе силы посмотреть на приближающуюся смерть. Она совсем не такая, как её описывают — чёрный плащ на костях и коса. Она железная. Огромная. С четырьмя пропеллерами...

Ползу назад. Железяка уже давно заметила меня — она медленно приближается, словно дразнит. Изучает.

Когда я уже теряю последнюю надежду, что-то внезапно происходит. Железяка останавливается и, потеряв во мне интерес, угрожающе поворачивается в сторону, откуда меня вышвырнуло. Громадина замечает Айдена и, забыв про меня, движется к нему. Это не оставляет ему сомнений. Теперь парень уверен, что я — шпионка, а эта железная штуковина — моя прирученная псина.

Парень качнул головой, ухмыльнувшись без улыбки. Он посмотрел в мою сторону так, будто я отняла у него всё, чем

он дорожил. Именно так он и думал.

— Твоя взяла, сучка, — безэмоционально, холодно. — На твоём надгробии напишут, что ты была хорошей актрисой. Надеюсь, оно того стоило.

Громадина приближается к нему, а парню остаётся только пятиться назад. Бессмысленно — ещё пара шагов, и он спиной упрётся в железные ворота.

— Молись, чтобы мы больше не встретились, — сказал он напоследок.

Ад согнулся пополам, будто только что ему в живот вкололи что-то ядовитое. Он сильно закашлял, кровь хлынула большим потоком, стекая с губ и носа. Видимо, эта машина умела не только взрывать.

Я пытаюсь подняться, но каждая попытка — провал. Потому я ползу. Айдена на пару секунд окружают голубые искры, словно его только что ударили разрядом тока. Он вскрикивает и падает без признаков жизни.

Громадина снова оборачивается в мою сторону. Страх заполняет каждую клеточку тела, но надолго ли. Ползу и стону от боли. Последнее, что я вижу перед полной тьмой, это... Голубые искры.

Небо 4. Казнить нельзя довериться

Энди бы сказал, что это ловушка. Что не будет в этом месте ни свободы, ни воздуха, что уже давно стало синонимами.

Я очнулась не на нашей планете. Ощутив лёгкую тряску, открыла глаза и увидела железные решётки и пыльную темноту. Здесь было несколько клеток с ранеными людьми: кто-то до сих пор не пришёл в сознание, а кто-то уже в панике успел забиться в углу своего железного мирка. Мы все были голодные, уставшие, напуганные и злые. Помещение было больше похоже на гараж, чем на здание, нас качало из стороны в сторону, и очень быстро стало ясно — нас до сих пор куда-то везут.

А потом тряска прекратилась.... Открылась широкая дверь, свет ослепил глаза, и вооружённые люди вытолкали всех на улицу. А дальше настал хаос.

Мы приближались к большому зданию, словно нетронутому солнечной вспышкой.

— Где мы? — нерешительно спросил кто-то из толпы.

Тогда я заметила — среди нас были одни подростки и молодежь.

— В вашем новом доме, — ответил мужчина. По его тону не сказать, что он собирался нас мучить или убивать.

Вокруг — бесконечная пустыня, какую мы с Энди виде-

ли каждый день. Но за ней, за этим бесконечным безжалостным песком — одно единственное здание. Оно было похоже на дворец с конусообразными крышами, только тянулось оно не в высоту, а в ширину. Да к чёрту здание! Здесь была трава! Самая настоящая трава! Готова поклясться, не будь здесь десятка чужих глаз, повалилась бы на землю и лежала бы на ней до тех пор, пока сама не стала бы её частью. На горизонте ни единого дерева, ни единого кустарника, но мне достаточно и того, что я вижу. А я вижу, как у планеты появился шанс.

Я делаю несколько шагов и замираю на месте, не желая больше никуда идти. Вдыхаю воздух полной грудью, как не делала никогда раньше. Лёгкие распахиваются. Я чувствую кислород. Мне никогда не было так легко и приятно дышать. Я слышу, как остальные подростки жадно глотают воздух. Слышу, как наслаждаются. И следую их примеру.

Какое-то время наши охранники понимающе молчат, позволяя нам прийти в себя и справиться с головокружением, а позже — распахивают перед нами ворота во «дворец».

Я не доверяю этим людям. Они послали к дикарям машин-убийц и уничтожили их дом, чтобы доставить нас сюда.

Нас, будто диких животных, отловили без разрешения и запихнули в какое-то «райское место». И какое-то время мне действительно казалось, что мы мертвы, пока я и ещё несколько дикарей не почувствовали головокружения от резкой подачи кислорода. В раю боли не чувствуют. В раю

ничего не чувствуют.

Мозг не успевал понять, что именно показывали ему глаза. Длинные широкие коридоры походили на Косую пещеру, если не считать ярких ламп и десятки десятков дверей. Молодые люди и девушки, проходящие мимо, рассматривали нас как музейные экспонаты, но, словив наши взгляды, тут же опускали глаза и ускоряли шаг.

Нас распределяли по комнатам. Говорили, что объяснят всё позже, а пока нам нужно отдохнуть и успокоиться.

В комнате под номером 19, куда меня провели охранники, внимание сразу привлекли три кровати и большое окно с широким подоконником. Только потом я увидела двух человек, сидящих в разных углах помещения. Здесь было много места. Для трёх человек — даже слишком. Деревянные полы, бежевые обои… Всё создавало подобие уюта, но даже здесь, среди кучи шкафов и тумбочек, заполненных чьими-то вещами, я чувствовала себя в опасности.

— Эй, подруга. Смотри, как бы шары не выкатились, — женский голос отвлёк меня от размышлений.

Это была девушка с каре. Её необычная внешность отталкивала и даже пугала — волосы окрашены в тёмно-зелёный, а глаза обведены большим слоем чёрных теней. Я вспомнила, как однажды в комнате миссис Джеффри я нашла странный плакат с кучей цифр. Кажется, она называла его календарь. Там были изображены мужчины с мотоциклами, одетые примерно в то же, что сейчас было на ней. На шее —

чёрная цепочка, на ногах — тёмные рваные штаны, а на груди — кожаный короткий топ, зашнурованный по центру.

Девушка смотрела на меня так, будто я на её территории и сейчас меня проучат за вторжение. Она поднялась с кровати, оценила меня взглядом и обошла вокруг.

— Из тебя воин как из меня кухарка, — хмыкнула она, подытожив.

Её слова запомнятся мне надолго. Воин? Здесь держат будущих воинов?

Я как язык проглотила. Она взглядом прижала меня к стенке, и единственное, на что мне хватило смелости — нерешительный писк:

— Я и не пытаюсь казаться той, кем не являюсь, — с притворной злостью смотрю на неё и готовлюсь к худшему.

Меня не покидает чувство, что сейчас она достанет из-за спины нож и приставит к моему горлу. Её хищный оскал ещё сильнее бьёт по моей уверенности.

— Покорешимся, — сделала вывод она и протянула мне руку для рукопожатия. — Я Элисон. Посмелее надо быть, красотулька. Трусливые здесь быстро ломаются, — на этих словах он демонстративно улеглась обратно на свою кровать, не дождавшись моей руки.

Второй человек был менее разговорчив. Парень с тёмными и сильно растрёпанными волосами сидел на подоконнике и задумчиво смотрел в окно, которое из-за тумана казалось запотевшим. Что он там рассматривал? Что могло так силь-

но его заинтересовать? Это загадка. Как и то, почему на моё появление он не отреагировал так же, как его соседка.

Я тихо подхожу к парню и становлюсь рядом, скрестив руки на груди.

— Привет, — звучит тише, чем я планировала.

Брюнет медленно поднимает взгляд и долго смотрит на меня. Светло-карие глаза подчёркнуты густыми тёмными бровями и длинными ресницами. Он смотрит на меня с такой отстранённостью, что с первого взгляда сложно понять, человек это или кукла.

— Оставь его. Он глухонемой, — пояснила Элисон, увлечённо плетущая какой-то браслет из чёрных бусин.

— Давно? — смотрю на парня, потерявшего во мне интерес. Красивый грустный взгляд под стать красивому грустному лицу. В его глазах столько печали, что ею можно было бы отравить океаны.

— Да Небо его знает. Вроде, с рождения. Кстати, это Джош.

Тяжело, наверное, жить и не знать, как звучит твоё имя. Ты смотришь на мир, который не слышишь и который не слышит тебя. Взаимное безмолвие. Ты смотришь на людей, которым сказать ничего не можешь, да и они не хотят тебе ничего говорить. Взаимное безразличие.

— Откуда вы такие явились? Дикари что ли? Или из G-27? — спрашивает Элисон, а я только непонятливо хмурюсь. — Значит, дикари… Оно и видно. Без обид, дорогая,

— махнула рукой и продолжила своё занятие. — Конечно же, ты ничего не слышала о По́лосах. Это типа города для выживших. G-27 ближе всех отсюда.

Я внимательно слушаю каждое слово, боясь упустить хоть малейшую деталь или сбить её с мысли.

— А это что за место?

На мои слова девушка безразлично пожимает плечами.

— Цитадель-003. Что-то вроде школы. Колледжа. Уловила иронию, а? Мир подыхает, а мы тут домашку делаем и формулки зубрим.

Джош резко оборачивается к Элисон и жестами показывает ей что-то, постучав по подоконнику, чтобы она обратила на него внимание. Девушка ухмыльнулась.

— Не парься, Джошуа, я не буду ей рассказывать о твоих фетишах.

— Вы же сказали, он глухонемой.

Элисон закатывает глаза и поднимается с кровати.

— В этом и прелесть, зануда. Скажи хоть то, что он козлина, он всё равно ничего не поймёт, — она подходит к парню и чуть наклоняется, чтобы их глаза были на одном уровне. — Да, козлина? — широко улыбается с притворной доброжелательностью, и парень отвечает ей той же улыбкой. Он не понимает, что она говорит. — Джош козлина, — протягивает она и трепет его по волосам.

— Прекратите, — я убираю её руку от него. — Это неправильно.

В этот момент я поняла, что дружбы у нас с Элисон не выйдет.

— Неужели? Неправильным было решение поселить ко мне в комнату такую мозгоклюйку, как ты.

Потеряв во мне интерес, она возвращается к своей кровати и продолжает плести из бусинок браслет. Мне остаётся только облегчённо вздохнуть и радоваться, что пока обошлось без драки.

А что, если всех дикарей встретят так же недружелюбно? Что, если не только мне не повезло с соседями? Что, если бедная Миранда с ребёнком окажется в компании пострашнее?

— Вы не знаете, куда повели рыжую девушку с младенцем?

Эл посмотрела на меня исподлобья и, прищурившись, хмыкнула.

— Я знаю только то, что сейчас ты похожа на бомжа. Тебе надо переодеться. И мне ещё раз повторить, что в этой комнате тебя слышу только я? Не «Выкай» мне.

Если бы на пальцах нужно было посчитать схожести в речи Миранды и Элисон, то пришлось бы отрубить их все. Как же мне хотелось бы рассказать Энди о том, какие разные, оказывается, бывают люди.

Как только Эл сказала про «переодеться», я вдруг почувствовала зуд по всему телу. Благодаря великодушию Айдена, я повалялась на земле, пропитанной влагой кислотного до-

ждя. От этого некоторые участки кожи покрылись красными пятнами и волдырями.

Странный вкус у этой Элисон. Чёрная одежда захватила бóльшую часть её гардероба, и чем больше я смотрела на её шкаф, тем больше удивлялась. После того, как люди вышли из бункеров, прошло всего восемнадцать лет. Неужели кто-то уже успел заново построить заводы по производству одежды?

Как объяснила мне соседка, в каждой комнате есть душевая. Но из-за Джоша, который однажды на нервах сломал раковину и повредил водопровод, наша уборная на временном ремонте. И ремонт этот длится уже почти месяц…

Любая история заканчивается, когда из сюжета выводят главного героя. Дальше пустота. Дальше не интересно. Читатель закрывает книгу и кладёт её на полку, не слыша, как оставленные им неинтересные персонажи давятся пылью в шкафу. И что же происходит дальше? Они умирают? Морально, физически? Глупо задавать такой вопрос, ведь очень скоро я сама на себе узнаю ответ. Ведь такой персонаж — я.

Энди всегда был первым. Первым прибегал на кухню к завтраку, первым научился выживать, первым был в росте. Даже умер он первым.

Когда мы были младше, в наших сердцах всегда горел свет. И почти всегда он зажигался одновременно. Мы были друг для друга спичкой. Я всегда боялась грозы, а Энди всегда боялся, когда мне было страшно. Нырнув с головой под

одеяло на своей кровати, я отдалась воспоминаниям одного из таких вечеров.

Темнота. Шум. Дождь. Гроза.

Небо словно искрились. Мне всё казалось, что история повторится, и то ли молния, то ли солнце ослепит меня до потери зрения. А ещё хуже — сожжёт. Впрочем, потерять зрение было не так страшно. Я бы постоянно держала глаза закрытыми, и люди не смогли бы увидеть их цвет.

— Всё хорошо, Ниа. Вдвоём не страшно, — говорил он.

— Почему небо нас так не любит, Энди? Почему?..

Наши отношения нельзя было назвать дружескими, но, когда всю жизнь видишь только одного человека, сложно понять свои чувства к нему.

— Пускай. Зачем нам его любовь? У нас есть мы. И однажды мы окажемся в месте, где не будет неба, Ниа. Ничто не будет нам угрожать. Обещаю. Там будут тысячи бабочек, веришь? Там у людей будут голубые глаза, — говорит он воодушевлённо.

— Тысячи бабочек? — переспросила я. Всегда мечтала увидеть их.

— Тысячи бабочек…

Когда в наш дом пришли Небесные, вера пропала. Жалость к людям превратилась в ненависть или страх, а каждый новый день отличался от предыдущего только погодой и дорогой, по которой мы шли в неизвестность. Энди всё чаще стал уходить куда-то по ночам, пока я спала. Чаще стал

молчать и реже улыбаться. Мальчик с веснушками и огнём в глаза превратился в ледышку.

Я потеряла надежду вернуть своего друга в день, когда снова началась гроза. Со смерти наших приёмных родителей прошло чуть больше трёх месяцев, но боли меньше не стало. Мы сидели по разным углам комнаты. Окна с выбитыми стёклами пропускали в дом холод и капли дождя. Каждый раз, когда небо светилось от вспышки молнии, я вздрагивала и смотрела на него... Мне не столько нужна была поддержка, сколько вера в то, что мой друг всё ещё мой. Что не погиб в нём тот рыжий мальчик с веснушками. То, что происходило с Энди, было страшнее любой грозы.

Нам было шестнадцать. Я спала до обеда — всё утро жутко болела голова, простуда гасила во мне силы. Я помню тот день в деталях. Шторка нежно развивалась на ветру. Дверь была слегка приоткрыта, и свежий воздух проходил через тоненькую щель. Лучи пробивались через занавеску и падали на кровать, на стены, на одежду. Я протянула руку, и свет коснулся моих пальцев.

Энди зашёл почти бесшумно и закрыл за собой на защёлку. Увидев, что я не сплю, он тепло улыбнулся и сел на край кровати возле меня. Уже в шестнадцать он был тем ещё красавчиком, чего не сказать обо мне. Я долго рассматривала его волосы, которые со временем потемнели и стали русыми. Энди менялся на глазах. Веснушки пропадали, а тонкие брови разрастались, становились темнее и делали его лицо

более суровым.

— Ну что? Когда уже там твои похороны будут? Может, Лесли в честь этого что-то вкусное приготовит.

Я только улыбнулась.

— Как ты? — уже серьёзнее и тише спросил он.

Было сложно не смотреть на его губы… Я никогда не общалась с парнями нашего возраста, так что и сравнивать мне было не с чем. Он был идеален. Таким и остаётся до сих пор.

— Как Маркус, когда мы с тобой завалились в его комнату и стали изображать оркестр с кастрюлями вместо барабанов.

Энди засмеялся. Как же красиво он смеялся… Это был последний раз, когда я видела его улыбку.

— Я принёс тебе кое-что,

Он достал что-то из кармана. Взял мою руку и вложил в ладонь серебряный кулон в виде бабочки.

— Нашёл в километрах пяти отсюда. Я сделаю тебе цепочку. Его можно повесить на руку или шею.

— Спасибо…

Энди тут же умолк и улыбнулся. Наклонился и с безграничной нежностью поцеловал меня в лоб. И ничего на свете нет заботливее этого жеста. Я подвинулась, чтобы Энди лёг рядом, и ему не нужно было устных приглашений, чтобы сделать это. Я по традиции положила голову ему на грудь, а он запустил руку в мои волосы. Он был лучшим обезболивающим средством.

— Чем отличаются друзья от второй половинки? — се-

рьёзно спросила я

— Откуда ж я знаю, Ниа? — ухмыльнулся он. — У меня кроме тебя и нет никого.

Есть всё-таки плюсы в конце света. Миссис Джеффри рассказывала нам о ревности, и, как я поняла, это чувство — редкостная дрянь. А когда во всём мире, кроме тебя, нет никого чужого, ревновать не к кому. Разве что к отражающим поверхностям.

— Но как ты думаешь? — не унималась я.

— Ну… Мне кажется, друзья не должны сильно отличаться от вторых половинок. И в одних, и в других человек нуждается одинаково. Не знаю, — задумчиво произнёс он. — Это же тебе Лесли постоянно рассказывает сопливые сказочки о любви, — ухмыльнулся Энди. — С Маркусом у нас разговоры поважнее.

Я с наигранной обидой ударила его в грудь, и Энди засмеялся. Как же красиво он смеялся…

Я всё никак не могла надышаться им. Его рука, плавно скользящая по моим волосам, постоянно замирала на несколько секунд, когда за дверью слышались шаги.

— Я тебе когда-нибудь рассказывал о поцелуях? — вдруг совершенно серьёзно спросил Энди, и я замерла, чувствуя, как быстро лицо заливается краской.

— Нет… — честно ответила я.

Нет, Энди, ты не рассказывал. А вот Лесли — да. Миссис Джеффри любила романтику и никогда не упускала возмож-

ности в сотый раз рассказать о их первом с Маркусом поцелуе. Вот только эта затёртая до дыр история почему-то постоянно рассказывалась, когда в комнате не было ни Энди, ни главного героя рассказа.

— И что это?

— Да так, — парень сделал паузу. — Это будет неинтересно.

— Расскажи, — настояла я и подняла голову так, чтобы Энди мог смотреть мне в глаза. «И поцеловать!» — добавил голос в голове. Именно тот голос, который верещал от каждого нашего случайного прикосновения.

Он посмотрел мне в глаза, и все те искры, о которых так красиво писал автор одной из десятков книг миссис Джеффри, превратились в фейерверки с картинок из той же книги.

Энди долго смотрел на меня. В какие-то мгновения я даже замечала, как его взгляд неловко падал на мои губы и возвращался обратно к глазам. Если в тот момент что-то и было желаннее, то я в это не поверила бы.

— Ну где ты, бездельник? — прозвучал голос где-то за дверью, и мы с Энди замерли на месте, ожидая чего-то совсем не утешительного, — Ниана Твайстер, — важно назвал моё имя Маркус. — Призываю Вас к здравомыслию и честному ответу на вопрос. Где этот рыжий засранец?

— Кажется, Энди собирался сделать новую швабру, — соврала я и закусила губу, почувствовав, как улыбнулся парень, так и не убирая руки с моих волос.

— Тебе стало лучше? — мы говорили громко, чтобы хорошо друг друга слышать. Маркус, похоже, даже не собирался заходить в комнату.

— Нет, я… Меня немного подташнивает.

— Я позову Лесли?

— Не нужно. Я сейчас выйду.

Ответом на мои слова стали удаляющиеся шаги. Маркус не выделялся излишней заботливостью, в отличие от его жены — она беспокоилась по любому поводу.

— Мне теперь придётся делать швабру? — лениво спросил парень.

— Да. А ещё тебе придётся поблагодарить своего спасителя, — важно заявила я, и Энди улыбнулся, повернувшись на бок лицом ко мне.

Было что-то в этом его игривом взгляде. Он смотрел на меня, а я наслаждалась. Хватило пяти секунд, чтобы кровь совершила марафон по всему моему телу, заставляя сердце стучать чаще.

Энди навис надо мной, чуть сжав рукой простынь под нами. Его глаза светились, и я ловила каждую искорку, наблюдая, как он взглядом в нерешительности бегает по моему лицу. Парень медленно наклонился ко мне, улыбка давно исчезла с его губ — в это мгновение он был абсолютно серьёзен. Между нами остались сантиметры. Я уже слышала его дыхание на своих губах, чувствовала его желание коснуться их и поведать о том, что же такое «неинтересное» в этих по-

целуях. Кровать будто превратилась в воду, и я тонула. Пока не услышала стук.

Энди обернулся, и я посмотрела за его спину. Миссис Джеффри стояла возле окна со стороны улицы и стучала нам по стеклу. Она намеренно прервала нас. Энди тут же подорвался с кровати и, стыдливо опуская голову, направился к двери. Лесли как будто осуждающе погрозила ему пальцем, но сама еле сдерживала улыбку, так и говоря: «Вот же негодяй!»

Парень открыл дверь, и на пороге его ждал ещё один сюрприз. Маркус никуда не ушёл. Он стоял возле комнаты, поставив руки по бокам и неодобрительно качая головой.

— Швабру он делает… — с прищуром сказал мужчина. — Швабра ещё не выросла, чтобы её делать! — на этих словах он отвесил Энди подзатыльник, и, в очередной раз покачав головой, закрыл дверь в комнату и ушёл.

От этих воспоминаний хотелось лицом уткнуться в подушку и пролежать так целый день. Что я и сделала.

— Так, всё… — решительно произнесла Элисон своим слегка грубоватым голосом. — Мне тут и одного депрессивного молчуна хватает, подруга. Вылезай из своей одеяльной пещеры.

Девушка подошла ко мне и скинула с меня все подушки и покрывала.

— Есть один метод поднятия настроения… — сказала она с сумасшедшей улыбкой, выталкивая меня из комнаты в ко-

ридор. — Наблюдать за теми, кому ещё хреновей, чем тебе.

На этих словах мы и направились куда-то, где людей становилось всё меньше, а коридоры как будто темнели. Жутковатый был этот колледж. Складывалось впечатление, что он существует уже несколько столетий, но такое ведь невозможно. Все постройки большей части планеты были разрушены после солнечной вспышки. Не могли же мы объехать полпланеты, чтобы добраться сюда?

Высокий рост Элисон объяснял её быструю ходьбу. Один её шаг был на ровне с моими двумя, так что на её фоне я выглядела новорожденным цыплёнком, еле поспевающим за цаплей.

Любимое место Элисон находилось на минус первом этаже, и сейчас нас от него отделяла всего одна дверь. Такие двери делают для тех, кто хочет их сломать. Или пытается. Массивная, вся из металла и на вид очень тяжёлая.

— Что здесь? — спрашиваю я, и девушка хищно улыбается, доставая ключи из кармана. Она явно была рада этому вопросу.

— Место, которое никому не понравилось бы. Здесь держат плохишей. Но я не для этого тебя сюда привела. Не спрашивай, откуда ключи. Здесь нужно уметь заводить правильные знакомства.

Элисон открыла дверь и театрально поклонилась, приглашая меня вперёд. Уже на пороге это место мне не понравилось. Здесь было сыро и темно, как будто в пещере. Стены,

выложенные кирпичами, словно держали в себе эту сырость далеко не одно столетие. Сомнений нет — Цитадель пережила конец света. Но как?

— Ты посмотри, кто́ там. Я постою на шухере.

— И ты закроешь меня здесь, — догадалась я и обернулась к ней. На мои слова девушка закатила глаза.

— И всё-таки ты мозгоклюйка.

Она подкинула ключи в воздухе, и я словила их налету. Теперь я абсолютно запуталась в своих подозрениях по поводу её намерений.

Как она и обещала, осталась у выхода. Я спустилась по лестнице и увидела перед собой длинный коридор, по обе стороны которого красовались железные решётки, заточившие кого-то в клетки. Гробовая тишина.

Мои сомнения развеиваются, как только я подхожу к первой решётке. Я вижу в углу человека. Мужчину. На нём нет футболки, он очень худой и бледный — явно провёл здесь очень много времени. Смотрю в другую сторону и вижу знакомое лицо. Один из головорезов, который схватил меня, пока я наблюдала за боем дикарей, теперь сидел за решёткой, обняв себя за колени и глядя в пустоту. В прошлый раз на его лице была повязка, а теперь — страх. Вопрос повис в воздухе. Что здесь делают эти люди?

— Забавно, да? Не находишь знакомых лиц? — слышу голос Элисон у входа. — Тут абсолютно все те, кого привезли с тобой. Прикол в том, что именно тебя почему-то сюда не

запихнули. Колись. Ты какая-то крутая шишка, а?

— Не думаю, — отвечаю ей и слышу, как в клетках начинается движение.

Чьи-то руки впиваются в прутья. Чьи-то головы выглядывают, чтобы поглазеть на меня. Я решительно иду вперёд. Если тут абсолютно все, то где-то должна быть Миранда и её малышка. Шагаю быстро и уверенно. Если они здесь, я не буду сидеть, сложа руки. Прохожу мимо клеток, за мной наблюдают десятки виновных и невинных глаз.

— Эл, последишь за коридором?

— Хочешь что-то намутить? Я только «за». Бунтуй.

Я останавливаюсь у одной из клеток. У человека за железной решёткой нет длинных огненных волос и младенца. Нет и светлой одежды, в которой я последний раз видела Миранду. Но этот человек тоже очень даже интересный и знакомый персонаж.

— Постой, — говорит он мне и руками хватается за прутья.

В его голосе нет того холода и ненависти, с которыми он в прошлый раз угрожал убить меня. Нет в его глазах угрозы. И это вызывает желание улыбнуться, но я сдерживаюсь.

— Ты можешь помочь? — чуть ли не умоляюще спрашивает Айден, нервно закусывая губы.

Я скрещиваю руки на груди и наклоняю голову на бок. Всё-таки гнилой человек этот глава дикарей. Когда между нами железная преграда, он вдруг стал покладистым и

невинным, а когда мы были в лагере, его эго превышало высоту, на которой летали кастрюли-убийцы.

— Вы просите у меня, сучки-актрисы, помощи? — хмурюсь. Видимо, я такая же лицемерка, как и он. Когда мне не угрожают его руки, я веду себя намного раскованней.

Парень сдавливает в себе желание съязвить.

— Прости меня, — ожидаемая неожиданность. — Мы не с того начали знакомство.

— Правда? Я думала, так показалось только мне.

— Я виноват. И да, я прошу у тебя помощи. Это вопрос жизни и смерти, — извивается, как уж на сковородке.

Элисон либо не слышит нас, либо слушает настолько внимательно, что не решается нас прервать.

— Ты же знаешь, что такое эпилепсия? — спрашивает Ад, и я сдержанно киваю головой. — А Миранду, рыжую девушку с ребёнком, помнишь? — это он уже говорит более типичным для себя голосом. — Так вот она больна. Если она пробует тут слишком долго, может умереть. Выпусти меня, я покажу, где она.

— Я в силах сама её найти, — разворачиваюсь, чтобы уйти, но Ад останавливает. Он хотел протянуть руки и схватить меня за одежду, но я успела увернуться.

— Подожди. Ты не сможешь. На её камеру они поставили усиленную защиту, — он говорит с запинками. Либо так сильно нервничает, либо старается правильно подбирать слова. — Она умрёт, если попытается сбежать. Там… Там

нужен код. Я могу взломать.

Наручники на его запястьях противно трутся о металлические прутья, когда он убирает руки, так и не дотянувшиеся до меня. Ад отходит от решётки вглубь камеры и продолжает говорить:

— Конечно, ты можешь рискнуть и похвастаться своими «умениями». Вот только будет ли оно того стоить, когда Миранда упадёт замертво, а вместе с ней и невинный ребёнок? — это уже было больше похоже на знакомого мне Айдена.

— Вы шантажируете меня?

— Это мои люди. Я не стал бы рисковать их жизнями ради шантажа.

Моя гордость намного ниже желание спасти невинную девушку и её малышку. Именно Миранда — тот человек, с которым я хотела бы познакомиться поближе, поговорить о вещах, которые обсуждают только девочки, поделиться своими мыслями по поводу городов для выживших, которые, как оказалось, существуют и называются По́лосы.

Я присматриваюсь к замку на его камере и выбираю подходящий ключ. Он терпеливо стоит в центре и наблюдает за каждым моим движением.

Раздаётся приятный для ушей щелчок, и я вздыхаю от облегчения громче, чем сам пленник. Айден подходит ко мне, а я начинаю пятиться назад, не понимая, что он от меня хочет. Парень вытягивает вперёд руки, показывая наручники на них, и я начинаю судорожно искать ключ поменьше.

Отстёгиваю наручники, очень стараясь при этом не касаться его рук. Ад замечает это и с какой-то немой насмешкой поглядывает то на меня, то на мои действия, а после, не выдержав, раскрывает ладонь, чтобы я отдала ему ключи. И я отдаю.

— Кто с тобой? — спрашивает, когда я уже иду дальше по коридору в поисках Миранды.

— Соседка по комнате.

Меня удивило, что парень не стал спрашивать, о каких комнатах идёт речь. Он молча снял с себя наручники, покрутил кистями и как-то зловеще размял шею. На его лице и волосах всё ещё чья-то засохшая кровь. Видимо, дикарей даже не стали знакомить с чистотой и удобствами Цитадели.

— Где она? — спрашиваю и продолжаю искать нужную камеру.

— Дальше. Не торопись.

Настороженно оборачиваюсь в его сторону. Глава дикарей освобождает своих людей из клеток, а Элисон, всё это время стоящая где-то за поворотом, выходит к коридору и воодушевлённо наблюдает за происходящим. Нам влетит за это. И ей это нравится.

Айден отдаёт ключи кому-то из своих. Худощавый мальчишка тут же начинает бегать от клетки к клетке, открывая замки и наручники, а Ад следует за мной.

Огневласая девушка посреди этого кровавого хаоса казалась невинным цветком на фоне раскалённой лавы. Она жа-

лобно сжалась в углу камеры и, поджав под себя ноги, закрыла лицо волосами, как бы отгораживая себя от всего, что происходит вокруг.

— Мира! — зову её, и девушка обессиленно поднимает на меня взгляд. Ребёнка с ней нет... В камере нет никого, кроме неё, но, что ещё интереснее, никакой дополнительной защиты тоже нет.

— Вы соврали мне? — больше утверждение, чем вопрос.

— Нет, — слышу ответ, прозвучавший прямо за моей спиной. — Здесь всё сложнее. Присмотрись.

Говорят, сердце чувствует неладное. Раз так — моё сговорилось со всемирным злом и было создано, чтобы остановиться.

Парень грубо схватила меня за затылок и почти со всей силы ударил лбом о железные прутья.

Моему сердцу не суждено быть моим.

Я упала на сырой цемент под ногами и почувствовала жгучую боль, исходящую от головы и медленно растекающуюся по всему телу.

Оно останавливается каждую секунду и начинает стучать только тогда, когда болит душа.

Рука хватает меня за волосы, и я не успеваю впиться пальцами в неё, как она уже тащит меня по неровному полу.

Сердце не умеет любить нас. Оно умеет любить кого-то другого и заставляет от этого страдать. Оно не заботится о нас самих.

В глазах всё расплывается. Что-то будто давит на виски с обеих сторон — вот-вот и моя голова расплющится, а мозги разлетятся по всему колледжу. По всей траве, так внезапно вычеркнувшей себя из красной книги.

Сердце… Не умеет. Любить. Нас.

Я ударяюсь затылком о пол и понимаю, что нахожусь в такой же камере, как та, из которой освободила главного дикаря.

— Как тебе моя актёрская игра? — спрашивает голос. Я еле слышу его, но знаю, что он где-то рядом. — Угадай, у кого научился. Но не переживай, я тебя превзошёл. Больше я тебе не поверю.

Он садится на корточки передо мной и больно берёт меня за подбородок, сильно сдавливая двумя пальцами мою челюсть так, что я ощущаю, будто зубы сейчас продырявят щёки.

— Мы бы сожгли тебя на костре, как ведьму, — процеживает эти слова сквозь зубы с такой ненавистью, что они приносят больше боли, чем его руки. — Не надейся, что выйдешь отсюда. Я вернусь за тобой и прикончу собственными руками. Пачкаться сейчас не хочется.

В подтверждение своим словам, отпускает меня и выходит из камеры, после чего я слышу щелчок.

— А я-то думаю, что это так курятиной прёт… — голос Элисон становится всё громче, и у меня появляется надежда. — …А это, оказывается, плохиш распетушился. Белобры-

сый, ты бы выбирал себе противников по уровню.

Я закрываю глаза лишь на секунду, а когда открываю, вижу зеленоволосую девушку с каре, лежащую на полу возле ног главаря дикарей.

Во мне бурлит океан ненависти. Вода в нём испаряется и превращается в грозовую тучу, мечущую молнии, как клинки. Эти же тучи помогают мне подняться с земли и, взяв в кулак остатки сил, подойти к решётке.

— Айден, прекрати! — щебечет кто-то, и в глаза бросаются огненные кучерявые волосы.

Миранда кладёт руку ему на плечо, а он отстраняется, отвергая её прикосновения. Но, кажется, девушке всё-таки удаётся немного остудить его пыл.

Воспользовавшись случаем, вытягиваю руку через решётку и, покрепче схватив парня за воротник футболки, тяну на себя со всей злости, со всей силы и ненависти. Его счастье, что он ударяется о клетку не лицом, а виском. Впрочем, по нему видно, что это тоже не очень приятно.

— Миранда, давай! — призываю её, но…

Девушка стыдливо смотрит на меня, растерянно бегая глазами, не выдерживает и опускает взгляд. Она слишком предана своему главарю. Она не из тех, кто станет бунтовать, даже если несправедливость наступит ей на горло. Она не пойдёт против их дикарских законов.

Ад кладёт руку мне на плечо и, сильно сжав его, надавливает пальцем на яремную вырезку. Я тут же начинаю за-

дыхаться и кашлять. Но даже тогда злость не покидает моё эгоистичное сердце.

— Почему она должна спасать мусор вроде тебя? — парень хмурится и наклоняет голову на бок.

Вырвавшись из его хватки и отойдя назад на пару шагов, прекращаю кашлять и отвечаю:

— Почему она должна подчиняться подонку вроде Вас?

Девушка уже давно спряталась за спиной парня, но даже отсюда я ощущала её смешанные чувства. Её взгляд…

— Потому что ты думаешь о спасении одного. А я — о спасении всех.

Как жаль, что среди этих «всех» есть и твоё имя тоже...

Небо 5. Не-мой

Нет ничего плохого в тайне, если правда причинит кому-то боль.

@ Серена ван дер Вудсен

Всю жизнь я думала, что мечты — вещь немая и не материальная, но теперь я отчётливо слышала, как она трескалась и ломалась от того, насколько тесная эта камера. Железная решётка, давно заржавевшая и погнутая, напоминала мне одну игру. После того, как Лесли поведала нам о прелестях «морского боя», мы с Энди изрисовали им всю поверхность в доме и на улице. Играли даже на пыльных полках шкафа.

А1 — ранил, А2 — убил. Даже сейчас один лишь нужный ход противника легко может убить все твои корабли под названием ожидания. Доски от моих уже валяются под ногами. Они долго плавали в неспокойных морях, а теперь, гордо погибшие в бою, превращали душу в кровавое месиво.

Я сидела на твёрдой кровати и молча ждала, когда проснётся Элисон. Почему-то во мне жила искренняя вера в то, что она знает, как отсюда выбраться. Звать на помощь было бесполезно. Здесь только такие же неудачники, как и мы, а если сюда и явятся охранники, то быстро поднимут шум.

Я услышала болезненное мычание Элисон. Теперь мы бы-

ли не только соседками по комнате, но и по камерам. Судьба любит иронию

— Эл? Как ты? — зачем-то подбегаю к решётке. Мы не видим другу друга — между нами стена.

— Как в первые секунды знакомства с тобой, — она снова болезненно замычала.

— Он ударил тебя?

— Ага. Хоть кто-то в этом долбо-колледже не притворяется джентльменом.

Я так и не смогла найти слов, чтобы ответить ей. Она словно была рада тому, что произошло.

— Ладно…Давай выбираться отсюда.

Кажется, мы были здесь несколько часов. Под землёй не понять, где находится солнце и когда уже наступит ночь, но внутренние часы так и горланили: «Спать, спать, спать!» Голова раскалывалась, на лбу, видимо, понемногу начинал проявляться синяк из-за поцелуя с решёткой. Я взяла с пола камень и несколько раз ударила по замку, но тот даже не погнулся.

— Вот же мудень… — прорычала Элисон. — Он забрал мои ножи. Эй, у тебя есть заколка или что-то типа?

Шестерёнки в моей голове покинули общий механизм, и я застыла на месте, пытаясь вспомнить, что такое заколка. Нет, миссис Джеффри точно говорила, что это. Дырявая ты башка, Ниана Твайстер. Придётся думать логически. Заколка. За-колка. Ею можно что-то или кого-то заколоть. Зако-

лоть, значит, убить. Мне нужно что-то, чем можно убить.

Недолго думая, отламываю от старой прогнившей деревянной койки острую ножку и протягиваю через решётку к камере соседки. Наступает напряжённое молчание.

— Что это? — спрашивает она, и моё лицо покрывается румянцем.

— Заколка…?

— Мы точно здесь помрём…

В опровержение её словам в конце коридора возле выхода раздаётся щелчок, словно кто-то открыл дверь. Чьи-то уверенные шаги направлялись в нашу сторону. В метрах двадцати от нас они немного утихли, словно наш спаситель на что-то отвлёкся, а после снова продолжил свой путь. Мой внутренний звоночек тревожно зазвенел, предупреждая об опасности.

— Козлина козлиной, но, зараза, хитрый. Где ключи взял? — обратилась Элисон к кому-то, кто остановился возле её камеры.

Я тут же подбежала к решётке и увидела нашего общего соседа по комнате. Джош выглядел сердитым. Если бы он умел говорить, на Элисон обрушилась бы гора ругательств. Но он молчал. Как и всегда.

Девушка вышла из камеры и, отобрав ключи у парня, открыла замок на моей клетке.

— Какой же ты страшный, — с улыбкой на лице обратилась девушка к парню. Я всё ещё не понимаю, в чём веселье

оскорблять глухонемого мальчика. — Подстригся бы хоть, — на этих словах она потрепал его волосы.

Они оба были примерно одного роста, так что Элисон не составило труда дотянуться до его головы. Мне же пришлось бы полностью вытянуть вверх руку. Джош явно был выше Энди. И явно выше белобрысого изверга…

— Почему ты так говоришь? Он… Очень даже симпатичный.

Парень не отрывал от меня глаз с тех пор, как я вышла из своей камеры. Кажется, я совершенно ему не нравилась, иначе бы он не стал так оценивать меня взглядом.

— Опа. А ты бы сказала это, не будь он глухим?

— Нет, конечно.

Девушка ехидно улыбнулась и тут же принялась показывать Джошуа какие-то жесты руками. Видимо, передавала ему мои слова. Парень ухмыльнулся и ответил ей.

— Ну зачем ты…

— Да не ссы. Но должна тебя расстроить. Он сказал, что у тебя слишком низкий лоб, а доисторические люди ему не по вкусу.

Я нахмурилась и невольно потянулась рукой к своему лбу. Мне вдруг стало так неловко, как будто на моём лице только что выросли ещё одни гениталии.

— Ну всё, идёмте. Задолбалась я дышать этой дрянью, — она поморщила нос и ещё раз осмотрела узкий коридор из клеток.

Когда мы уже валялись на кроватях в нашей комнате, я вдруг задумалась о людях, что сидели в камерах помимо нас. Сколько они провели там времени? Их точно так же, как и нас, отловили квадрокоптерами и упекли за решётку? Почему всех дикарей посадили в клетки, а именно мне добродушно позволили спать на тёплой кровати, пользоваться водой и чужой одеждой? И что там дальше случилось с дикарями? Они сбежали? Куда Айден их повёл? Как только я вспомнила о лидере дикарей, синяк на лбу предательски зачесался.

Так прошло два дня. Без объяснений всего, что происходит. Без малейших намёков на то, что будет происходить дальше. На все мои вопросы о том, как же Элисон попала сюда, девушка отвечала одинаково: «Пускай Джош расскажет». Но Джош был… не очень разговорчивым. На все остальные вопросы она либо отмалчивалась, либо отвечала сухо. Изворотливо. Давала понять, что всё это рассказывать нужно не ей. А мне всё ещё не давал покоя этот местный воздух. Откуда он здесь? Почему здесь есть трава? Почему бы не сделать так, чтобы она была повсюду?

В одно прекрасное утро Элисон разбудила меня, оказавшись со мной на одной кровати и прошептав на ухо зловещее: «Пора страдать». Я не понимала, что это значит, пока она не объяснила, что её слова об учёбе и самых настоящих уроках — не шутка. То есть, прямо сейчас нам нужно быстро одеваться, подниматься на второй этаж и отсиживать там ровно полтора часа.

— Хэй, мне тут отлучиться надо, Джош покажет тебе, куда топать, — энергично произнесла Элисон, растрепав мои волосы и умчав куда-то вглубь коридора. Джош этому даже не удивился.

Меня напрягал этот парень. Он постоянно меня рассматривал. Один раз я вскочила во сне из-за очередного кошмара про Энди, а этот чудик сидел на подоконнике и пялился на меня с блокнотом в руках. И ведь не скажешь ему, что ты леди и что неприлично так на тебя смотреть. Он ведь всё равно не услышит. Эл говорила, что наш сосед любит рисовать. Наверное, этим он и занимался там, на подоконнике, когда рассматривал меня. Выходит, где-то в его черновиках есть… я?

Парень, игнорируя всё и всех, вошёл в кабинет на втором этаже. Это было огромное помещение, где полукруглые столы занимали большую часть кабинета. Каждый последующий ряд находился выше предыдущего. Всё было точно так же, как в университетах, которые Лесли и Маркус описывали нам с Энди. Подростки совершенно разных возрастов занимали места, а кто-то всё ещё стоял в коридоре и разговаривал. Мне было неловко. Иногда я стеснялась находиться в комнате с одним только Энди, а тут этих Энди была целая армия. И война эта была явно против меня.

— Это невыносимо. Почему они должны учиться с нами, а не отдельно? — возмущался какой-то парень. — Вдруг, они бешеные. Или больные. Да я боюсь на своё место сесть, вдруг

они бросят в меня камнем или чем они там на зверей охотились до Нового времени?

— Ты идиот? Они на свет появились, когда уже всё произошло.

— Да мне всё равно! Значит, друг на друга охотились. Дикари они и в бункере дикари.

Атмосфера была накалённая. Мне сразу стало ясно, о ком идёт речь, и я проследила за взглядом говорящего парня. Он постоянно косился назад. И вдруг я увидела их…

Меня сразу же привлекли яркие рыжие волосы девушки, сидящей за партой третьего ряда в центре. Миранда наконец выглядела спокойной, но с ней всё ещё не было её дочки. Девушка быстро заметила меня. Она улыбнулась и, наверное, даже хотела помахать мне рукой, но сдержалась. А причина её сдержанности сидела прямо рядом с ней. Я всеми силами старалась не смотреть на человека, который, наверное, пытался уничтожить меня взглядом. Его светлые волосы тоже сильно бросались в глаза, но вот рассматривать их не было желания. Остальные дикари окружили эту парочку со всех сторон. Но почему они здесь?

Я поправила волосы, чтобы они закрывали синяк на лбу, и пошла за Джошем. Он занял место на шестом ряду, и я села рядом.

Раздалась пронзительная и мерзкая для ушей серена. С перепугу я стала оборачиваться по сторонам и наблюдать за всеми. Но подростки сделали вид, что не произошло ничего

необычного, и стали рассаживаться по местам.

— Эй, ты чего дёргаешься? — спросил кто-то сзади, и я обернулась к заднему ряду. Там сидел парень лет девятнадцати и, вертя в руках карандаш, широко мне улыбался. Его друзья с ухмылками наблюдали за мной. — Это же просто звонок. Всё хорошо. Урок начался.

Я кивнула и отвернулась. От чего-то сердце колотилось, как во время бега. Когда все расселись по местам, в кабинет зашёл мужчина с растрёпанными чёрными волосами и очками на переносице. Из-за своего внешнего вида он напоминал мне безумного гения, но от того и веселил. Он долго вглядывался в лица чуть ли не каждого из присутствующих и особенно тщательно рассматривал дикарей и меня. Видимо, выявлял новеньких. Джош немного понаблюдал за этой ситуацией и, сложив руки на парте, опустил на них голову. Зачем он вообще ходит на эти уроки, если всё равно ничего не слышит?

— Чудесно, — подытожил мужчина и подошёл к столику, который одиноко стоял почти у выхода. — Почти рад вас видеть, маленькие мозгоеды, — с ухмылкой сказал он, и в помещении послышались тихие смешки. — В любом случае, вас я больше рад видеть, чем всяких «гостей», — сказал он, и я подумала про себя и дикарей. — Кстати, один из таких придёт сюда через пару минут. Терпеть не могу, когда срывают урок, а особенно всякие выскочки из G-27, — сказав это, он вызвал во мне желание ещё внимательнее слушать

каждое его слово.

G-27, если верить здешним — ближайшая база для выживших.

— Думают, что их болтовня важнее истории. Знаете, что я вам скажу? — он нахмурился и сел за свой стол. — Не верьте никому. Совершенно. Даже своим друзьям. Много красивых речей можно набалаболить. Немногим можно пожертвовать, — он по-философски поднял указательный палец. — Вот если увидите человека, который ради вас даже себя погубить не боится, тогда хватайте его руками и ногами и душите своей чёртовой любовью, пока у него изо рта блёстки в виде сердечек не посыпятся, — на этих его словах в помещении вновь раздались смешки.

Мужчина вдруг стал пристально смотреть куда-то в мою сторону. Похоже, он увидел Джоша, совершенно потерявшего интерес в уроке безумного историка.

— Видимо, тема дружбы нашему Джошуа чужда, — загадочно произнёс мужчина.

Я коснулась локтя парня, чтобы привлечь его внимание, и он лениво поднял на меня глаза, а потом и на учителя.

— Мистер Хейз, вы знакомы со словом «дружба»? — не унимался историк, и в этот момент всё моё уважением к нему сменилось негодованием.

— Как вы можете это спрашивать? — неуверенно, но довольно громко произношу я, и все присутствующие оборачиваются в мою сторону. Абсолютно. Все.

— Что, простите? — непонятливо спросил учитель.

— Вы поступаете низко. Вы унижаете перед всеми человека, который Вас даже не слышит.

В помещении повисла напряжённая тишина. Мужчина долго смотрел на меня, всё так же хмурясь, но потом улыбнулся.

— Что верно, то верно. Джошуа Хейз действительно никогда никого не слышит.

— Вот вы снова это делаете.

Моему возмущению не было предела. Никто не смел перебивать наш спор, но никто и поддерживать не собирался.

— Интересно получается, — историк перевёл взгляд на парня. — Джош, как называется явление, при котором человек не имеет возможности слышать?

— Глухота, сэр, — вдруг ответил ему Джош, опустив взгляд на парту. В этот момент мои глаза были готовы покинуть своё родное место и покатиться по полу до самого G-27.

— Вы глухой, Джошуа? — не унимался учитель.

— Нет, сэр.

— Тогда попрошу Вас сообщить об этом вашей соседке, потому как, мне кажется, она об этом не знала.

Кабинет заполнился смехом, и даже учитель не поскупился на широкую улыбку. А вот я понятия не имела, как мне на всё это реагировать. Очередной обман или глупая шутка? Зачем притворяться больным? Неужели со мной действительно так сильно не хочется иметь дело, что проще притво-

риться глухонемым, чем сказать хоть одно сухое «привет»?

Класс и учитель забыли о нас уже через пару минут. Историк увлечённо рассказывал о какой-то ситуации из своего прошлого, а ученики внимательно слушали, иногда хихикая с его высказываний. Я же сидела молча, опустив глаза на свои руки и не зная, куда себя деть.

— Раз уж я теперь не глухонемой… — начал Джош на тяжёлом выдохе. — Предлагаю ещё раз познакомиться. Джошуа Хейз.

Он протянул мне руку. Я промолчала и отвела взгляд в сторону, полностью проигнорировав его.

— Эй, против меня моим же оружием? Ты сразу в проигрыше. Я знаю, что ты меня слышишь, — он вдруг положил свою руку, которую мне протянул, на мою. Я дёрнулась и хотела убрать её, но он посильнее сжал моё запястье и потянул на себя, как бы разворачивая меня в свою сторону. — Поиграем в игру?

Он отпустил меня и снял со своего запястья самодельный кожаный браслет. Джош положил его в мою ладонь и накрыл своей.

— Отдашь мне его, если я начну тебя раздражать. Минимум через десять минут.

Его внезапная разговорчивость ни капли не сделала его менее странным. Он как был чудиком, так им и остался. Только теперь ещё и чудаковатые вещи нёс.

— Кстати, мне очень даже нравится твой доисторический

лоб. Элисон соврала, — говорит он, и я еле сдерживаю в себе улыбку, посильнее сжав губы. — А вот синяк на нём не нравится. Что случилось?

Я провожу рукой по губам, как бы застёгивая на нём молнию, и пожимаю плечами.

— Хочешь попробовать себя в моей шкуре? — улыбнулся он. — Ну, попробуй. Не очень-то просто, знаешь ли, молчать два дня в то время, как таинственная незнакомка вдруг заселяется к тебе в комнату.

Молча смотрю на него, ожидая продолжения или объяснений.

— Не обижайся. Каждый раз, когда к нам подселяют новенького, мы с Элисон придумываем какую-нибудь ерунду. Розыгрыш. В этот раз издеваться был её черёд.

«Каждый раз, когда к нам подселяют новенького…» А сколько их было, этих новеньких? Куда они все делись?

— Я правда для тебя симпатичный? — спрашивает он, вспомнив мой разговор с Элисон на минус первом этаже.

Тут же покрываюсь румянцем, а парень, заметив это, широко улыбается.

Джош, как будто про что-то вспомнив, начинает рыться в своей сумке, после чего достаёт блокнот. Пролистав несколько потрясающих рисунков разных людей, он останавливается на одном из них. На мне.

— Никогда раньше не рисовал спящих. А ты как будто чувствовала. Всю ночь крутилась, а как только я стал тебя

срисовать, резко перестала.

Я смотрела на рисунок и молча восхищалась. Наверное, Джош не стал срисовывать мои изъяны или же исправил их, ведь девушка, которую я видела на холсте, очень отличалась от меня. Она была идеальна.

— Очень красиво, — не удержалась я.

Парень, наконец добившись от меня ответа, как будто оживился. Как будто эти два слова стали для него маленькой победой.

— Хочешь, я нарисую ещё?

Долго молчу, а потом неопределённо пожимаю плечами.

— Было бы здорово.

Поднимаю на него взгляд, и мы слишком долго смотрим друг на друга. Брюнет улыбается краем губ и убирает блокнот.

Историк всё ещё рассказывает истории. Складывается впечатление, что он увлечён ими больше, чем те, кому он их рассказывает. Приятно наблюдать за человеком, который делает то, что ему нравится. Я вижу, как поднимаются его уголки губ и как ностальгически он смотрит в окно, вспоминая всё в мельчайших деталях. Вижу, как крепко он сжимает край стола, когда вспоминает что-то не очень приятное.

Я разжимаю кулак и возвращаю Джошуа его браслет. Он непонятливо хмурится.

— В смысле? Я уже тебя раздражаю?

— Нет, я просто возвращаю твою вещь.

— Игра в силе, — говорит он и отодвигает от себя мою руку.

Странный всё-таки этот Джош. Странный и загадочный. Всё оставшееся время я отчаянно пыталась вспомнить, говорили ли мы с Элисон о чём-то откровенном при парне. Но нет. Эта девушка либо не имеет мыслей, которыми хотела бы поделиться, либо этими мыслями делиться не умеет. Кстати, на урок она так и не пришла.

Как бы я ни старалась заговорить зубы собственному разуму, он кричал громче всех моих попыток. Разговаривая со своими демонами, я молю их наконец доесть мою душу, чтобы она не болела, но они лишь злобно смеются и в сотый раз пронзают вилами то, что во мне осталось. А что во мне осталось?

В сказке о золотой рыбке я играю роль разбитого корыта.

В стихах безграмотного поэта я — лишняя запятая, портящая ритм.

В песнях ветров я — бессердечный камень, который так мечтал увидеть мир, но так и не смог сдвинуться с места.

Опускаю взгляд на парту и зажмуриваю глаза. Считаю до десяти.

Один…

Руки покрываются неприятными мурашками от воспоминаний дня, когда мы с Энди вырывали страницы из книжек и делали из них подзорные трубы.

Два…

Пальцы дрожат от приятного голоса парня, до сих пор не стирающегося с памяти.

Три…

Три дня прошло. Вечность пронеслась. Космос уже второй раз убил целый мир, но теперь только мой.

Четыре…

В помещении раздаётся стук, и я слышу, как дверь открывается. Почти бесшумно в кабинет входит кто-то. Наверное, тот самый «гость», про которого говорил историк. Кто-то из G-27. Счастлив ли он, что ему не пришлось видеть то, что видели мы? Ценит ли он то, что на его руках не было крови? Или была? А делает ли он хоть что-то, чем заслужил быть не в этом колледже, а в самом настоящем городе?

Я не вижу человека, вошедшего в класс. Мне всё равно. Я всё ещё считаю до десяти.

— Ребята, поприветствуйте гостя. Этот человек работает в G-27. Ему вы должны быть благодарны за то, что некоторые из вас оказались здесь.

— Всё верно, профессор, — ответил ему ОН.

Десять… Десять… Десять…

«Может ли разбиться сердце, которое перестало биться?» — спрашивала я себя буквально день назад, а теперь наконец нашла ответ.

Этот голос… Голос детства. Самый родной и самый нежный. Самый жестокий. Эта дикция, эти чётко проговариваемые слова. Этот человек.

— Мне стоит представиться. Моё имя Эндрю. В G-27 нет фамилий — их заменяют номерами, но не думаю, что вам интересен мой код.

Я открываю глаза, но всё никак не могу оторваться от парты. Не могу найти сил поднять взгля. Живой…

Всё это время он был. Существовал. И даже дышал. Всё это время, что я оплакивала одного человека, а он всё ещё жил под нашим общим мёртвым небом.

Поднимаю глаза. Вижу Энди. Не того Энди, с которым играла в морской бой. Не того Энди, с которым вместе училась разговаривать. Не того… Энди… Этот человек мне был совершенно чужой.

Парень внимательно всматривался в лица присутствующих, как и наш учитель час назад. Он анализировал, хмурился, искал кого-то. Меня. И нашёл. Наши взгляды встретились под громкий треск где-то у меня внутри. Этот треск отлично заменял аплодисменты. Я смотрела ему в глаза, как будто совсем не хотелось закричать и расплакаться. Как будто мне совсем не хотелось узнать правду. Я видела, как его лицо изменилось, когда он заметил меня. Не отрывая от меня глаз, он сглотнул и напряг челюсть. Видно, что сдержал в себе что-то. То же, что и я?

— Ваш учитель прав. Некоторые из вас действительно здесь из-за меня. Так что, если кого и винить в вашей испорченной жизни, то вот он я, — он развёл руки в стороны, и в этот момент мне ужасно хотелось увидеть лица дикарей.

Они вели себя сдержанно, но что-то мне подсказывает, что с удовольствием разорвали бы его на части. А я всё смотрела на него…

— Я работаю в G-27 около года. Таких, как я, вы называете Небесными, — сказал Энди и снова перевёл взгляд на меня, как будто прося прощения. Невозможно. — Вам интересно, почему вы здесь? Вы, наверное, заметили, что сюда попали только те, кто младше двадцати пяти лет. То есть, те, кто родился либо в бункере, либо после него.

— Мы заметили, как из-за тебя убивали наших родителей, сука, — выкрикнул кто-то с третьего ряда. Кто-то из дикарей.

Странно, но учитель даже не подумал угомонить бунтовщика.

— Я был против этого, как и вы, — он говорил, как робот. С одной и той же интонацией, одним и тем же выражением лица. — Мои родители тоже были убиты Небесными, — сказал он о миссис и мистере Джеффри.

— Постойте, — вдруг вмешался историк. — Даже после этой ситуации, вы решились стать одним из них?

— Я имею право не отвечать на этот вопрос, — строгим голосом перебил его Энди. Мой Энди… Кем же ты стал.

— Конечно.

Теперь многие вещи стали на свои места. Энди всегда верил в базы для выживших, но после того, как Небесные убили наших приёмных родителей, он вдруг стал категорически

отрицать всевозможные группировки людей. Он как будто разочаровался в жизни. Если верить его словам, то он стал Небесным именно после того, как мы лишились дома. Почти сразу после того. Это он вызвал летающих кастрюль, когда мы были в лагере дикарей. Возможно, даже он управлял той машиной, которая заставила Айдена плевать кровью, а меня даже не тронула. Это из-за него дом почти сотни людей был разрушен. Вот куда он постоянно уходил по ночам. Вот почему именно меня не посадили в клетку, как всех дикарей. Он знал, что все умрут. Он всегда всё знал. Возможно, он причастен к убийству Маркуса и Лесли. Возможно, он — причина…

— Это здание станет вашим домом до тех пор, пока вам не исполнится двадцать пять. Потом вас переведут в G-27. Этот колледж создан для того, чтобы лучше узнать о ваших способностях, развить их и узнать вас ближе. Мне запрещено рассказывать вам всё. Как бы там ни было и как бы вы ни ненавидели Небесных, знайте, что это единственный путь к спасению человечества. Кислород важнее всего.

— С тобой был кто-то ещё, когда ты завалился к нам и всё разрушил? — голос с третьего ряда прервал речь Энди, и все взгляды теперь были сосредоточены на «нарушителе порядка». Кому как не к Айдену в голову пришёл этот вопрос.

— Попрошу обращаться на «вы», — возмутился наш историк.

— Всё в порядке. Я отвечу. Да, со мной был ещё кое-что.

Больше скажу, этот «кое-кто» находится среди вас, — Энди говорил обо мне. Если раньше его слова в мою сторону вызывали табуны мурашек, то теперь мне хотелось заткнуть уши. Предатель… Чёртов предатель. Чертов Небесный.

— Но он никак не причастен к тому, что произошло. Уверяю, мой статус для этого человека тоже стал шоком, — продолжил парень, стараясь не смотреть на меня, чтобы не вызвать подозрений.

— Вы всё рассказали? — нетерпеливо спросил учитель. Он не хотел даже видеть Энди в своём классе, и это было понятно по тому, как нервно он топал ногой всё это время.

Парень кивнул, и историк указал рукой на дверь, мол валите отсюда к чертям собачьим. Мой бывший лучший друг посмотрел на меня напоследок и вышел из кабинета, молчаливо прощаясь с классом и со мной.

Я заметила, как Миранда с Айденом переглянулись, а потом вместе обернулись в мою сторону. Теперь ни для кого не стало секретом, что никакая я не шпионка и что моё сердце разбито так же жестоко, как и у всех. Отвечать на их взгляды я не стала. Ещё одно неверное движение глазами, и слёзы, скопившиеся в уголках глаз, покатятся по щекам.

Небо 6. Мечтать не вредно

Сегодня во мне погиб мечтатель. Завтра на его похоронах я спою песню о том, как прекрасно было наше ненаступившее счастливое лето. Я спою о том, как неувиденные нами птицы грациозно пролетали над нашими светлыми, полными тёмных мыслей головами.

Терять близких людей мне пришлось не впервые. В этот раз, как и в прошлый, меня душила нестерпимая боль.

Ни Джош, ни Элисон не могли понять, что такого произошло на уроке, что я вдруг превратилась из знакомой им Нии в овоща, не реагирующего ни на что. Овоща... Как бы мне хотелось стать на землю, пустить в неё корни и провалиться, покрепче ухватившись за камни и грязь, чтобы ветер-предатель, не сумевший указать нам неверный путь, не смел больше срывать с меня волосы. Не смел мне больше рассказывать истории. Я в них теперь не верю.

Беру чистую одежду и плетусь в комнату через одну от нашей. Может, хоть душ смоет с меня всё это. Где-то глубоко в душе я всё-таки надеялась, что судьба даст мне возможность посмотреть ЕМУ в глаза и услышать это чёртово «прости». Но вот уже вечер, а в нашу дверь так и не раздался ни один стук.

Больше всего мысли отравляло навязчивое подозрение в том, что Энди виноват в смерти миссис Джеффри. Он разру-

шил нашу жизнь. Он стал предателем и целый год делал вид, что как-то ещё ко мне привязан. Из него сделали машину, забывшую о чувствах и эмоциях. Из него сделали Небесного.

— Ниа! — пискляво крикнул кто-то за моей спиной.

Я обернулась в сторону девушки, бегущей ко мне. Её огненные волосы восхищали меня. Пламя на её голове было ярче, чем пламя в сердце, если то ещё бьётся.

— Разве я говорила своё имя? — прищуриваюсь с подозрением, когда Миранда подбегает ближе.

— Ад сказал.

Я молча отвела взгляд в сторону. Его имя пробирало до дрожжи.

— Слушай, ты не серчай на меня, — девушка жалобно подняла брови. — Случилось так, что я дала дозволение грешным мыслям навестить мою дурную голову. Подозревать тебя я стала. Ад поведал, мол ты виновна в том, что с нами произошло, а он редко ошибается.

— У него были причины так думать, — понимающе ответила я.

— Да и не могла я против него пойти. По нашим законам за это суд полагается, — всё тараторила она, для убедительности положив руку мне на плечо.

— Всё в порядке, — слабо улыбнулась я. — Я не в обиде.

— А ты не сюда ль направляешься? — спросила она, указав на дверь, возле которой мы стояли.

Я положительно кивнула, а рыжеволосая открыла было

рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала и задумчиво нахмурилась.

— Ладно… Не моё это дело. Свидимся, — она пожала плечами и побрела по коридору в сторону лестницы, оставив меня в замешательстве.

Хорошая эта Миранда. Хоть она и выглядит хрупкой, что-то мне подсказывает, что на самом деле она посильнее меня будет.

Я захожу в комнату и, облокотившись спиной о дверь, расслабленно закрываю глаза. Может, оно всё и к лучшему? Может, это придаст мне мотивации узнать получше о Полосах, о G-27, о Небесных, о маме. Что-то же всё-таки заставило её сбежать из Полосы и искать жизнь среди отшельников. И что-то же заставило Энди стать предателем.

Отлипла от двери и подошла к ванной комнате. И только я схватилась за ручку, как вдруг она сама опустилась и дверь открылась без моей помощи.

Моментально отскакиваю от двери и вижу, как из ванной комнаты выходит парень в мокрой серой футболке с непонятным принтом и чёрных брюках. Белокурый, чёрт возьми, парень.

— Твою ж мать… — ругнулся Айден, как только увидел меня, и, закрыв рукой лицо, вновь закрылся в ванной. — Тебя стучаться не учили? — выкрикнул он оттуда через пару секунд.

Я обернулась и только теперь заметила, что в этот раз ком-

ната выглядела не так, как при прошлом моём визите. Три кровати всё так же стояли на своих местах, но теперь две из них были смяты. Шкаф приоткрыт, оттуда видна разная одежда, в том числе и женская. Мне тоже выделили свой шкаф с кучей одежды и сказали, что это теперь принадлежит мне.

Если верить Элисон, в каждой комнате заселено по три человека. Два мальчика и одна девочка, либо наоборот. Мол так нас приучивают к общению с противоположным полом. Судя по одежде, у Айдена пока только одна соседка.

Больше всего хлама было на столе. Там я заметила какие-то незаконченные приборы и тут же вспомнила, что Ад увлекается техникой и мастерит непонятные штуки. Но разве это не странно, что два дня назад дикарям даже еду не давали, а теперь добродушно дарили то, чем можно навредить? Одному Айдену известно, что за оружие выйдет из этой кучи железяк.

— Или ты какая-то ВИП-персона? — парень вышел из ванной и тут же начал грубым тоном. — Делаешь, что хочешь, ходишь, где вздумается?

Я неосознанно стала всматриваться в его лицо, чтобы понять, что такого он хотел скрыть, закрывшись рукой. Но ничего, кроме покрасневшего правового глаза не заметила. Он как будто очень долго его тёр.

— Что ты хочешь? — теряя терпение, спросил он, нахмурившись.

— Комнаты перепутала, — отвечаю сухо и разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Подожди.

Что-то заставляет меня послушаться, и я замираю на месте, зажмурившись и искренне надеясь, что эта встреча закончится как можно быстрее. Я не хочу здесь находиться. Я не хочу его слушать. Я просто хочу залезть на самую высокую гору, где жёлтые тучи окажутся где-то внизу, а ветер, получше разогнавшись, сбросит меня с края.

Разбиться о камни. Навеки уснуть. Навеки забыться. Исчезнуть. Раствориться. Уйти. Улететь. Что угодно, лишь бы не повторять в голове это чёртово имя на букву «Э».

Айден долго молчит, собираясь с мыслями. Я стою к нему спиной, рассматриваю входную дверь и слышу, как он подходит к своему столу возле окна и, наверное, облокачивается на него.

— Прости меня. За то, что ударил, — говорит он в десять раз мягче, чем все слова до этого. Как будто даже с виной, но по голосу слышно, что эти слова даются ему тяжело. — Я был не прав насчёт тебя. Пойми, у меня было много причин не доверять тебе.

Закусываю губу и опускаю вниз глаза. Конечно, я понимаю. Была бы у меня сотня подчинённых, что верят в меня и ждут решений, я бы вообще никому не доверяла. Очень уж большая ответственность.

Сжимаю кулаки и в десятый раз насилую входную дверь

своим взглядом. На деревянной ручке уже знатно стёрлась краска, и неясно, сколько человек уже жило в этой комнате. Сколько уже существует этот колледж? А Полосы? А вся эта система?

— Хотя Небо его знает, — фыркнул парень, снова подошёл ко мне, став сбоку, и уставился на меня испытывающим взглядом. — Может, это был хорошо сыгранный спектакль, а?

Как же сильно мне сейчас хотелось высказать всё. То, насколько сильно мне плевать на его доверие. Насколько мерзко мне находиться с человеком, у которого паранойя своей мощностью сломала все датчики. Мне плевать! В моей голове поселилась и раздувается мысль об Энди, и её не остановить никакими адскими подозрениями. Чёртов эгоист.

Я молча и без нервов выхожу из комнаты и даже не хлопаю дверью, так и не посмотрев на него. В моей голове теплится мысль о побеге и поиске G-27. Оттуда ведь доставляют вещи и еду? Или всё это производится где-то здесь? Нужно только дождаться, когда сюда прибудет какая-нибудь бригада, и последовать за ней, когда она будет возвращаться на базу.

Чего я сейчас ожидала меньше всего — угодить в приключения прямо в этом коридоре. Всего в метрах двадцати от меня я заметила высокую фигуру Энди, который, увидев меня, на секунды застыл с открытым ртом, а потом уверенно ринулся в мою сторону. А я как будто случайно замедлила шаг, чтобы он догнал меня, пока я не дошла до своей ком-

наты.

— Дай мне всё объяснить, — он, будто пытаясь меня успокоить, поднял руки в знак безоружности. Неужели он не понимал, что единственное его оружие — те слова, что он произнёс перед всем классом?

Молча смотрю ему в глаза. Он — в мои. Я редко при нём надевала линзы, но теперь мне придётся носить их чуть ли не целую вечность: ложиться спать позже всех, чтобы их снять, и вставать раньше, чтобы надеть. Энди говорил, в них я выгляжу как совершенно другой человек. Что теперь ты скажешь? Во мне осталась хоть капля старой Нии?

— Ты Небесный, — говорю так, будто это его проклятье.

— Я понимаю, что ты чувствуешь и о чём подумала, когда это узнала. Я не причастен к смерти Лесли, Ниа, — он хотел положить свою руку на моё плечо, но я увернулась. — Они предложили мне работу буквально через пару дней, как мы с тобой сбежали. Пока ты спала, я услышал шум. Потом наткнулся на них. Не знаю, почему они не убили меня.

— И ты согласился. После того, как они лишили нас всего, — смотрю в сторону, скрестив руки на груди.

Парень молчит какое-то время, стыдливо опускает глаза в пол.

— Ради твоей безопасности. Моим единственным условием было то, что они не тронут тебя. Знала бы ты, как больно было смотреть тебе в глаза и говорить, что все те рассказы миссис Джеффри — враньё. Что всё, о чём мы с тобой

мечтали — выдумка. Это не так. G-27 намного прекраснее всех тех мест, что мы с тобой представляли, но… Я не могу тебе всего рассказать. Меня прослушивают круглосуточно. И наш разговор тоже.

Я молчу. В моей голове столько всего намешано, что меня скоро стошнит. Его слова звучат убедительно. Здраво. Но что-то ноет в груди.

— Что насчёт дикарей? — спрашиваю и наконец набираюсь смелости посмотреть ему в глаза.

Мы, как и весь прошедший год, разговариваем наедине, но теперь всё по-другому.

— Ты специально повёл нас к ним, чтобы вызвать своих? Ты знал, что их будут убивать?

Энди вздохнул и кивнул головой. Сердце будто попало в охотничью ловушку. Я всегда нервно вздрагивала, когда Лесли рассказывала о том, как люди охотились на животных, расставляя по лесу железные капканы. Тогда я задумывалась… А каково было животным, когда они попадали туда? Кажется, теперь я знаю. Пару часов назад я думала, что это всё из-за меня. Что Энди просто не знал, как высвободить меня из лап дикарей, а потому и вызвал подкрепление, а теперь оказывается, что эти люди заранее были обречены на гибель. Мы ворвались в их дом, как когда-то Небесные ворвались в наш. Мы уничтожили всё, что было им дорого, как когда-то уничтожили нас.

— Я обещаю, теперь всё будет иначе, Ниа, — он всё-таки

взял меня за плечи и подошёл чуть ближе, вызвав табун мурашек. Старые ощущения от его прикосновений так никуда и не делись. — Завтра я возвращаюсь в G-27. Я заберу тебя с собой, хочешь? — он улыбнулся искренно и нежно. Давно я не видела Энди таким воодушевлённым. — Всё, о чём мы мечтали, Ниа. Я подарю тебе больше. Мы с тобой будем гулять по самому настоящему лесу, купаться в реке и дышать. Я соберу тебе букет из тысячи цветов, веришь? Живых цветов, — он берёт моё лицо в свои руки и смотрит прямо в глаза. Мои заслезившиеся влюблённые глаза... — А помнишь, как ты любила бабочек? Они такие прекрасные… Увидишь, — улыбается шире и будто сам еле сдерживает слёзы счастья.

Я невольно тянусь рукой к кулону в виде мотылька на шее, который Энди подарил мне ещё очень давно. Парень замечает это и достаёт что-то из внутреннего кармана своей лёгкой куртки. Хорошо, что он не одет в голубую форму Небесных. Так его бы хотела убить половина колледжа. Да и я тоже.

Энди берёт мою руку и кладёт в неё что-то холодное. Разжимая кулак, вижу в своей ладони нечто волшебное. Это маленький прозрачный камень, внутри которого застыла прекрасная бабочка, намного красивее тех, что Лесли показывала нам в книжках с картинками.

— Раньше она была живой. Это янтарь, — пояснил Энди, наблюдая за моей реакцией. — Я знал, что тебе понравится.

Уже почти не осталось сомнений. Он всегда умел красиво обещать и очаровывать меня, переманивая на свою сторону.

Я хочу пойти с ним. Я хочу увидеть мир. Я хочу дышать чистым воздухом. Я хожу жить.

— Извини, что был холоден к тебе весь этот год. Для меня это тоже было тяжело. Я боялся, что ты можешь слишком сильно привязаться ко мне и не пережить, если со мной что-то случится в G-27.

Энди с подозрением обернулся по сторонам, вновь потянулся к внутреннему карману и протянул мне в несколько раз слаженный лист бумаги. Парень приложил палец к губам, умоляя меня молчать, ведь нас прослушивают, и ещё раз обернулся по сторонам.

— Я приду за тобой завтра. Ты… Пойдёшь со мной?

За всё это время я увидела много карих глаз. У Элисон, Джоша, Айдена, Каспера, головорезов и других дикарей, но глаза Энди были прекраснее в стократ. Цвет влажной плодородной почвы, будто в них вот-вот прорастёт семя самого красивого цветка. Я буду беречь его как смысл своей жизни и никому не дам его сорвать. Я буду поливать его хоть каждый день, хоть своими же слезами. Я буду разгонять тучи и голыми руками ловить солнечные лучи, направляя их на самые родные глаза.

Я одобрительно киваю и опускаю взгляд в пол. Я пойду за ним, даже если придётся босыми ногами шагать по раскалённой лаве. Я пойду, даже если придётся нагишом ползти по битому стеклу. Это ведь я. А это ведь Энди.

Парень широко улыбается и в эмоциях тянет меня к себк,

заключая в крепких объятиях. Сколько ещё нам пережить придётся? Плевать. Пока я здесь, пока чувствую его руки на своих плечах, мне не стать несчастной. На похороны мечтателя, погибшего внутри меня, я принесу оживляющий эликсир и спою о том, что наша сказка всё ещё не закончена, а после слова «конец» точка превратилась в вопросительный знак.

Мы долго стояли там, в коридоре. Энди рассказывал, какие чудеса нас ждут дальше, а я пропускала каждое второе слово, боясь спугнуть наш зрительный контакт. Парень снова улыбнулся и, попрощавшись со мной, ушёл в неизвестном для меня направлении.

— До завтра… — прошептала я и, прижав к груди загадочное письмо и бабочку в янтаре, вернулась в комнату.

Ни Джоша, ни Элисон там не было, потому я сразу же развернула клочок бумаги, чтобы прочитать послание. Вот только Энди всегда учился быстрее меня, а я сих пор знала только половину алфавита, а прописные буквы вообще остались для меня непонятными иероглифами. Видимо, Энди научили писать в G-27. В загадочном письме было не так много слов, но даже их я не смогла полностью разобрать.

«_сл _ _ _ с_о_ ла про_ _ _а_ _ _ _о, зна_ _ _, _н_ пр_ _ лос_ у_ _ _ в _-27 _ _ _ _ _ _ _. _н_ _ал _ Он_ сл _ _ _ _ _а ва_ _. Кр_ _ о _ ка_ _ р _. Н_ в_р_ н_ко_ _. Он_ п_ _а_ _с_ с_ _ла_ _ _з вас _ _ _ал_н_ _ _ _зропо_н_ _ гра_ _ ан _ _з сво_го _н_н_ _…»

Остальной текст я даже бросила разбирать. К тому же, в комнату вошёл Джош, и мне пришлось тут же спрятать письмо в карман. Зачем Энди дал мне эту записку, если уже завтра мы встретимся лично? Может, это какие-то уточнения по поводу нашей встречи? Что такого он скрывает от своего начальства, что пришлось написать это на листке бумаги?

— Что делаешь? — с подозрением спросил брюнет и уселся на подоконник.

— Да так… Где Элисон?

— Стоит в очереди за кексами и проклинает моё имя, — совершенно серьёзно сказал он и вытащил из кармана джинсов небольшую пачку с чем-то внутри.

— Почему?

— Потому что в нашей хате я — батя. Эл всегда делает то, что я сказал. А я сказал принести мне кекс.

Джош достаёт из пачки какую-то белую трубочку и, зажав её зубами, снова роется в кармане.

— Это что, сигареты? — моему изумлению нет границ.

— Бери выше, Ниа. Это мои близкие друзья.

Поджигает и делает глубокую затяжку, чуть сощурив глаза. Выдыхает так расслабленно, будто нет наслаждения больше, чем ощущение дыма в лёгких. Глядя на него, я даже немного завидую. Не могу оторваться от его движений, он для меня как инопланетянин, которого хочется рассматривать под микроскопом.

Вот он снова затягивается, убирает руку от губ. Его паль-

цы слегка дрожат то ли от холода, то ли от наслаждения. Рукава, закатанные до самых локтей, открывают вид на выпирающие вены, играющие тенями под лучами солнца. Он дотягивается до ручки, открывает окно, и поток воздуха сдувает волосы с его лба. Джош смотрит куда-то в пустоту, и кажется, будто думает о чём-то очень важном.

— Ещё один травоядный. Глянь на это, — с усмешкой говорит он и выглядывает в окно.

Подхожу ближе, Джош садится поудобнее, свесив ноги на улицу. За окном сейчас тепло и солнечно. С этим местом явно что-то не так, ведь в любом другом, где были мы с Энди, небо было в плену у странного цвета туч, а здесь же дарило ощущение свободы.

То, что здесь есть трава, до сих пор остаётся для меня загадкой. Как и для Айдена, который, судя по всему, тоже вылез на улицу через своё окно и теперь сосредоточенно изучал растительность, став на землю одним коленом.

— Эй, златовласка, — крикнул ему Джош, струсив с сигареты пепел. — Ты что там делаешь?

Ад перевёл на него взгляд с таким видом, будто прямо сейчас слепит из грязи какой-нибудь автомат и прострелит парню голову. Он поднимается с земли и разводит руки в стороны.

— Какое твоё дело, говновласка? — отвечает он Джошу грубым тоном и хмурится. — Может, я вегетарианец. Салат себе, блин, решил сделать, тебе-то что?

— О, да ты ещё и хозяюшка, — не унимался брюнет, явно оскорбившись. — Пригласишь в гости на салатик?

— Только когда учёные изобретут Анти-пидорин и вколят его тебе, потому что ты явно на меня запал.

На этих словах и закончилась их перепалка. Джош не нашёл подходящего ответа, а потому только проводил Айдена испепеляющим взглядом, когда тот вновь вернулся в свою комнату через окно.

— Козёл… — парень нервно стряхнул пепел от сигареты и сделал затяжку. — Я его тут раньше не видел, кто это?

— А что, понравился? — я не сдержала улыбку и отошла от окна, усевшись на свою кровать.

— Мне понравится, когда я разобью ему лицо.

Дверь в нашу комнату открывается, и я уже в ожидании увидеть там объект нашего обсуждения, но на пороге оказывается Элисон. Она идёт в обнимку с огромным пакетом булочек, кряхтит, кое-как закрывает за собой дверь и падает на кровать вместе с пакетом, а Джош, до сих пор докуривая сигарету, недовольно смотрит на неё.

— И где мои кексы?

— В трусах у тебя твои кексы! — чуть ли не кричит Элисон. Видно, что она или разозлённая, или уставшая. — Хотя… У тебя там, наверное, даже до изюминок далеко.

Девушка опускает ниже задравшийся короткий топик, оголяющий её живот. Перед тем, как она закрыла его, я успела заметить пирсинг чуть выше пупка и маленькую татуи-

ровку в виде странной закарючки на рёбрах.

— Так вот куда мои сиги делись, — Элисон поднялась с кровати и, подойдя к соседу, жадно выхватила у него из рук пачку.

Она с непростительной наглостью приблизилась к лицу Джоша и подожгла свою сигарету о его. При этом он даже не отстранился и не смутился.

Прочищаю горло кашлем и как бы незаинтересованно отвожу взгляд в сторону.

— Где вы их берёте? Разве они не запрещены?

— Пока никто не видит — не запрещены, — злорадно ухмыльнулся Джош, закинув руку на плечо Элисон, когда та села рядом с ним.

— Но воздух…

— Воздуха здесь достаточно, — прерывает меня девушка и выпускает кольцо дыма. — А берём мы их из надёжных источников. Нужно налаживать контакты с нужными людьми, зануда.

Я молча продолжала наблюдать за странной курящей парочкой. К ним у меня было много вопросов, но так же много было и подозрений. Хотя чего бояться? Уже завтра меня здесь не будет. Я буду рядом с человеком, которого люблю, и мы окажемся далеко отсюда. В месте, о котором мечтали всю свою жизнь.

Ребята долго разговаривали и рассказывали друг другу всякие небылицы, которые я слушала краем уха, иногда по-

смеиваясь и поддакивая. Очередной историей Джоша был рассказ о том, как Элисон отшила влюбленного в неё паренька, который, кстати, оказался сыном директора этого колледжа. В итоге сынишка наплёл папочке какие-то байки, и Элисон посадили в одну из камер на минус первом этаже. Каждый день Джош носил ей что-то поесть и не упускал возможности пошутить о том, что со своими зелёными волосами девушка выглядит как попугай в клетке. Сыну директора уже давно исполнилось двадцать пять, и его отправили в G-27. Наверняка, там он занял какую-нибудь почётную должность.

— А как вы попали сюда? — наконец спросила я, но от моего вопроса улыбки ребят почему-то быстро покинули их лица.

Элисон отвела взгляд в сторону, потушила сигарету о спинку кровати и, собрав вещи для ванной, вышла из комнаты. Джош проводил её серьёзным взглядом и, тяжело вздохнув, исподлобья посмотрел на меня. Его глаза выражали какую-то тоску и злобу одновременно. Похоже, они попали сюда вместе, раз эта тема для них обоих болезненна.

Весь сегодняшний день я внимательно наблюдала за Джошем. Всё-таки он стал вести себя совершенно иначе, как только выяснилось, что он не глухонемой. Он часто подшучивал над Элисон, прикасался к ней, обнимал за плечи, в шутку бросал в неё разные вещи. Она отвечала тем же. Они выглядели, как настоящая пара, но ни разу не целовались при мне. Мне кажется, Элисон против отношений на всеоб-

щем обозрении. Но пока ещё неясно, есть ли эти отношения вообще.

Когда мне говорят, что впереди тяжёлый день, я сразу вспоминаю небольшой дворик возле дома Лесли и Маркуса. Вспоминаю, как они вечно норовили занять нас работой, даже если дом блестел от чистоты и порядка. Так нас приучали к труду. Теперь же слова «тяжёлый день» имели совсем другое значение.

Я проснулась посреди ночи и всё никак не могла уснуть — глаза болели от линз. Сегодня я не решилась их снимать. Долго ворочалась и пялилась в потолок. Всё представляла счастливое лицо Энди, когда мы вместе будем прогуливаться по настоящей зелёной траве под куполом чистого воздуха. Конечно, это можно было бы сделать и здесь, но колледж — явно не то место, где я бы хотела строить своё счастье. Все мои мысли не здесь.

Спустя долгое время мне всё же удалось снова уснуть, но совсем ненадолго. Кто-то настойчиво тряс меня за плечо, пытаясь разбудить.

— Вставай. Это важно, — шептал мужской голос.

Я подскочила с места и отбросила от себя руки парня. Джош внимательно смотрел на меня. Под лунным светом его волосы отдавали голубоватым оттенком, а лицо казалось даже красивее, чем обычно. Сначала мне померещилось, что за мной пришёл какой-то ангел, но потом он зловеще улыбнулся, развеяв эти догадки.

— Хочешь увидеть кое-что необычное?

Наверное, я никогда не перестану это повторять. Джош странный. Вместо того чтобы спокойно спать в своей кровати, он решил найти себе приключений. Спрыгнув с окна на улицу, он подал мне руку, помогая спуститься, а потом, всё так же не отпуская мою ладонь, повёл куда-то вдоль стены.

Мы крались под самыми окнами, будто намереваясь попасть в одну из комнат. Мне не передать словами, как сильно поражала красота этой ночи. Луна словно приблизилась к земле и теперь пыталась рассмотреть каждого человечка на ней, а звёзды… В жизни я не видела такого чистого звёздного неба.

Брюнет остановился у одной из комнат. Как ни странно, окно в него располагалось немного выше остальных, но для парня это не стало преградой. Он подпрыгнул, зацепился руками за подоконник, с лёгкостью подтянулся и залез в помещение.

— Подожди минуту, — сказал он мне и скрылся в темноте комнаты.

Я услышала странную возню возле окна. Сначала это были шаги Джоша, но потом послышался странный топот чьих-то очень маленьких ножек. Прислушалась. В самом деле, кто-то очень маленький бегал возле окна, а Джош, видимо, за этим «кем-то» гонялся.

— Вообще он дружелюбный… — говорил парень, запыхавшись. Я не видела его, но четко слышала сбивчивое ды-

хание. — Но если ты будешь дёргать его за одно место, ему точно не понравится. Хотя… Кому это может понравиться?

Я услышала, как парень остановился. Спустя пару молчаливых секунд он подошёл к окну, облокотился о подоконник локтями и, вытерев пот со лба, как-то хищно посмотрел на меня.

— А может, мне бы понравилось. Если только нежно, — подмигнул он мне, улыбнувшись.

— Нахал… — совершенно серьёзно, но без злобы ответила я.

Джош вдруг нахмурился, словно я не оценила шутку, над которой он очень старался. Немного подумав, он растерянно опустил взгляд.

— Извини, — неожиданно произнёс он. — Надо запомнить, что ты не любительница пошлых шуточек. Вот же Эл расстроится.

Брюнет поднял что-то или кого-то с пола, поставив на подоконник. Большая пушистая мордашка смотрела прямо на меня и, забавно принюхиваясь, норовила спрыгнуть с окна и подойти поближе ко мне.

— Земля всемогущая… — вырвалось у меня. — Это что, собака?

— Она самая. Это бигль. Его зовут Баффи, — парень широко улыбался, радуясь моему восторгу.

Я подняла руки, и Джош отдал мне собаку, а потом и сам спустился к нам. Выходит, не все животные погибли. Мне

постоянно угнетало видеть кругом скелеты птиц и чьих-то недавно погибших домашних питомцев.

— Откуда он взялся? Чей он?

— Раньше принадлежал одному пареньку из Канады, но его уже давно посадили в карцер. Вряд ли он жив. А псина осталась одна. Теперь она общая.

Я с сожалением посмотрела на жизнерадостного Баффи. Он не переставал вилять хвостом и облизывать мои руки.

— Здесь есть ещё животные?

— Можем посмотреть на того белобрысого козла из двадцать первой, — юноша кивнул головой в сторону окна, ведущего в комнату Айдена, и я не сдержала улыбки.

— Спасибо за вечер, Джош.

— Поблагодаришь позже. Когда он закончится, — он снова как-то хищно улыбнулся и взял меня за запястье, потянув к новым приключениям.

Баффи бегал недалеко от нас, а мы всё ходили под небесным куполом ночи. Джош разулся и босиком побрёл по душистой траве, иногда оборачиваясь назад убедиться, что я не отстаю от него. Я последовала его примеру. Приятная прохлада успокаивала быстрее любого чая и сна. Я словно попала в сказку, где добро победило без боя. Словно принцесса, я ступала по земле, как по полу огромного бального зала. А Джош был моим принцем. Ощущая его руку на своём запястье, я чувствовала его непокорную силу. Если и можно было сравнить его с животным, то я бы назвала его диким

скакуном.

Так много всего хотелось сказать, но я молчала. Молчали и звёзды. А разве им нужно было что-то говорить? Они безмолвно наблюдали за странной парочкой, карабкающейся по стволу невысокого дерева и за небольшой собачкой, бегающей по траве и ловящей светлячков.

Цепляясь за выступы в стволе, я следовала за парнем. Мы сели друг напротив друга на самой широкой ветке. Проводя руками по листьям, я представляла… Да ничего я не представляла. Я даже мечтать не могла о той реальности, что меня сейчас окружала. Эта свежесть, этот аромат зелени…

Джош долго смотрел мне в глаза, немного наклонив голову на бок. Такой вот он был. Странный художник, охотящийся за самыми мелкими деталями.

— Тебе никогда не казалось, что глаза человека очень похожи на планеты? — неожиданно сказал он, да так тихо, что мне пришлось молчать несколько секунд, чтобы понять смысл его слов.

— Я не знаю, как выглядят планеты, — соврала я и отвела глаза в сторону. Мне всё казалось, что он увидит настоящий цвет моих глаз.

— Особенно голубые, — проигнорировал он мои слова и как будто прочитал мои мысли. — Ты когда-нибудь видела голубые глаза? Они похожи на космос, а зрачок — на чёрную дыру. Я не видел ничего более… — он задумчиво прищурился и пробежался взглядом от макушки моей головы

до ног. — Более разрушающего. И манящего. Иронично, да? Чёрные дыры тоже сначала манят, а потом уничтожают всё, что к ним приближается.

— Я не понимаю, о чём Вы, — снова соврала я. Конечно же, я всё понимала.

— Прошу, называй меня на «ты». Может, в каких-нибудь ролевых играх твоё «выканье» и пригодится в будущем, но не сейчас.

Какие ещё ролевые игры?.. Я согласно кивнула и вновь отвела взгляд.

— Знаешь… Это место кишит загадками. Хоть они и говорят, что дети выбираются отсюда только после двадцати пяти лет, на самом деле, отсюда выходят по-разному. Не в этом суть. Суть в том, что неизвестно, сколько придётся здесь пробыть. Отсюда вывод: учись искать знакомства с нужными людьми.

На секунду я обрадовалась, что меня эта участь минует, но сердце предвещало, что слова странного художника мне очень пригодятся.

— Не хочу показаться самовлюблённым, хотя чертовски себя люблю, но тебе крупно повезло, что ты попала именно к нам в комнату. Мы с Элисон здесь знаем каждую собаку. Ты не представляешь, какие у нас возможности, — после этих слов Джош пододвинулся ко мне и посмотрел прямо в глаза, — Я могу сломать твою жизнь, хочешь? — он спросил абсолютно серьёзно и долго смотрел на меня, не отрываясь

и даже не моргая. Мелкая дрожь прошлась по всему телу. Я сглотнула и сжала руки в кулаках, готовясь к худшему.

— Чужие жизни может сломать только тот, у кого собственная разбита вдребезги, — спокойно ответила я, поражаясь холоду в собственном голосе.

Джош серьёзно задумался. Его взгляд помрачнел, но через секунду парень громко рассмеялся и отстранился от меня, вновь облокотившись о ствол дерева.

— Я же просто шучу, Ниа. Серьёзно, видела бы ты свое лицо. Да у меня язык не повернётся кому-то плохое о тебе сказать. И тут больше не я всех знаю, а меня знают все. Серьёзно, спроси кого хочешь.

Хоть парень и сменил тему, резко переключившись на режим весельчака, неприятное послевкусие осталось в душе. Может, он просто не нашёл нужного ответа, а улыбка стала защитной реакцией? Или у него действительно такие шутки?

Джош сложный. Несколько дней притворяться глухонемым да ещё и так, чтобы никто не заподозрил, не каждый сможет. Его мимика, его движения, его слова… Всё было как в какой-то игре, где характер персонажа можно было бы сменить всего одним кликом. Игре, где он сам себе создатель. Он сам себе игрок.

Небо 7. Быть как все

Нормальность — это асфальтированная дорога. Идти по ней удобно, но цветы на ней не растут.

© Винсент Ван Гог

От автора

Миранда проснулась поздно. Пропустив несколько первых уроков, наконец встала с постели и первым делом подошла к детской кроватке, где мирно сопело её маленькое чудо. Дочка была очень похожа на покойного отца. А может, и не покойного… У дикарей давно так завелось — считать мёртвыми тех, кого выгнали из племени. Честер, как звали бывшего мужа Миранды, никогда не любил быть среди дикарей. Не любил их обычаи и их самих.

«Он не любил это место, но любил тебя. Неужели его сердце было настолько мало, что в нём не могло поместиться больше одного человека?» — пронеслись слова Айдена в голове Миранды. Честера действительно держала только она. Он постоянно покидал лагерь, что было запрещено. И ладно, если бы это было для какой-то цели, но он выходил на «свободу» ради «свободы». Просто чтобы не чувствовать себя заточённым. За это его и изгнали. Бойтесь своих желаний — они имеют свойство исполняться. У Честера исполнилось, теперь он свободен. Но жив ли?

Миранда расчесала непослушные кудрявые волосы, акку-

ратно взяла на руки дочку и вышла из своей комнаты, направляясь к столовой. Там уже собрались многие её знакомые из дикарей. Там же был и Айден.

Девушка замерла в проходе в столовую, когда увидела его. Каждый раз, когда его светлые волосы оказывались в поле её зрения, внутри наставала битва совершенно противоположных чувств. Она ненавидела его всем сердцем. Она любила его всем сердцем.

Миранда часто думала, а не измена ли это, когда живёшь с одним человеком, а грезишь о другом. Проживая со своим мужем в вполне себе счастливом браке, она даже тогда оборачивалась вслед белокурому юноше, который даже в упор не желал на неё смотреть. Он всегда думал только о своих железных игрушках, о спасении человечества, о людях и бункерах, спасших планету. В его голове не было места мыслям о девушках. Кроме одной… Но даже ту он потерял.

— Было ль чего интересного сегодня? — спросила Миранда, садясь возле главаря, который задумчиво смотрел куда-то в пустоту, игнорируя разговоры его подопечных.

— Ты бы узнала, если бы пришла на занятия, — грубо ответил он ей. — Сколько раз тебе ещё сказать, чтобы ты всегда была у меня на виду, а не шлялась где попало? — он перевёл на неё строгий взгляд.

Девушка даже не удивилась. Но одно было странно — всего пару дней назад Айден уверял всех, что те не должны появляться на «бессмысленных уроках для школьников». Те-

перь же он резко поменял своё мнение, сказав, что с помощью лекций можно будет выявить слабые места этого места и побольше узнать о базах для выживших, за которыми он так активно охотился. Парень вёл себя подозрительно.

Она промолчала и опустила взгляд. Ад не любил, когда ему перечили, а Миранда просто не умела постоять за себя.

К её счастью, уже в следующую секунду внимание блондина привлёк кое-кто другой. На всю столовую раздался чей-то громкий голос — Джош вошёл в помещение, широко улыбаясь и приветствуя всех. Потом он решил, что его появление недостаточно эпичное, поэтому вышел из столовой, закрыл за собой дверь и через несколько секунд снова ворвался внутрь, распахнув её с ноги.

За Джошем наблюдали все. Проходя мимо столов, он каждому давал «пять», словно абсолютно все были его близкими друзьями. Впрочем, так оно и было. Джош действительно знал здесь очень многих. Всем своим видом парень показывал, как сильно ему плевать на общепринятые порядки. Для всех он был разгильдяем, бунтовщиком и беспечным нарушителем порядка.

— Воистину светлая мысль посетила мою дурную голову этим утром, господа и господарыни, — артистично начал Джош, будто обращаясь ко всем сразу. — Люди думают, что вся вселенная крутится вокруг нашей жизни и смерти, — попутно словам он активно жестикулировал руками, — но вселенная не выдумывает сказок и вообще не знает о нашем

существовании, — парень засмеялся и подошёл к одному из столиков. — Знаете, грустно. Грустно, что уже завтра вы забудете эти слова, ну, а пока… Почему бы не попробовать временно выйти за рамки картонной коробки, в которой живёт ваше сознание, а?

Многие скептично посмеивались и качали головами, глядя на парня. Внезапно он запрыгнул на скамейку, а после — на стол, проигнорировав недовольство тех, кто за ним сидел. Тарелки загремели и шумно упали на пол, рассыпавшись по нему мелкими осколками. А Джош продолжил:

— А хотя знаете… Да пошли вы к чёрту, — громко и с улыбкой произнёс парень. — Серьёзно. Жаль, но я вполне адекватен, чтобы не делиться с вами тем, к чему шёл годами. Если вам будет интересно моё мнение, вы сами об этом у меня спросите. Это ведь так работает, да? — он развёл руки в стороны и подошёл к краю стола, пока под его ногами хрустели тарелки. — Молчи всю жизнь и говори только тогда, когда спрашивают. Вас ведь всех так учили? Система так требует. Ненавижу эту сучку. Из-за неё мне не с кем творить беспредел. Кругом серые клерки вроде вас. Поздравляю, вы нормальные. Но приносит ли это вам счастье?

В столовой было шумно. Мало кто воспринимал слова парня всерьёз, так что в помещении и тут, и там было слышно: «Вот же клоун», «может, напился опять?»

— Показушник, — подытожил Айден, переведя глаза на младенца, который из-за громких речей Джоша проснулся и

начал плакать.

— А мне кажется, он дело говорит, — ответил ему кто-то из дикарей.

— Это тактика. «Скажи всё самое сокровенное в виде шутки, чтобы никто не понял, что это правда». Он либо идиот, либо гений. Я склоняюсь к первому, — добавил второй.

Представление закончилось так же быстро, как и началось. Из противоположного выхода из столовой вышло несколько крепких на вид мужчин в чёрных формах. Охранники здесь были суровые и никогда не пропускали мимо себя бунтовщиков вроде Джоша. Впрочем, этот парень уже знатно им надоел. Каждая его новая выходка заканчивалась тем, что его сажали в клетку, из которой он каждый раз умудрялся выскользнуть.

Мужчины двинулись в сторону парня, а тот, увидев их, быстро спрыгнул со стола и побежал к выходу, по пути схватив Нию за руку и потянув за собой.

Ниана

Высушенный океан, превратившийся в грязную лужицу, не перестаёт быть водой. Он просто переходит в другое состояние, другие размеры и обретает другую цель. Да, в нём больше не будут водиться рыбы, киты, медузы и прочие прелести когда-то существовавшие. Да, по нему больше не будут ходить судна. Но эта маленькая лужица обязательно даст начало новой жизни. Там прорастёт цветок или хотя бы маленькая травинка.

Даже высушенный океан, превратившийся в грязь, не сдался бы. И в моей голове всё ещё теплится мысль, что и в нашем мире, когда-то бывшем прекрасным океаном, всё ещё могут прорасти цветы. Эти цветы — люди вроде Джоша.

Он был по-настоящему живым.. Живым, как цветы, как бескрайний океан, как быстрая река, бегущая среди гор, как капли дождя, капающие не с неба, а обратно на облака.

Крепко держа меня за руку и оборачиваясь ко мне с волнительный улыбкой, он всё больше заставлял меня жалеть, что в будущем он не станет мне даже другом. Сегодня за мной придёт Энди. Сегодня он заберёт меня в «лучший мир». Кажется, этой фразой когда-то называли небеса. Теперь же этот «лучший мир» боялись и ненавидели. Рай и земля поменялись местами.

Мы бежим по коридору, где-то сзади нас слышатся быстрые шаги охранников. Адреналин гуляет по крови, я вспоминаю, как мы с Энди так же быстро бежали домой после заката, ведь Маркус строго настрого запретил гулять после темноты.

Парень потянул меня в сторону, и мы резко свернули за угол к лестнице. Спрятались под ней, и охранники пробежали мимо нас на верхний этаж. Мне понравилось это чувство. Давно мне не хватало ощущения того, что и целый мир не важен. Того, что я не одна.

Я переводила дыхание, и немного истерический смех сам сорвался с губ. Подняла взгляд на Джоша и увидела, как он

с довольной улыбкой смотрел на меня, словно был рад моим эмоциям.

— Ты сумасшедший, — сбивчиво сказала я, а его улыбка стала ещё шире.

— Я хотел тебе кое-что показать.

Наша игра в шпионов закончилась только тогда, когда перед нами предстала огромная двойная деревянная дверь на втором этаже с железной ручкой. Обернувшись по сторонам, Джош тихо потянул её на себя. Правда тихо не вышло. Железные петли настолько заржавели, что просто не могли позволить двери открыться бесшумно.

Помещение оказалось таким же громадным, как и дверь. Вот только совсем не его размеры заставили меня в изумлении выпучить глаза. Десятки шкафов, достающих до потолка, были полностью забиты книгами. «Библиотека,» — подумала я, вспомнив рассказы Лесли о чём-то похожем. Храм историй, изложенных на бумаге. Пристанище сотен прекраснейших сказок и былин. Дом тысяч выдуманных и реальных персонажей. В душе тут же появилась маленькая мечта прочитать каждую книгу от корки до корки, и плевать, что я знаю чуть больше половины алфавита и чуть меньше половины всех существующих на земле слов. Плевать, что уже завтра меня здесь не будет.

— Это библиотека, — повторил Джош мои мысли. — Про неё знают единицы. Чуть ли не избранные. Теперь ты в их числе.

Я подошла к одному из шкафов, провела пальцами по корешку самой толстой книги. Запретный плод сладок… Если о библиотеке знают единицы, значит, чем-то они заслужили эти знания. И чем же их заслужила я?

— Но ведь… — я с сомнением посмотрела на парня. Всё это время он стоял на том же месте и наблюдала за мной. — То, что об этом месте кто-то знает, не значит, что этому «кому-то» можно сюда заходить.

— Брось, Ниа, — он сморщил лицо, мол, забей, расслабься. — Здесь никто не появляется. Половина этих зануд не умеет читать, а вторая — не умеют не быть занудами. Пустая библиотека и я. Что ещё тебе нужно для счастья? — он хитро улыбнулся.

— Что ты имел ввиду там, в столовой? Ты говорил про то, что людям стоит «выйти за рамки картонной коробки в голове».

Какое-то время он молчал, изучающе всматриваясь в мои глаза. На секунду он даже прищурился, но так и не сказал ни слова, лишь подошёл к шкафу с книгами и достал с полки одну из них. На ней была старая потёртая обложка и всё, чем она отличалась от других — лишь три слова, написанные печатным шрифтом. Джош отдал мне книгу и сказал, что перед тем, как он расскажет мне свою великую тайну, мне придётся прочесть эту историю до самого конца.

— Чернила цвета облаков… — тихо сказал он, наблюдая, как я бережно поглаживаю обложку книги. — Прочтёшь и

расскажешь, как ты её поняла. И тогда я расскажу, что я имею ввиду.

Когда он говорил эти слова, напоминал мудреца-долгожителя. Возможно, Джош действительно им был.

Немного побродив по библиотеке и поговорив о конце света (что же ещё у нас есть общего), мы вернулись в комнату и стали собираться на следующую лекцию. Элисон сказала, что в этот раз не нужно брать с собой рюкзак и всё остальное. Главное — прийти самому и быть в здравом уме. Что это значило, я не поняла. И не понимала, пока мы не зашли в нужное помещение.

Это была большая комната, светлая не из-за лучей солнца, а из-за кучи ярких лампочек на потолке. На это занятие пришло намного меньше ребят, чем обычно. Поперёк комнаты стояло около двух десятков кушеток, больше похожих на кресло для пыток, но с мягкой кожаной обивкой.

«Прям как у стоматолога, блин», — сказал кто-то из учеников, видимо, тоже оказавшийся тут впервые.

«Как будто ты знаешь, как там, у стоматолога,» — ответил ему другой.

Кругом всё кишело зелёными оттенками, проводами и странными приборами над креслом. Возле каждого кресла — небольшой столик и экран на нём, который отображал непонятные мне таблицы и схемы. Помимо нас здесь были люди в белых лабораторных халатах. Молодая девушка лет тридцати приветливо улыбнулась нам, но даже её чары не

смогли убедить ребят не нервничать. Особенно сильно переживала Миранда, так и не отлипающая от своих знакомых — дикарей. Айден, как и всегда, скептично смотрел на всё, что было вокруг. Так и вижу в его взгляде еле удержимое желание разобрать все приборы, что тут есть, и изучить их до последнего атома.

Находиться нам здесь пришлось недолго. Люди в халатах непрерывно смотрели на нас, будто сами чего-то ожидали, а потом тишина прервалась глухим ударом. Я увидела, как Элисон упала в обморок, а вслед за ней — ещё несколько ребят из нашей группы. В глазах стало рябить, и неприятное ощущение поразило весь организм. Словно кто-то разрезал мне брюхо и стал чесать органы чем-то жёстким и шершавым. Зелёные цвета сменились на жёлтый, потом на красный… Всё помещение поплыло перед глазами.

Как говорится, лучше быть королём в аду, чем прислугой в раю. Теперь, когда не существует ни одного, ни другого, приходится либо бороться за воздух, либо становиться тряпкой и надеяться, что тобой будут вытирать пыль, а не туалеты.

В месте, в котором мы оказались, действительно пахло помоями. В месте, где не было… Ничего… Ни стен, ни пола, ни потолка. Было сплошное безграничное ничто синего оттенка. Все двадцать человек теперь так же непонятливо осматривались по сторонам. Единственное, что было здесь материально — мы сами и большая арка с тремя проходами, ве-

дущими во тьму.

— Это нормально, — осведомил меня чей-то голос. Только спустя пару секунд я поняла, что это была Элисон. — Мы сейчас находимся в иллюзии. Это что-то типа испытаний. До сих пор не знаю, нахрена они это устраивают, но иногда такие штуки мне по кайфу, — она поставила руки по бокам и внимательно посмотрела на арку. — Каждый раз что-то новое.

Девушка подняла меня с земли, хоть и сложно было понять, где начиналась земля и заканчивался воздух. Эл воодушевлённо осматривалась по сторонам, словно её восхищала даже пустота, а потом молча ушла к другим ребятам, оставив меня одну.

«И что дальше? В какой из них заходить?» — слышались голоса подростков. Вся группа столпилась возле трёх проходов, над каждым из которых висела табличка с надписью.

— Ниа! — крикнула мне Миранда.

Я обернулась к ней и уже хотела было бежать в её сторону, но заметила, что рядом с ней стоял Айден и ещё где-то два человека. Наверное, дикари.

— Ступай же, — повторила она, подзывая к себе, и я всё же послушалась, когда убедилась, что Аду и его свите до меня нет никакого дела. — Тревожит меня это место… Как бы не погубило оно нас.

— Не выйдет. Это просто иллюзия. Какое-то испытание, — пересказываю то, что услышала от Элисон, и наблюдаю,

как толпа пытается разобрать надписи на табличках.

— У них слишком высокотехнологичное оборудование, — вдруг вмешался в наш разговор Айден. — Мы не выберемся отсюда, пока не разгадаем эту загадку. Они не позволят.

Мне хотелось спросить, почему же он тогда не пытается её разгадать, как все те ребята возле арки. Если это какая-то загадка, то она явно с подвохом, потому что на табличках совершенно обычные слова. Наверное…

— Что думаешь? — спросила у меня Миранда, и я прищурилась, чтобы издалека увидеть надписи.

— Ну… Над первым проходом, кажется, написано… «Спасаги». Не знаю, что это значит. Над вторым — «вуигруваги», а над третьим… «Бе…» «Бе…»

— Да, с твоим бе-бе мы далеко уйдём, — перебил меня Айден.

— Я пытаюсь делать хоть что-то!

— Я прошу прощения, но… — наконец перебила нас Миранда и указала в сторону арки.

Некоторые ребята уже заходили в проход. Никто из них не возвращался, а сама арка никак не реагировала. Неизвестно, куда пропали подростки и пропали ли они вообще.

— «Бедаги,» — наконец выговорила я последнее слово и, гордо подняв подбородок, посмотрела на блондина.

Не оценив мою победу, дикарь как-то устало вздохнул и продолжил молча наблюдать за тем, как уже десятый по счё-

ту подросток заходил в арку.

— Но зачем это всё? — задала Миранда вопрос, который крутился в голове у каждого.

— Может, проверяют умение читать? Или восприимчивость к иллюзиям?

— Слишком просто, — снова вмешался Ад, а потом рукой указал на толпу. — Видишь свою подружку? — кажется, он имел ввиду Эл. — Она единственная среди нас, кто уже был в иллюзиях.

В этом он был прав. Элисон действительно стояла возле одной из арок и уговаривала людей заходить в неё, словно точно знала, что выход там.

— Значит, она уже была на этом испытании, — предположила я.

— Или она сама часть испытания. Здесь проверяется не умение читать, а что-то другое. Может быть, стадный инстинкт, — Айден нахмурился и посмотрел на своих ребят, чтобы убедиться, что они всё ещё здесь. — Она ведёт их в проход с надписью «выигрывать». Рядом — «спасать». А твоё любимое бе-бе это слово «бежать».

Я округлила глаза от удивления. Всё-таки он умел читать.

— Выходит, надо идти в любой другой проход?

— Молодец, Твистер, — сказал он, и почему-то на какое-то время я даже воспрянула духом. — Молодец, что не изменяешь себе в своём слабоумии.

Приподнятые в улыбке уголки губ тут же опустились. Мне

будто дали конфету, а потом тут же отобрали и раздавили у меня на глазах

— Выделяться нельзя. Это они и пытаются вычислить, — продолжил он. — Нужно делать всё максимально предсказуемо, — сказал он и медленно пошёл в сторону арки, в которую зазывала всех Элисон. Мы с Мирандой последовали за ним.

Дикари столпились у прохода. Увидев меня в их окружении, Эл подмигнула мне. Я обернулась. Миранда нервно грызла ногти, дикари перешёптывались, а их главарь подозрительно смотрел то на проход, то на Элисон. Она явно ему не нравилась. Ему вообще никто не нравился.

Ад посмотрел на меня и, недолго думая, кивнул в сторону арки, чтобы я шла первой и в очередной раз доказала, что я не на стороне Небесных.

Я нервно сглотнула, глядя на него. Прошу, скажи, что ты знаешь, что делаешь. Скажи, что уверен в своём решении на все сто. Скажи, что я не просто пушечное мясо, которое не жалко отдать на растерзание.

До меня в этот проход вошло больше десятка человек, но именно сейчас пришёл страх. Ад увидел это. Его взгляд чуть смягчился, он ещё раз посмотрел в сторону арки, уводящей в бесконечную темноту.

— Мы пойдём прямо за тобой, — единственное, что он сказал, и чуть подтолкнул меня в спину.

И я пошла. Шаг, затем другой… Я не почувствовала ни

боли, ни головокружения. Окружающее нас «ничто» так и норовило проникнуть внутрь меня и превратить всё, что мне так дорого, в подобную себе пустоту, но голос внутри так и вторил, что это всё самовнушение и не более того. В конце концов, яркий свет ослепил глаза, и я очнулась в помещении, куда мы совсем недавно зашли всей группой.

Ощутив под собой мягкую поверхность, я быстро поняла, что лежу на той самой кушетке, которую так долго рассматривала. На моей голове — странный прибор в виде шапки, из которой торчат десятки проводов. Судя по всему, именно так ОНИ следили за ходом моих мыслей и внедряли в голову иллюзию.

Смотрю вправо — возле меня просыпается Миранда на такой же кушетке. Слева через несколько мест — Айден. Дикари просыпались один за другим. Их главарь подрывается резко, оборачивается по сторонам, агрессивно сбросив с себя железную чертовщину. Люди в белых халатах пытаются его успокоить, но он лишь отбивается от их рук.

Было вполне ожидаемо, что нам ничего не станут объяснять. Кто-то был абсолютно спокоен, а кому-то хватило открыть глаза, чтобы начать паниковать. Я же просто не понимала, что происходит и главное — зачем. Молча поднялась с кушетки, врачи осторожно провели к выходу, как и всех остальных. Возможно, Айден прав. Возможно, действительно не стоит выделяться из толпы, чтобы лишний раз не нарваться на неприятности.

Следующий урок проходил в совершенно обыкновенной аудитории. Я, как и обычно, села подальше от доски в полном одиночестве. Конечно, Джош подзывал к себе, но мне не хотелось сидеть с компанией незнакомых ребят, с которыми он тусовался на задних партах.

Мне начинало здесь нравиться. Приятный запах деревянных столов отлично сочетался с тускловатым вечерним светом из окна. Мне нравилась атмосфера. Мне нравилась эстетика учёбы. Мне нравилось наблюдать за учениками, хоть они настораживали меня так же сильно, как и привлекали. Когда мы с Энди будем жить в G-27, мне придётся контактировать с людьми, но глядя на ребят вокруг, я понимаю, что этому придётся долго и упорно учиться.

Из головы никак не выходила записка, которую Эндрю оставил мне после нашего разговора. Но кто же здесь меня научит её расшифровывать? Если в этом колледже единицы умеют читать, то о письме и заикаться не стоит.

Как только я об этом подумала, в класс зашёл человек, который оказался ещё хуже, чем моё первое впечатление о нём. Айден умел читать. Кто его этому научил? И где дикари взяли книги? И где бродят мои мозги, когда я продолжаю называть этих людей дикарями?

Парень взглядом пробежался по аудитории в поисках знакомых лиц. Как ни странно, никого из его свиты здесь не было, поэтому единственным знакомым для него лицом была… Я. Кругом куча пустых парт. Куча. Неужели он действитель-

но идёт в мою сторону?

Я отодвинулась на самый край скамьи и как будто с диким вниманием уставилась на учителя, который ещё даже не начал лекцию. Худощавый мужчина в приличном костюме и зачесанными назад волосами изучал какой-то материал, который ему принёс другой мужчина — полный и низкий. Это был урок биологии. Забавно. Мы будем изучать строение растений, которых в мире почти не осталось.

Айден шумно бросил рюкзак на скамью и сел на противоположный край от меня, за что ему огромное спасибо.

— Вам уже сообщили о нововведениях? — начал учитель, когда прозвенел звонок. — Администрация наконец решила дать вам стимул к учёбе. Теперь за хорошие оценки вы будете получать баллы, которые после можно будет обменять на что-то ценное. Новую одежду, добавку в столовой или чего-то из G-27 по вашему заказу. Конечно, потом эти баллы назовут каким-нибудь заумным словом, но… — учитель скептично махнул рукой и сел за свой стол.

На его уроке было чуть больше шума, чем на уроке истории. Видимо, этот учитель не пользовался большим уважением.

Я старалась вцепиться в любые мелочи вокруг себя, лишь бы выглядеть беспристрастной и скрыть жуткое напряжение из-за присутствия соседа по парте. Несколько раз опускала взгляд на свои руки. Сдерживала в себе злость из-за воспоминаний об испытании. Айден же абсолютно спокоен. Он

скучающе подставил под щёку кулак и без излишнего интереса смотрел на парту, где пытался вертикально поставить карандаш.

— Это было подло, — наконец не выдержала я.

Айден с полным безразличием перевёл на меня взгляд.

— То, что Вы сделали в иллюзии, было подло, — повторила я. — Вы воспользовались мной как подопытной мышью.

Он изогнул бровь, мол, и что дальше? Это ещё больше меня разозлило, но напрочь смело с головы все мысли. Не человек, а мимика. Из-за его равнодушного выражения лица всё слова вылетели из головы.

— И это мой карандаш! — мой последний весомый аргумент.

Я агрессивно забрала у него свою вещь и так же агрессивно уставилась на учителя. Молодец, Ниа. Как следует поставила мальчишку на место.

Я не видела его выражения лица в этот момент, но зуб даю, он закатил глаза. Я вновь посмотрела на него, когда услышала шум. Айден забрал свои вещи и встал из-за парты, чтобы пересесть на другую. Не могу сказать, что меня это не обрадовало, но всё-таки немного смутило. Даже такое безразличное ко всему белокурое облако, как Айден, я умудрялась превращать в грозовую тучу.

— Сел на место, — грозно приказал учитель, устремив пронзающий взгляд на парня.

«Сейчас начнётся гроза,» — подумала я. И снова ошиб-

лась. Айден остановился и, с недоумением глядя на учителя, стоял так несколько секунд, словно не верил своим ушам. Оно и понятно. Когда последний раз главе дикарей отдавали приказы? В младенчестве? Ад всё-таки сел обратно, хоть и с диким недовольством.

Молчание длилось долго. Эмоции сошли на нет, но до конца урока времени как будто не стало меньше. Стрелка часов над доской плелась мучительно медленно.

Я обернулась к задним партам, где сидел Джош. Этот парень не шибко стремился учиться, так что, как и в первый день нашего общения, лежал на парте, игнорируя громкие разговоры своих друзей. Я завидовала ему. Чертовски здорово, наверное, иметь людей, готовых голыми руками растянуть тебе улыбку до ушей, в какой бы заднице ты ни находился. У Энди последний год этого не получалось. Впрочем, последний год у него ничего не получалось. Ни быть другом, ни общаться со мной, ни улыбаться, ни быть живым. Он был похож на ходячую мумию в вечном поиске своего гроба. И его гробом стала правда. Наконец рассказав её, он обрёл покой, ведь теперь не нужно было скрываться от меня, постоянно бояться моих подозрений и реакции.

От нечего делать я достала из рюкзака книгу, которую Джош дал мне сегодня в библиотеке. Открыв на первой странице, я внимательно изучала чуть ли не каждое слово. Карандашом я попутно подчёркивала незнакомые слова, коих там было очень много. Но это мне не мешало. Мешало

только внезапно появившееся внимание Айдена ко мне. Как только я достала книгу, он стал часто поглядывать на то, что я делаю, но стоило мне посмотреть в ответ, и он почти сразу же отводил взгляд.

— Ниана, если не ошибаюсь, — услышала я голос учителя и тут же оторвалась от чтения. — Вы чем-то заняты? Надеюсь, мои вопросы к Вам будут так же увлекательны, как Ваше занятие. Скажите… Что такое шельф?

Учитель внимательно смотрел на меня, как и десятки учеников, обернувшиеся в мою сторону. Я открыла рот в немом ответе и нервно забегала глазами, сжав в руке карандаш. Да чёрт его знает, что такое шельф. Шёлковый эльф? Шарф? Еловый шкаф?

— Влагалище кобры, — полушёпотом подсказал мне Айден фразу, из которой я не знала ни одного слова

— Влагалище кобры? — громко, но неуверенно повторила я, чтобы услышал учитель.

Вся аудитория залилась смехом. В основном — мужским. Женская половина класса выдала что-то вроде: «Фуу», а учитель сначала строго смотрел на учеников, а потом постучал чем-то по столу, чтобы всех успокоить. Видимо, он не посчитал мой ответ забавным.

Я непонятливо посмотрела на Айдена, но он лишь театрально пожал плечами, мол «Упс, ошибся».

— Очень радует, что Вы решили забежать на несколько тем вперёд и изучиать анатомию животных, но попридержи-

те свои познания до нужного урока, — всё так же строго сказал учитель, поднявшись со своего места. Он сильно отличался от нашего историка — веселого мужичка с растрёпанными волосами, как у безумного гения.

— Это из разряда «никому не доверяй»? — рассерженно спросила я у блондина, не глядя в его сторону.

— Это из разряда «Твистер не хватило мозгов обойти старые грабли», — видимо, ему не понравился мой тон, поэтому он решил ответить грубее.

— Зато мне хватает мозгов правильно запоминать чужие фамилии, — я сильно нахмурилась. — И мне хватило мозгов сесть подальше ото всех, чтобы умники вроде Вас не портили настроение.

На это у него ответа не нашлось. Либо же он наконец понял, что не прав и что сегодня не его день, ведь день дурака перестали праздновать ещё до Нового времени.

Когда злость стихла, я продолжила читать и подчёркивать незнакомые слова.

— Что ты делаешь? — спросил Ад, но уже мягче, чем предыдущие свои слова.

— Ищу рецепт спрея от дикарей.

— Ещё раз съязвишь, и я тебя ударю, — сказал он, и на секунду я выпала из реальности.

За всё время, что мы тут сидели, я впервые посмотрела на него. Его серьёзный настойчивый взгляд говорил лишь о том, что он не шутит. Да и синяк на моём лбу говорил о том

же. Я нервно сглотнула и волосами закрыла след от его прошлого срыва на мне. Уверена, он это заметил. А я заметила, как напряглась его челюсть. Заметила, как его чёлка, часто скрывающая его глаза в тени, теперь не мешала рассмотреть его лицо получше. Глаза… Его глаза были разных оттенков. Оба карие, но левый немного светлее и с более тонкой чёрной обводкой вокруг радужки.

Я опустила взгляд на его правую руку, сжатую в кулаке. На костяшках уже заживали раны. А много ли крови было на этих руках?

Вновь посмотрев ему в глаза, я обратила внимание на нахмуренные брови. Он так часто хмурится, что на переносице уже видны мелкие морщинки, а вот возле глаз и рта — ни одной. Потому что он никогда не улыбается.

— Прямо здесь? — чуть ли не шёпотом спросила я, осмотревшись вокруг. Разве он станет калечить меня при стольких свидетелях?

— Мне не нужен укромный уголок, чтобы поставить тебя на место.

Уважение к нему стремительно падало. Как и бесстрашие в его присутствии. Если все его прошлые выходки можно было объяснить заботой о народе, то подобному поведению объяснений нет. Он просто нервный псих. Просто привык, что ему не перечат. Но это не оправдание.

— Я выделяю незнакомые слова, — наконец пояснила я.

Теперь меня раздражал не Ад, а мой собственный голос,

который из-за моей трусости стал на тон тише и писклявей.

Парень взял мою книгу и, положив её на середину парты, посмотрел обложку, чтобы прочесть название.

— О чём она?

— Не знаю. Я только начала. Вы не могли бы не трогать?

— Не переживай, не заразишься. Ум не передаётся через касания, — очередная колкость. Я уже начала жалеть, что не подсела к Джошу и его компании.

Ад мельком глянул на меня. Не знаю, что такого он увидел на моём лице, но тяжело вздохнул и подсел ближе. Наверное, подумал, что я обиделась. Он перевернул на одну страницу назад, чтобы посмотреть, что я там наотмечала.

— Ты не знаешь, что такое «пробубнить»?

— Знаю, — я нахмурилась и посмотрела на подчёркнутое слово, которое он мне показал. — Наверное, неправильно прочитала.

— Кто тебя учил?

Боковым зрением я видела, что он смотрит на меня, при этом продолжая показывать на это чёртово слово, от которого я не отрывала взгляд.

— Приёмные родители.

Либо ему было плевать, либо он намеренно не стал спрашивать о моих настоящих родителях. Впрочем, это ещё один пункт, за который ему можно сказать спасибо. Это совершенно не та тема, которую мне бы хотелось обсуждать. А уж тем более с ним.

Ад перевернул книгу на форзац и на чистой странице стал карандашом писать какие-то отдельные буквы.

— Вы ещё и писать умеете…

— А ты — нет? — спросил он, не отвлекаясь, а я лишь отрицательно покачала головой.

— Только заглавные печатные, — сказала я и заметила, что именно такие он и писал. — У миссис Джеффри не было времени учить нас письму. Да и зачем?

— А у Энди? — как бы невзначай поинтересовался он, но этот вопрос меня насторожил, так что я лишь неопределённо пожала плечами.

Урок биологии прошёл не зря. Подавляя в себе стеснение и страх, я доверилась учительским навыкам парня. Он объяснил, как проще запоминать некоторые буквы, как отличать «б» от «д» и кучу всяких полезных вещей, до которых у миссис и мистера Джеффри, можно сказать, не дошли руки.

К концу урока я даже позволила себе посмеяться со своей глупости или с его таких же глупых шуток. А когда прозвенел звонок, я даже расстроилась, но потом вспомнила, что лекция продолжится после пятиминутного перерыва. Я даже не смогла сдержать свою мимику и скорчила жалобную морду, когда Айден забрал свой рюкзак и собрался уйти на перемену. Но парень пообещал, что к середине второго урока вернётся и продолжит терроризировать мой мозг своими тяжёлыми вздохами и цоканиями, когда я снова и снова буду ошибаться при изучении алфавита.

За всем этим я совсем забыла, что после всех лекций закончится не только изучение алфавита, но и моё обучение в этом колледже. Потому что Энди уже, наверное, ждёт меня у входа в новую жизнь.

Небо 8. Дикари ли?

От автора

Он ощущает усталость. Он чувствует, как ничего не чувствует. Он видит, как мир вокруг слепнет, и слепнет вместе с ним. Он слышит, как кричат перелётные птицы. Кричат о том, что даже в тёплых краях стало невыносимо холодно. Кричат о том, как погибают. Он слышит и погибает вместе с ними.

Он ощущаете усталость. Что грязь, что сухость — всё стало тягучим болотом. Он тонет. В руках кончаются силы, и он позволяет своему телу расслабиться и медленно погрузиться на дно.

Джош открывает сонные глаза и лениво поднимает взгляд к потолку. Потеряв интерес ко всему вокруг, он наблюдает за секундной стрелкой и мысленно умоляет её двигаться быстрее, чтобы позволить услышать долгожданный звонок с урока. Лениво зевнув в кулак, забирает свои вещи и поднимается с места. Многие смотрят на него в этот момент, а учитель и вовсе недовольно хмурится. Думает, сможет силой мысли заставить ученика сесть на место.

«Как будто ему не плевать», — подумал парень и, покосившись на дряхлого старичка, подошёл к выходу из аудитории. Никто не сказал ему ни слова. Более того, Джош был абсолютно убеждён, что все учителя Цитадели и сами не ра-

ды здесь находиться.

Далеко не все взрослые, которые до катастрофы даже никогда не работали преподавателями, были согласны со всеми законами G-27. Но не сказать, что у кого-то из них был выбор. А подростки всегда были и останутся подростками. Есть запрет? Есть наказание? Значит, найдётся повод рискнуть.

Парень остановился у двери и уже в сотый раз пробежался взглядом по аудитории. Элисон здесь не было, но этому он не удивился. Девушка так же не любила уроки, как и он, вот только ей хватало фантазии придумывать отговорки для учителей, а ему хватало фантазии только на поспать.

— Может, их опять в клетки посадили? — услышал Хейз возле себя, когда ребята с первых парт стали выходить из аудитории.

— Было бы неплохо. Джош, ты же там, вроде, шаришь, — обратился к нему рыжеволосый парень. — Что с дикарями? Все, кроме их главного, сегодня даже не появлялись. А сейчас даже этот куда-то пропал.

Парень никак не отреагировал. Плевать ему было на этих дикарей, а уж на их главного — тем более. Как его там зовут?..

Джош проигнорировал вопрос, но всё-таки обернулся, чтобы убедиться. Действительно. Ни «златовласки», ни его свиты там не было.

— Траву на салат, наверное, опять собирает, — холодно добавил он, но никто его не понял.

Джош направился к лестнице на первый этаж, но в последний момент передумал и поднялся на четвёртый. Элисон частенько была в кабинете директора, так что увидеть её возле двери было ожидаемо.

Девушка выглядела обычно. Обычно для неё: чёрная короткая юбка и колготки в сетку. Про топ и кожаную куртку даже говорить не стоит — что же ещё могло дополнить этот образ. Элисон с немым наслаждением задрала голову к потолку и закрыла глаза, словно спит. Джош подошёл бесшумно, но шумно вздохнул, когда увидел её внешний вид. Ему не нравилось то, как она одевается. Не нравилось то, с каким взглядом на неё оборачиваются парни. Не нравилось то, что о ней говорят девушки. Ему не нравилось то, в кого она превращалась.

— Хамство?

Девушка безразлично открыла глаза и перевела взгляд на парня.

— Сорванный урок? Соблазн учителя? Появление на этот свет?

— Чтоб ты жил долго и счастливо, — с притворной улыбкой сказала она, и парень ухмыльнулся. — Этому старпёру в прошлый раз не понравился мой прикид. Футболка, мол, мне маловата. Пусть заценит это, — девушка изогнула брови и руками указала на свою одежду.

В ответ на это Джош промолчал и недовольно сжал губы.

— Ну что? Что ты мне скажешь? Имею право носить что

хочу. Пусть хоть слово мне скажет, завтра голая в кабинет ворвусь.

Перекинувшись ещё парой фраз, ребята разошлись. Элисон, так и не дождавшись вызова директора, спустилась на другой этаж, а парень проследил за ней взглядом и остался возле кабинета.

Он хотел уже уйти, но вдруг остановился. Из кабинета слышалось, как минимум, два голоса. Джош прислонился спиной к стене и подсмотрел в окно, которое изнутри было закрыто жалюзи. Через небольшую щель было отчётливо видно двух людей, которые не очень дружелюбно смотрели на третьего.

— Горькая правда лучше сладкой лжи, да? — услышал Джош обрывок фразы.

Директор Рикардо улыбнулся и встал из-за своего места, облокотившись о стол и скрестив руки на груди.

— Смотря для кого горькая, — ответил блондин. Парень сидел за длинным пустым столом и в упор смотрел на директора напротив.

— Совершенно верно, Айден.

— Ад, — поправил его парень. — Меня зовут Ад.

— Нет-нет. Твой отец назвал тебя не так.

Джош нахмурился и чуть ближе подошёл к окну. О чём они говорят? Директор и отец златовласки знакомы? Выходит, прибывшие в колледж люди — вовсе не дикари? Кто же тогда?

Эти вопросы быстро вылетели из головы парня, когда Айден так же непонятливо нахмурился. Упоминание его отца сбило блондина с толку.

— Ты удивлён? Знаешь, ты полная его копия. Лицо, навыки, интеллект... И он тоже любил всем указывать. Но кое-что у вас разное... Верно?

Айден лишь на секунду опустил взгляд, но потом снова взял себя в руки и вернул себе бесстрастное выражение лица. По его глазам было видно, что он жаждет задать тысячи вопросов, узнать всё об отце в мельчайших деталях, но сдерживается. Такой слабости себе он не позволит.

— Волосы, — подытожил директор. — Это ведь родимое пятно, да? — спросил он и ещё сильнее взбесил Ада.

Его жутко злило, что какой-то незнакомый ему человек говорит так, будто знает его наизусть.

— Хватит. Он здесь не за этим, — вмешался третий человек.

Это был высокий молодой парень с зачёсанными назад тёмными волосами. Всё это время он стоял у окна и задумчиво смотрел куда-то вдаль, а теперь решил больше не сдерживать ни своей спешки, ни раздражения. Идеально выглаженный чёрный костюм, блестящие ботинки… Он выглядел и вёл себя так, словно у него совершенно не было времени.

— Верно, — подтвердил директор. — Ты умный парень, Айд... Ад, — осёкся он. — Мы видели, как ты специально провалил задание. Мы слышали, о чём ты говорил девушкам

в той иллюзии. Ты ведь прекрасно всё понял, но в одном ты ошибся. Мы проверяли вас не на стадный рефлекс. Мы искали человека с лидерскими качествами.

Услышав это, Джош округлил глаза и отстранился от окна. Теперь он просто слушал разговор, не наблюдая за ним. Посильнее прижавшись к стене, он поднял голову к потолку, пытаясь всё переварить.

— Я не лидер. Я просто наследник.

— Наследник? — снова вмешался третий человек. — У вас там целая империя? Сколько вас было?

На этот вопрос Ад не ответил. Уж про свой народ он точно не скажет ни слова.

— Я спрошу снова. Сколько человек осталось в вашем лагере?

В ответ снова молчание.

— Да скажи же им... — про себя прошептал Джош. Он понимал, что молчание этого парня выйдет ему боком. Понимал и злился на Айдена за то, что тот этого не осознавал. Ведь не глупый же.

— Мы ведь можем вернуться и самим посчитать. Вот только считать нам придётся трупы, потому что ты прямо сейчас подвергаешь их опасности.

— Если бы вы хотели их спасти, давно бы вернулись за ними, — тихо и холодно начал Ад, — но вы понимаете, что эти люди умнее вас и не станут ждать второй волны. Они давно уже ушли.

— И ты знаешь, куда.

— Да, — парень выдержал паузу. — К свободе, о которой Вам с мистером Россетом даже заикаться запрещают.

Джош услышал звук глухого удара. Он не понял, кто именно и на кого кинулся с кулаками, поэтому снова заглянул в окно. Заглянул и ухмыльнулся. Айден сидел на своём же месте и, задрав голову к потолку, держал руку возле носа, пока парень в идеальном костюме тряпкой оттирал что-то от своего пиджака. Пусть злорадство было не в духе Джоша, сейчас он и сам бы с удовольствием добавил ему.

— Полегче, Чез… — тихо сказал директор.

— Твои люди не станут слушать наших указов. Но станут слушать тебя, — продолжил парень в костюме. — У тебя ведь тоже есть какая-то цель, да? Ты хочешь найти отца, хочешь попасть в G-27... Мы могли бы помочь друг другу.

— Вы могли бы пойти к чёрту, — спокойно и тихо ответил ему Айден и убрал руку от лица.

Чез изменился в лице. Его всё больше злило то, что он не мог получить желаемого. Резко подойдя к парню, он снова замахнулся, но в этот раз его остановил директор.

— Всё, всё, хватит!

— Сраный эгоист! — закричал Чез и снова обратился к Аду. — Неужели ты не понимаешь? Вопрос уже не в том, что будет с вами. Хватит думать только о себе. Целый мир умирает!

— Мне нет дела до вашего мира. Вы разрушили мой, так

почему я должен помогать? — парень говорил тихо. Так тихо, что Джошу пришлось затаить дыхание, чтобы ничего не прослушать.

С одной стороны, лидера дикарей можно было понять. Так уж у них завелось — кровь за кровь и никаких исключений. Да и не будет он спасать чужой народ, пока в нём нуждается его собственный. С другой стороны, неужели какие-то дикарские традиции и личные принципы стоят того, чтобы наплевать на целую планету и жить в своём коконе до конца?

Брюнет отстранился от стены и словно завис в пространстве. «Оставь его», услышал он слова директора перед тем, как дверь в кабинет с шумом открылась. Джош даже на мгновение вздрогнул от неожиданности. Айден не хлопнул дверью, хотя по его взгляду было видно, как сильно этот разговор его разозлил. Наверное, он бы даже сорвался с места и голыми руками размазал лицо Чеза об подоконник, но здравый смысл возобладал.

Рукой вытирая кровь из носа, парень наконец заметил Джоша. На секунду он замер, словно пытался понять, что из всего произошедшего видел брюнет.

— Ты хоть в душе за мной не подсматриваешь? — нервно спросил он, уходя.

— А что, ты бы хотел? — ухмыльнулся Джош, на что тот брезгливо поморщился и ушёл.

В кабинете директора стало намного спокойнее. Голоса стали на тон ниже, а потом и вовсе пропали на фоне шума

с нижних этажей.

Джош ударил себя по лбу и сел на стул возле кабинета.

— «А что, ты бы хотел?» Идиот, не нашёл ответа получше?

Прошло совсем немного времени до того, как из кабинета директора вышел тот самый третий человек. Парень с прищуром осмотрел его с ног до зализанных угольно-чёрных волос, пытаясь понять, виделись ли они раньше.

Но больше всего Джош думал о том, что только что произошло. С этим Айденом точно было что-то не так. Почему администрация стала так активно к нему присматриваться? Как отец златовласки связан с директором? И где дикарь старший сейчас?

Ниана

Наша жизнь — один сплошной сборник сказок. Одну историю мы пишем сами, а другую приходится сочинять с кем-то. И стоит хорошо подумать перед тем, как давать перо в руки другому человеку. А вдруг он сожжёт все сказки? А вдруг он напишет о крови и предательстве? А вдруг поставит жирный прочерк на всех страницах?

Это был урок физики. Скучнейший из скучнейших. Джош, который обычно спит на уроках, сейчас без особого интереса смотрел на учителя, вальяжно облокотившись о спинку скамейки. На его лице было полное безразличие, а в глазах — какая-то насмешка. Впрочем, её я давно заметила в его взгляде. Его как будто забавляла эта жизнь, эти люди,

эта земля. И в этом я ему завидовала.

— Ты подружилась со златовлаской? — неожиданно спросил Джош, хотя всю прошедшую половину лекции мы сидели молча.

Я оторвалась от книги и хмуро посмотрела на него. Сейчас насмешки не было. Сейчас передо мной был тот самый глухонемой мальчик с грустными глазами.

— Что, прости?

— Сначала он бьёт тебя, а потом вы мило беседуете на биологии. Я явно чего-то не понимаю в этой жизни. Ты уж объясни.

Я отвела взгляд и посмотрела на светлую макушку, которая, как и всегда, сильно выделялась на фоне тёмных голов. Он сидел у первых рядов и с искренним вниманием слушал каждое слово физика, а что-то даже записывал. Невозможно так быстро писать печатными буквами. Он пишет прописью. Он умеет писать. Помню, с каким скучающим выражением лица он отсиживал урок биологии, а теперь его было не узнать. Оно и понятно. Это же физика. И это же Ад. Он хочет узнать побольше о сфере, в которой он и так уже лучший. Его умение создавать всякие адские штуковины — не просто хобби. Смысл жизни.

— Я не имею с ним ничего общего.

— И не советую ничего иметь, — Джош покрутил карандаш в руках и отвёл от меня взгляд.

С самого утра он вёл себя как-то подозрительно, словно

скрывал что-то или хотел рассказать нечто важное, но просто не мог.

— Почему не советуешь?

Брюнет нервно сжал губы и снова отвёл взгляд. Промолчал.

— Ты что-то знаешь?

— Да, я что-то знаю, Ниа! — он ответил грубее и громче. — Просто поверь мне. К добру это не приведёт.

— Смахивает на ревность...

Он засмеялся. Джош красиво смеялся. Впрочем, он многие вещи делал красиво: рисовал, грустил на подоконнике с сигаретой в руках, запускал руку в угольно-чёрные волосы, чуть прищуривал глаза, когда делал затяжки.

— Если бы я ревновал, он бы сейчас был не здесь.

Я опустила взгляд на его кулак и чертовски удивилась, когда увидела на костяшках еле зажившие раны, словно они были сделаны вчера вечером или даже позже. Невольно вспомнила руки Айдена. У него тоже разбитые кулаки, но давно уже зажившие. Не может же Джош быть таким же психом, как глава дикарей?

— Что бы ты сделал? — спрашиваю, но уже догадываюсь, что он ответит.

— Не знаю. Но я что-то придумаю, чтобы его выперли отсюда. В смысле, придумал бы, — он закатил глаза и что-то пробубнил себе под нос.

Джош казался мне другим. Тихим, творческим, милым и

немного забавным. А сейчас мне казалось, что я сижу с человеком, который, присвоив себе что-то, был бы готов зубами вырвать глотку любому, кто позарится на его имущество.

— Эл сказала, тебе двадцать один. Сколько лет ты уже здесь?

Он посмотрел на меня. Одно я поняла точно — ему не нравится эта тема и мой вопрос. Джош молчал. Секунда, три, пять. Смотрел и молчал.

— С пятнадцати, — ответил он. Я заметила, как дрогнул его голос и напряглись жевалки. Плохая тема. Очень плохая тема.

— Когда мне было пятнадцать, мы с Энди брали кучу тряпок, связывали её и представляли, что это наш сын. Правда эта игра нравилась только мне... — я решила рассказать что-то о себе, чтобы как-то разрядить обстановку.

— Энди? — переспросил Джош, нахмурившись.

— Разве я тебе... не рассказывала? — я искренне сдерживала в себе желание округлить глаза, а когда парень отрицательно покачал головой, и вовсе потеряла контроль над чувствами. Что ты наделала, Ниа… Что ты наделала…

— Парня из G-27 тоже звали Энди, — подозревающим голосом напомнил он.

— Нет-нет, у меня была подруга. Андреа. Коротко — Энди, — снова соврала. Когда-то такое уже было.

— Да? И кто из вас был отцом?

— Что?.. — мысли смешались. Мне всё казалось, что он

видит меня насквозь: мою ложь, моё прошлое, моё будущее...

— Ты сказала, что вы делали сына из тряпок. Кто из вас был его отцом? — он улыбнулся, и мне стало легче. Правда поверил или просто сделал вид?

— Чередовались, — я улыбнулась в ответ.

Есть люди, сравнимые с нелепым пятном на картине, которое не вписывается в общий вид. А есть те, кого было так сложно нарисовать, что художник, каждый раз стирая нарисованные черты, однажды перестарался и пробил в холсте дыру. Вот только почему-то сравнивая мерзкое пятно с унылым и огромным «ничто», все выбирают первое. Ведь лучше плохо, чем ничего...

А вот Энди и был той самой дырой в холсте. Он так старался быть на себя похожим, выглядеть уместно на картине мира, что в итоге превратился в пустоту.

Когда все занятия закончились, когда на душе осталось приятное послевкусие от лекций и отличного дня, я увидела его фигуру в дверном проёме. Тёмный силуэт на фоне палящего солнца обрадовал меня больше, чем долгожданная свобода. За его спиной я увидела огромную машину с такими же огромными пропеллерами. За штурвалом сидел человек в каске и настраивал панель управления. Энди, увидев меня, широко улыбнулся, и я не заметила, как стала ускорять шаг, а потом и вовсе бежать. Как же красиво он улыбался...

— Вот всё и закончилось, — с теплотой в голосе сказал

он и одной рукой обнял меня за плечи. — Ты рада?

Я обернулась назад. В конце коридора было видно, как ученики расходились по своим комнатам. Сколько им ещё придётся тут находиться? Сколько ещё знакомств они заведут и будут пересказывать друг другу одни и те же истории о будущем и прошлом? Ведь о настоящем мало кто любит говорить.

— Не знаю. У меня тут... друзья появились.

— Друзья?

Я не видела его лица, но точно почувствовала, как он нахмурился.

— Если я правильно понимаю, что это значит, — неуверенно добавила я.

— Вы ещё увидитесь. Если они постарше тебя, то им осталось тут всего ничего. Потом их переведут в G-27.

— Я не знаю, сколько им лет.

Человек за штурвалом крикнул, что у него всё готово, и мы можем отправляться. Потом он добавил ещё что-то, но этого мы уже не расслышали — пропеллеры завелись и создали вокруг себя очень много шума. Я ещё раз обернулась к тёмным коридорам. Кажется, я заметила там силуэт с длинными рыжими волосами. Что-то мне подсказывает, что сентиментальной Миранде будет здесь непросто. И почему же я чувствую, словно бросаю их всех? Словно я могла бы им помочь, но не сделала этого. Почему же так тяжело на душе?

Энди взял меня за руку и повёл к этой огромной железя-

ке. И словно мир сужался, когда я всё больше отдалялась от колледжа. От тёплых рук парня становилось жарко, но голос в голове твердил, что это не от чувств, а от высокой температуры воздуха. Удивительно, как трава вокруг колледжа ещё не засохла от такой жары. А за газоном жила пустыня... Нескончаемая, жестокая и голодная пустыня. Чёртово солнце.

— Стойте, стойте! — крикнул кто-то из машины. Мужчина отошёл от штурвала и, переваливаясь через окно, обратился к нам. — Я же сказал, неполадки с двигателем. Я не смогу увезти двоих.

— Ты издеваешься? — со скептичной улыбкой спросил Энди. — Ну, так устрани эти неполадки и поехали уже.

— Я не могу. Кажется... — он растерянно обернулся назад. — Кажется, кто-то специально тут похозяйничал. Сломанные детали можно будет заменить только на базе. Здесь таких нет.

— Энди...

— Подожди, Ниа, — он отпустил мою руку и подошёл ближе к машине. — Замени их чем-то другим.

— Нет времени, шеф. Мне приказано быть на базе не позже пяти.

— Куда ты смотрел, когда «кто-то» ломал чёртов движок? Где ты был?

Водитель ответил что-то невнятное и неопределённо пожал плечами, что ещё сильнее разозлило Энди. Его злость

всегда было сложно заметить. Он отлично её скрывал, но постоянно его выдавали пальцы, стучащие по любой поверхности, даже если это воздух.

— Ладно... — выдохнул парень. — Хорошо. Ты заберёшь её и позже вернёшься за мной. Это приказ.

— Боюсь, шеф, приказ начальства важнее Вашего. Я обязан доставить на базу именно Вас.

— Энди, — я подошла к парню и, взяв его под локоть, отвела в сторону. — Всё в порядке. Я могу остаться здесь.

— Нет, Ниа. Я пообещал тебе, — в его взгляде было волнение, но вместе с тем и какая-то уверенность в том, что он точно знает, как поступить.

Парень зачем-то закрыл рукой своё запястье и стал говорить тише.

— Слушай внимательно. Я сейчас вырежу свой чип и отдам тебе. Ты полетишь в G-27, и начальство будет думать, что я возвращаюсь на базу. Чтобы не подставлять водилу, скажете, что я сбежал. Тебя там примут. С этим проблем не будет.

Он говорил быстро, и я едва успевала за его ходом мыслей. Больше всего напрягла фраза «вырежу чип». Неудивительно, что G-27 может себе позволить такие технологии, как подкожные чипы. Удивительнее то, что Энди готов таким пожертвовать.

— Думаю, за мной вернутся быстро. Но даже если и...

Я коснулась ладонью его щеки, и Энди тут же замолчал,

словно все слова мгновенно вылетели из головы. Я выдавила из себя улыбку и наклонила голову на бок.

— Всё хорошо, — чуть ли не шепчу, не обращая внимания на шум пропеллеров. — Лети один. Сквозь огонь к воздуху, да? — повторила я наш девиз из детства. — Какая разница, сколько на этот путь уйдёт времени? Я подожду.

Мы рождаемся, причиняя ужасную боль одному человеку. Маме. Умираем, разбивая сердца многих. Друзей и родных. Так в чём же смысл, если ни твоё появление, ни твоё исчезновение не делает никого счастливым, а лишь причиняет боль?

Я спрашивала себя об этом пару дней назад, когда думала, что осталась одна в этой вселенной. Делала вид, что Элисон мне помогает, делала вид, что Джош возвращает меня к жизни. Теперь, глядя в эти карие глаза, я понимала, что всё-таки в чём-то есть смысл. Ни в самом Энди, ни в людях, ни в помощи и поддержке. Смысл в чувствах. Ты жив, пока чувствуешь, и неважно, что именно. Больно? Прочувствуй это. Счастлив? Наслаждайся. Ощущаешь? Живи.

Парень кладёт свою руку мне на шею и, долго глядя в глаза, молчит. Растерянно бегая взглядом по моему лицу, тяжело вздыхает. Мы так изменились, Энди... Мы так многое потеряли, но страшнее то, что и сами не можем найтись в мире, где нет ничего, кроме разрухи. Я замечаю на его щеках пару веснушек — следов из детства. Я замечаю в его волосах пару рыжих локонов — подарок солнца. Я замечаю в

его лице мальчика, который во время грозы всегда рисовал мне бабочек. Мы так изменились, мой Энди... Мой бывший лучший друг.

Он тянется к моим губам. Я вспоминаю Лесли и Маркуса, которые в прошлый раз прервали нас. Теперь их здесь нет, прервать некому. Я чуть поворачиваю голову вправо, и вместо губ он оставляет лёгкий поцелуй на моей щеке. Нам больше не по шестнадцать, Энди. Это не наш дом и это не та кровать, на которой мы смяли простынь. Ты больше не мой грозный защитник с палкой в руках, а я не твоя... Просто не твоя.

— Я вернусь за тобой, — обещает он, вызывает у меня улыбку и... Уходит.

Смотрю вслед улетающей машине и улыбаюсь своим мыслям. Ты не вернёшься, Энди. Я знаю, что не вернёшься. Чувствую. Мы такие же чужие, как и много лет назад, когда впервые познакомились. И были чужими всё это время.

Лесли говорила, что в любой сказке всегда побеждает добро. Очень странно рассуждать об этом, находясь на грани нервного срыва, или как там называют то чувство, когда хочется забыть про реальность и просто выть на луну? Теперь я понимаю Элисон. Она любит проходить испытания в иллюзиях, ведь тогда она оказывается совсем не там, где у людей нет выбора. Совсем не там, где мы оказались не по своей воле.

Ночью было холодно. Сначала я списывала всё на откры-

тое окно, через которое то и дело залетали мошки, но потом осознала, что даже под толстым отделом я не могу избавиться от мерзких мурашек. Холодно не снаружи.

Джош уже давно спал, а Элисон до сих пор сидела на подоконнике с сигаретой. Иногда они делали это вместе, но чаще всего — по отдельности. Разговор со вселенной это ритуал, который нужно проводить в одиночестве, так что сегодня Эл поддержала все традиции. И я бы ни в коем случае ей не помешала, если бы мысли об Энди не бросали камни в мою голову в каждый удар секундной стрелки.

— Кем были твои предки? Ну, типа... До Нового времени, — Элисон говорила тихо и задумчиво.

— Не знаю. Я их не помню.

Она как-то скептично посмотрела на меня, а потом ухмыльнулась и стряхнула пепел.

— Повезло.

— Почему? У тебя были плохие родители?

— Да нет, — Эл безразлично пожала плечами и обернулась назад. Она посмотрела на нашу комнату так, словно не была здесь очень давно.

Впрочем, казалось, что здесь вообще никого не было очень давно. Шкафы покрыты пылью, ободранные обои слезают со стен... Даже наши вещи на полках шкафов не придают комнате уюта. Пахнет деревом, скрипящие половицы играют только себе понятную мелодию, а мошки, застрявшие между двумя стёклами окна, напоминают о том, что и наше

время тоже ограничено двумя стёклами — датой рождения и датой смерти. И мы бьёмся между этими датами, словно можем проломить стекло. Но мы просто мошки. Мы просто застряли в окне.

— Помнить больно, — вдруг сказала Элисон. Она специально не смотрела на небо, как и многие из людей, и я делала вид, что мне тоже не хочется.

— Мы не будем собой, если не будем помнить, — я пожала плечами, а Эл улыбнулась.

— Всё-таки ты зануда. Знаешь, я всегда терпеть не могла таких, как ты, — она закурила сигарету, и воздух, который она вдыхала в лёгкие, стал таким же ядовитыми как и её слова. Как и она сама. — Вы типа такие правильные. Такие идеальные. Посмотришь на вас и блёстками блевать хочется. Всё-то у вас хорошо и все у вас хорошие. Радугой срёте что ли? — она засмеялась и сделала затяжку.

Она безмолвно кричала от зависти и приправляла слова прямолинейностью. Это мне в ней и нравилось. Уверена, люди, как она, никогда не станут обливать грязью за спиной. Они скажут всё в лицо.

— Хорошо тебе, зануда. Не пойми что в твоей голове и загонов никаких. А мы тут сидим и... — она сделала долгую паузу, стряхнула пепел с сигареты и горько ухмыльнулась. — Не знаем, куда деть себя, чтобы хоть на сраную каплю себя изменить. Или вообще хоть что-то изменить…

— Например?

Она как-то оценивающе посмотрела на меня, как будто впервые за весь разговор задумалась о том, что стоит обсуждать, а что нет. Но ночь победила — Эл сдалась.

— Как тебе сказать... — загадочно начала она. — Директор и все его подручники пытаются создать чёртов коммунизм. Все получают по равным долям и «всё, что твоё, то моё», понимаешь? Разве это честно? А вдруг я раньше детей насиловала, а ты монашкой работала? И почему мы должны получать равные доли? Но при этом они поставили замки на дверях, мол, так вы сможете защитить своё имущество. Какое нахрен имущество, если у всех всё одинаковое? Поэтому иногда я взламываю замки на дверях в комнаты. Я ничего не ворую. Обычно… Просто хочу, чтобы этот жирный ублюдок увидел минусы своей «системы».

— Но ведь скоро введут баллы за учёбу. Тогда все смогут просить то, что хотят, и уже имущество будет разным.

Элисон долго молчала, а потом обернулась на меня и недовольно скорчила лицо.

— Ну вот, ты опять всё испортила. Я тут вообще-то умной пытаюсь казаться.

Я улыбнулась, и девушка засмеялась в ответ, снова обратив взгляд к концу света.

— Спи, зануда. Завтра тяжёлый день.

— Как и все?

Ложусь в кровать и, закутавшись в одеяло, смотрю на неё. А она снова долго молчит... Как же много у них с Джошем

общего.

— Как и все…

Небо 9. Тайн много не бывает

Под мерзкий вой сирены и суматоху коридоры перестали казаться дружелюбными и стали напоминать нескончаемые лабиринты.

Через свет, без проблем проходящий сквозь стекло, я ощущаю жару с улицы. Сегодня разбилась моя мечта попасть в G-27, но почему-то мне совсем не грустно. Если бы я верила в высшие силы, то сказала бы, что стала на верный путь, раз они меня ещё не ударили лицом в грязь. Я чувствую, словно я на своём месте. Именно там, где должна быть. Здесь Миранда, Джош, Элисон. Здесь много улыбчивых лиц, верующих в завтра.

— Что там случилось? Почему так шумно?

Сирена с каждой секундной будто выла всё громче. Я слышала громкие звуки чьих-то бегущих по коридору ног, встревоженные волоса

— Не бери в голову. Это для учителей. Решили устроить экстренное собрание из-за того,ч то случилось.

Я насторожилась, хотя Джош не выглядел взволнованным. Скорее задумчивым. А его хмурое выражение лица только больше разжигало во мне интерес.

— Ребята из G-27, — начал парень, и в моей голове тут же всплыло его имя… — Их аэромобиль разбился где-то час назад. Что-то произошло с двигателем.

И где-то глубоко в душе бабочки решили копать себе ямы и, укладываясь в могилы, создать кладбище из своих никчёмных, жалких телец. Второй раз узнать о ЕГО смерти было…

— Все выжили, — добавил Джош.

Стараясь удерживать на лице эмоцию безразличия, мысленно выдохнула. Ты живучий паразит, Энди. Пригодились всё-таки твои вечные игры в войнушки и шпионов.

— Но я не понимаю… Такого раньше никогда не было. Как тогда они добрались сюда с барахлящим движком?

Джош всё размышлял, рассуждал, прикидывал… Но мне стоило только вспомнить слова того зеваки-водилы, как в голове тут же выстроилась цепочка мыслей. И она мне совсем не нравилась. Сосед сказал, что на разбившейся махине не перевозили ничего ценного, а потому ни у кого из возможных предателей нет резона совершать подобное. Выходит, кому-то нужно было устранить не информацию, а человека. Выходит, главной целью был… Энди.

Осталось сложить два и два, Ниа. И ты прекрасно знаешь имя человека, который ненавидит твоего бывшего друга и отлично разбирается в технике.

Мерзкий. Подлый. Дикарь.

Настало утро нового дня, но мысли новее не стали ни разу. Переживания из-за Миранды, подозрения из-за Джоша, злость из-за Ада не давали покоя. Забавно, ведь каких-то недели две назад я даже не знала этих имён и не верила, что

где-то в мире остался кусочек настоящего общества.

Лесли рассказывала о том, как люди ждали выходных и радовались им, а теперь я и сама смогла ощутить это. Суббота. Как и всегда, проснувшись раньше всех, открыла окно и уже по привычке выкинула в мусорку бычки от трёх сигарет, оставленных Джошем на подоконнике.

Элисон, закутавшись в одеяло, тихо сопела в подушку, а парень, развалившись на всю кровать, как-то умудрялся с неё не падать. Пару дней назад я по секрету сказала Эл о том, что меня напрягает, когда Джош спит без футболки, а она махнула рукой и, конечно же, всё ему рассказала. С того дня сосед в футболках не спит. Вообще.

Зевая, иду в ванную в чужой пустой комнате, даже не заставленной мебелью, и мысленно молюсь о том, чтобы не встретить там внезапно появившихся хозяев, как в прошлый раз. Проходя мимо двери в комнату Ада, буравлю её взглядом.

Окон в коридоре нет, а лампы выключаются ранним утром, так что темнота, поглотившая стены, и духота заставляют ускориться. Возле некоторых комнат развешаны странные картины, будто нарисованные на скорую руку. А в некоторых пустых рамках иногда встречаются шуточные фразочки про хозяев комнаты или про директора.

В нашем коридоре большая часть комнат занята дикарями. В последнее время мне всё страннее их так называть, ведь все в этом колледже тоже своего рода дикари. Потерян-

ные, необразованные, мечтающие жить и дышать подростки.

Кладу руки на раковину и вспоминаю огромные железные тазики с водой, набранной под дождём. Так вот мы и мылись, используя один тазик по пять раз. Теперь, когда я каждый день прихожу умываться в такую роскошную ванную, как здесь, мне становится совестно. Трачу воду, пока где-то далеко, наверное, живёт какая-нибудь семья, которая пьёт дожди и моется в грязи.

Смотрю в зеркало. Тут же опускаю глаза. Не в воде дело, Ниа. И даже не в том, как часто ты ходишь в ванную. Твои линзы, может быть, и скрывают голубые глаза, но вот твою душу не скроют ни длинные волосы, ни новая чистая одежда, ни даже чёртова вода. Наверно, правы были дикари. Меньше народа — больше кислорода, поэтому остаться должны сильнейшие. А в чём твоя сила?

Приняв душ и кое-как смыв с себя грязь собственных мыслей, я покидаю чёртову ванную и снова оказываюсь в тёмном коридоре. Вздыхаю. Прищуриваюсь, когда замечаю недалеко от своей комнаты силуэт девушки. Она нервно переминается с ноги на ногу, оборачивается по сторонам и грызёт ногти, впившись взглядом в одну из дверей.

— Миранда! — громко зову её, и девушка оборачивается.

Её сложно узнать, когда её волосы заплетены в косу. Передние пряди, выпавшие из причёски, обрамляют её лицо и как будто делают её взрослее, серьёзнее. Зелёное платье в белый горошек, видно, очень ей нравится, раз она так часто

его надевает.

Девушка улыбается, ждёт, пока я подбегу к ней, и крепко обнимает меня, прижимая к своему худощавому бледному телу.

Она нервно поглядывает на дверь, возле которой мы стоим. Явно хочет поскорее закончить разговор. Я проследила за её взглядом и увидела номер комнаты. Двадцать первый.

— Боишься зайти? — указываю пальцем, а девушка молчит и смотрит на меня с каким-то странным выражением.

Не получив ответа, я неуверенно сжимаю губы и стучу в дверь.

— Нет его там, — резко говорит Миранда и отводит взгляд в сторону, теребя пальцами край своего платья.

— Зачем ты тогда тут стоишь?

— Тревожно мне, Ниа, — живо отвечает она и поднимает глаза на меня. Где-то я это уже слышала… — Странно он ведёт себя. Землёй клянусь — не вру, странно. Аль задумал чего… Аль предать нас всех решил. Да в жизни Ад не слушал никого, окромя своего отца, а тут… А тут принуждает нас самих подчиняться этим адми… Адо… Бусурманам этим, небо их дери.

— Администрации?

— Точно! — она начинает рыться в карманах своей вязаной кофты и достаёт связку из трёх ключей. Протягивает мне. — Надобно узнать. Подсоби.

Миранда умоляющим взглядом смотрит на меня, держа

ключи в обеих руках, словно подношение.

— Использовать краденый ключ, нарушить личное пространство Ада, забить на правила, порыться в чужих вещах, поискать доказательства и смыться с места преступления?

Девушка расстроенно и стыдливо опустила голову и собралась уходить, но потом вдруг сама взяла ключ поудобнее и открыла им дверь.

Я и сама была бы непрочь понять, что за тёмные мысли заставляют светлую голову так покорно следовать этому пути, но, как показывает опыт, лучше не давать Аду даже повод сомневаться в доверии к тебе. Как сказала рыжая юная преступница, хозяин комнаты вернётся не раньше полудня, а вот за его соседок она не ручается. То есть, в любой момент нас могут увидеть.

— Это плохая идея, Миранда, — в последний раз после долгих уговоров пытаюсь обратиться к её здравомыслию, но она игнорирует меня. Похоже, какие-то подозрения очень крепко засели в её голове.

Комната сильно отличалась от моей. Незаправленная двухъярусная кровать, стоящая в углу возле окна, завалена женскими вещами и, наверное, косметикой. Чуть дальше от кровати — письменный стол, но даже нет сомнений, кому из жителей комнаты он принадлежит. Но на нём нет ни чертежей, ни деталей. Оно и не странно — разве Ад станет оставлять свои вещи на виду у соседок? Вот поэтому на связке три ключа: один — от комнаты, второй и третий — от ящиков

в столе.

Миранда, отдав мне ключи, решила начать с ванной, а я пока захотела осмотреться. На стенах ни одной надписи или картины, в отличие от нашей комнаты. Элисон любит украшать обои какими-то вырезками из своих журналов, которых даже не читает, или картинками из библиотечных книг, которые тоже бессмысленно пыляться на нижней полке её тумбочки.

Если бы я не знала, что здесь живёт Айден, и не догадалась бы. Его вещи либо незаметны на фоне огромной кучи женского тряпья соседок, либо всё своё он хранит под замками в столе. Я тут же нахожу опровержение своим мыслям, когда открываю шкаф для одежды. Одна полка — его вещи, вторая — какие-то железяки и странные предметы из пластмассы и стекла, а остальные четыре полки — опять же, соседские шмотки.

Миранда выходит из ванной и неопределённо пожимает плечами — ничего не нашла. Я нерешительно сжимаю в руке ключ от стола, но всё-таки решаюсь и открываю сначала нижний большой ящик. Огромные стопки смятых бумаг и чертежей лежат в хаотичном порядке, отталкивая и привлекая одновременно. Сажусь на пол, а рядом со мной на корточки садится Миранда.

— Я ничего не понимаю, — говорит девушка, рассматривая чертёж за чертежом.

Я издаю смешок. Ещё бы, Миранда. Если бы ты что-то

понимала, колледж бы уже взорвался от такого большого количества гениев в одном месте.

Я закрываю нижний ящик на ключ и принимаюсь за верхний. Здесь всего два чертежа, сложенных в несколько раз, и много странных приборов, больше похожих на разобранные фонарики и железные пластины с проводами. Беру бумагу в руки, разворачиваю и буквально лишаюсь дара речи. Здесь всё гораздо понятнее, но оттого и страшно.

Это тоже чертёж, но лучше бы здесь была туча адских формул и записей. Я вижу здесь точную копию человеческого сердца, нарисованного чёрной ручкой. Оно словно скопировано с учебника по анатомии. Рядом с этим рисунком — ещё один, вот только он ставит меня в тупик. Здесь много зачёркнутых формул, выведенных безумно мелким почерком. Некоторые слова написаны словно в каких-то конвульсиях или изуродованы так из-за ужасной усталости. Второй рисунок тоже издалека напоминает сердце, но оно больше похоже на какое-то искусственное, поддельное и… Жуткое. Это протез? И для кого же он?

Мы с Мирандой переглянулись. Я — с ужасом в глазах, а она — со странным выражением лица, словно частично понимает, что происходит.

— Ты что-то знаешь об этом? — спрашиваю у девушки, не отрывая глаз от нарисованного сердца. Бумага дрожит из-за моих судорожно трясущихся рук, а дыхание сбивается.

Мира молчит… Она что-то знает.

Убираю чертежи на место и напоследок заглядываю в верхний ящик. Что-то белое привлекает меня тем, как глубоко оно запрятано. Тяну руку и беру загадочный предмет. Кажется, сегодня моё сердце остановится от новых открытий и протез понадобится именно мне. Дыхание замирает. Рука дрожит так сильно, что я боюсь выронить вещицу. Да и не просто вещицу… Это же чёртов ингалятор. Миранда была права. У парня намного больше секретов, чем казалось.

Айден болеет астмой? Нереально… Все астматики погибли в первые же годы после катастрофы, а до сегодняшнего дня дожили единицы. Только те, кто, видимо, имеет огромный запас подобных ингаляторов. Но где же их достать в такое время?

— Ты слышишь? — Миранда прерывает меня, и я прислушиваюсь.

Шаги в коридоре направляются в нашу сторону, заставляя сердце биться в судорожных конвульсиях. О да, я слышу, Миранда. Я слышу, как приближается наша смерть.

— Прячься! — громко шепчу ей и, вернув ингалятор на его законное место, бегу к шкафу.

Спасибо соседкам Ада за их любовь к одежде, ведь теперь здесь из-за неё настоящие джунгли.

— Сюда! — уже изнутри зову девушку, но она так сильно нервничает, что не может решиться, куда ей бежать и что делать. Оттого стоит на месте и зачем-то оборачивается по сторонам. — Миранда, иди…

Не успеваю договорить, как слышу шум в замочной скважине. Слишком поздно…

Кто-то по ту сторону двери пытается открыть замок, но не сразу понимает, что он и так открыт. Плотнее закрываю дверцу шкафа и мысленно надеюсь, что Миранде хватит времени и ума хотя бы спрятаться в ванной за шторкой. Но не слышу ни шагов, ни сбитого дыхания. Похоже, она до сих пор стоит на месте.

В комнату кто-то входит. Слышится напряжённая тишина, которая длится слишком долго. Похоже, вошедший человек ждёт объяснений или просто молча недоумевает.

— Я просто… — Миранда пытается подобрать слова. Я не вижу её, но точно уверена, что она снова смотрит в пол и нервно теребит платье. Ей никто не отвечает, и это пугает меня сильнее. — Я просто видела, как кто-то сюда ломился и решила, что…

— Кто?

Грубый мужской голос заставляет сердце пропустить удар. Я сжимаю губы и закрываю глаза, предвещая что-то недоброе. Что-то очень недоброе…

— Я н-не уверена, — отвечает она, а потом как-то нервно вдыхает воздух, как будто её чем-то напугали или что-то с ней сделали. — Ниа! — в испуге резко отвечает она. — Это была Ниа.

Жмурю глаза и больно прикусываю губу. Я не виню её, но как же в этот момент мне хочется разочарованно покачать

головой.

— Свободна, — тише и спокойнее говорит ей Ад, и в следующие же секунды слышится звук закрывающейся двери.

Нет, пожалуйста, не бросай меня с ним! Только не с ним…

Настаёт гробовая тишина. Я не слышу ни шагов, ни голосов, только своё дыхание и бешеное сердцебиение. Находясь с ним наедине в одной комнате, я вспоминаю, какая была тишина, когда в нашу первую встречу я оказалась с ним в клетке, окружённой дикарями. Весь в чёрном, в грязной повязке на лице и со смертоносным шокером в руках… Он был готов убить меня, но этого не позволяли их дикарские традиции. А теперь здесь ни свидетелей, ни охраны, ни дикарей.

Я слышу шаги, и мне кажется, что сейчас и у меня начнётся астма от волнения. Но парень подходит не к шкафу, а, наверное, к столу. И тут я вспоминаю, что забыла закрыть верхний ящик… Но не беда! Я слышу, как этот же ящик громко закрывается рукой его разозлённого хозяина. Минус одна проблема и плюс сто других.

Ад тяжело вздыхает, то ли от усталости, то ли от злости. Идёт куда-то в сторону ванной и, пробыв там чуть меньше десяти секунд, возвращается. Ну ты не переживай, Ниа. Посидим в шкафу, подождём, пока белобрысый монстр умрёт от старости и выйдем. Делов-то! А учитывая его нервозность и ингалятор в шкафчике, ему недолго осталось.

— Знаешь, а ведь я даже начал тебе верить, — громко говорит он, и все мои падают в пропасть. — Но ты всё-таки

оказалась лживой выскочкой.

Дверцы шкафа открываются, и я вываливаюсь из него вместе с кучей розового тряпья. Одежда ни капли не смягчает моего падения, так что я убеждаюсь в бессмысленности этих бесконечных блузочек и юбочек, напрасно занимающих полки. Оказавшись буквально у ног дикаря, я стараюсь моментально подняться с пола и попытаться сбежать, но… Чувствую ужасную боль в голове, когда он хватает меня за волосы и поднимает. Потом боль раздаётся по всему телу, когда парень прижимает меня животом ко второй части шкафа и его острым ручкам от выдвижных полочек. Одна впивается в живот, другая — в ноги, третья — в грудную клетку.

— Что ты взяла? — процеживает сквозь зубы, заломив руки мне за спину и больно сдавливая пальцами заднюю часть шеи.

— Да идите к чёрту! — говорю фразу, которой уже мало кто пользуется. Неба боятся больше, чем пристанища дьявола.

Ад немного ослабляет хватку и снова ударяет меня лицом о дверцу шкафа. Жжение в области щеки и виска почти незаметно на фоне пронзительной боли в затылке, задевшем ручку верхней полки.

— Ты не уйдёшь отсюда, пока не вернёшь это.

Энди тоже нельзя было бы вернуть, если бы он всё-таки разбился в этой чёртовой железной махине со сломанным движком! Молчу. Поразительно, как быстро он поверил Ми-

ранде, не задав ни единого вопроса. Чем эта девушка заслужила его доверие? Тем, что дикарка? Тем, что ненавидит его так же, как и многие его подчинённые?

Ад понял, что от меня не добиться никаких слов и резко отпустил, отступив на два шага назад.

— Выворачивай карманы, — приказал он и закрыл входную дверь на ключ, чтобы никто не смог войти. Это испугало меня ещё сильнее.

От злости шумно вдыхаю воздух сквозь зубы и закатываю глаза. Нервно выворачиваю задние карманы свободных джинсов. Его изучающий взгляд бесит меня ещё больше. Он смотрит так, будто я тут перед ним сейчас раздеваться начну. Мерзкий параноик.

— Вопросов нет? — сдерживаю в себе желание театрально поклониться в стиле Джоша.

Дикарь молча указывает рукой на тот единственный карман, который я не вывернула. И на то была своя причина. Я решила везде носить с собой записку, которую Энди оставил мне за день до отъезда, потому что Элисон — любитель искать свои пропавшие куда-то лифчики по всей комнате, перерывать всё подчистую.

Скрепя сердце, выворачиваю карман и незаметно вытаскиваю клочок бумаги, сжав его в кулаке.

— Что у тебя там? — взглядом указывает на мою руку. Да чтоб тебя…

— Это личное.

— Это тоже было личное! — от злости повышает голос, махнув рукой в сторону ящиков стола.

Ненавижу, когда на меня кричат… Но с одной стороны он прав. А с другой — уже слишком поздно оправдываться.

Айден редко повышал голос. Да и вообще не был любителем выражать какие-либо эмоции, поэтому сейчас меня сильно напрягал его тон. Больно берёт меня за запястье и до хруста костей и моего крика выворачивает руку, заставляя раскрыть кулак. Забирает записку. Разворачивает ее.

— Хватит! Это уже слишком!

Растрёпанные волосы лезут в глаза, а одежда с вывернутыми карманами словно стесняет мои движения. Я пытаюсь забрать свою записку, но парень вытягивает руку вверх, а второй всё так же больно сжимает мою. Не могу дотянуться. Не могу даже ударить его.

— Пожалуйста… — тихо говорю чуть ли не себе под нос.

И только это заставляет его сжалиться. Он смотрит на меня, в его глазах отчётливо видно сомнения. Он не верит мне. Снова нет. Но обречённо вздыхает, отпустив мою руку.

— Ты ведь и сама не знаешь, что там, да? — догадался он и перевёл взгляд на злосчастный листок бумаги.

За окном уже светлело. Наверное, Джош с Элисон уже проснулись и готовы задавать мне вопросы. «А где ты была?» «Почему так долго?» «Почему так рано проснулась?»

Подумав об этом, я вспомнила Миранду, которая сказала, что главаря дикарей не будет до обеда. До обеда, значит?..

Отрицательно качаю головой и сжимаю кулаки. В этой записке может быть всё, что угодно, и я не хочу, чтобы это «всё» было прочтено Адом. А вдруг там что-то личное, интимное? Вдруг всё это было подстроено Энди и поэтому он оставил мне записку, где рассказал о своих чувствах или…

— «Если ты смогла прочитать это, значит, мне пришлось уйти в G-27 без тебя. Мне жаль…» — Ад начал читать вслух, иногда замедляясь, чтобы разобрать почерк, но потом умолк и продолжил уже молча. А мне осталось лишь наблюдать за его эмоциями на лице, которые менялись с каждым новым словом. Чем дольше он читал, тем сильнее хмурил брови и тем быстрее бегал глазами по строчкам.

— Ну? — взволнованно и тихо. Даже я удивилась своему голосу, но парень не обратил на меня внимания. Видимо, в этом письме далеко не признания и не дружеский рассказ. Там что-то, чего нельзя было сказать вслух. Что-то, что обычно прячут на тысячи замков от боязни быть услышанным и понятым.

— А твой Энди не такой уж мудак… — подытожил он, не отрываясь от записки, словно пытаясь найти что-то между строк или между словом и запятой.

— Был, — соврала я. Кое-что все ещё терзало память. — Он с коллегой разбился вчера, не долетев до G-27.

Он вдруг немного нахмурился, выдержал долгую паузу. Возможно, так он пытался сдержать ликование от своего хорошо сработанного плана.

— Соболезную, — безразлично бросил он. И кто же из нас лжец?

— То есть, разбился бы. Если бы Вы испортили не только двигатель.

Мороз прошёлся по коже, и я поёжилась от своих же слов. Слава земле, Ад был слишком уверен в своём успехе, а потому, наверное, не стал сильно заморачиваться с той летающей кастрюлей.

В комнате настала гробовая тишина, прерываемая лишь шумом шторки, колыхающейся из-за приоткрытого окна. В этой комнате жутко неуютно. Запах железа перемещался с резким запахом женских духов. В этой картине, нарисованной исключительно розовыми и белыми цветами, Айден в своих чёрных брюках и кофте цвета мокрого асфальта, рукава которой наполовину закрывали его кисти, смотрелся неуместно. Не разбрасывая свои вещи по комнате и не оставляя их на столе, он словно показывал, что надолго здесь оставаться не намерен. Помнится, первые несколько дней он носил исключительно свою одежду, в которой прибыл из лагеря дикарей. Не доверял местным нарядам. А теперь… Как же быстро он всё-таки сменил своё мнение. Но почему?

— Не понимаю, о чём ты, — на выдохе произнёс он и спрятал записку себе в карман. Подлец…

— Это была месть? Личная цель? Неужели так бы Вам стало легче?

— Скажи это моим ребятам, — он не стал оправдываться,

— которые лично видели смерть своих родителей. Спроси у них, каково видеть человека, который отнял у них всё, — парень эмоционально показывал руками то на дверь, то стену, через которую находилась комната кого-то из дикарей. — Твой дружок забрал у нас всё, что нам было дорого. Всё, что МНЕ было дорого, — он постучал кулаком по груди и сделал нервный шаг в мою сторону. — А ведь мы даже домой вернуться не можем. Потому что его больше нет, — Ад с насмешкой в голосе развёл руки в стороны и чуть повысил тон. Это в нём копилось долго… — Ты бы потеряла друга, а мы потеряли всё. И почему я должен быть с ним любезен? Нам просто некуда идти, разве что…

— G-27?

Парень умолк. Он задумчиво нахмурился и сжал губы, сомневаясь в своём ответе. Может быть, он просто не доверял мне свое сокровенное «да», а может, и сам не знал, куда им теперь нужно податься. Но я ни за что не поверю, что дикари решили подчиняться местным законам из-за желания здесь жить.

Громкий стук в дверь раздался внезапно. Настойчиво и нетерпеливо кто-то рвался попасть в комнату или поскорее вытащить из неё хозяина. Тишина сменилась нестерпимым ощущением какой-то незаконченности. А ведь был такой прекрасный шанс узнать чуть больше тайн. Ингалятор на верхнем выдвижном ящике стола, жуткий рисунок протеза сердца. Разве на сегодня вопросов недостаточно?

— Как же он меня достал… — слышу женский голос за дверью, прерываемый ещё более громким стуком.

Ад закатывает глаза, неохотно идёт к выходу и ключом открывает дверь двум девушкам со сморщенными от злости лицами и взъерошенными волосами. При виде них Ад крепче сжимает дверную ручку с и без того облупленной белой краской.

Одна из девушек, смуглолицая брюнетка с узковатым вырезом глаз, расправила плечи и важно выгнула густые брови, придающие её карим глазам нотку строгости и опасности. Она была красива. Высокая, статная, в меру худая, пышногрудая. Внешне она напоминала мне Элисон, пока не заговорила.

— Тебе напомнить, что ты здесь не один живёшь? — голос высокий, женственный. — Или в голове уже ничего, кроме формул не осталось? — она улыбнулась своей шутке и посмотрела на девушку, стоящую рядом с ней.

Та была полной её противоположностью. Низкая, сгорбленная, одетая во что-то неприглядное, а блондинистые волосы заплетены в неопрятную косу. Девушка жутко напоминала Миранду. Она посмотрела на брюнетку и улыбнулась ей в знак поддержки, правда не очень искренно.

— Хочешь загадку, сладкий? — грудастая вновь обратилась к Аду, поставив руки по бокам, и надула губы, думая, что так выглядит сексуальнее. Хотя… Так она и выглядела. — Тугодум, редкостная зануда. Издалека напоминает чело-

века и сейчас находится в комнате. Кто же это?

Айден громко захлопывает дверь перед лицами девушек и оборачивается в мою сторону.

— Кажется, это к тебе пришли.

Нервно сжимаю губы и собираюсь уйти, но блондин останавливает меня жестом руки и начинает что-то искать в маленькой деревянной тумбочке у двери, заваленной всяким женским хламом.

— Ты что-то брала из их вещей? — спрашивает у меня и кивает головой в сторону своих соседок, так и стоящих в коридоре.

— Я же только что показала карманы.

Перед тем, как дикарь подошёл ко мне, я заметила в его руках тучу маленьких баночек с разноцветными жидкостями и блёстками. Он с невероятным облегчением отдал их всех мне, так и говоря: «Прошу, забери это». У Элисон тоже было много таких. Лаки, духи, косметика… Оно и не странно, что Ад хочет от всего этого избавиться. Как только я вошла в комнату, почувствовала приторно-мерзкий запах женских духов. Да такой сильный, что даже слезились глаза. Представляю, каково парню жить с двумя девушками, так яростно брызгающими на себя эту вонючую гадость.

— Забери. Выкинь куда-нибудь. Или подари Джошу — он, вроде, из этих.

Я даже не стала отпираться и попрятала всё по карманам. Джошу, может, и не пригодится, а вот Элисон мне «за такие

подгоны уважуху кинет», как сказала бы она.

Наконец опомнившись, соседки дикаря ворвались в комнату. Точнее, ворвалась брюнетка, а её маленький помощник с золотистой косой, сгорбив полукруглую спину, тихонько вошёл следом.

— Та-а-ак, — протянула грудастая. — Кошка за порог — мышки в пляс? Мы и тебя тут еле терпим, а ты ещё и размножаться начнёшь? Шлюх нам тут ещё твоих не хватало, — девушка оценивающе посмотрела на меня и ухмыльнулась то ли моему виду, то ли собственным словам.

Хотелось что-то ей ответить, но её хищный взгляд пугал меня даже больше, чем Джош, наблюдающий за мной по ночам. Впрочем, Ад сделал это за меня.

— Ей до шлюхи так же далеко, как тебе до девственницы. Грубо.

— О как, — наконец девушка потеряла во мне интерес, и мне попалась возможность незаметно улизнуть отсюда.

Участвовать в их разборках хотелось меньше всего, а если я останусь здесь ещё хоть на минуту, обе стороны конфликта с меня по десять шкур спустят. Это я поняла, когда Ад взглядом провожал меня до двери. По его выражению лица было ясно, что со мной он ещё не закончил, но и останавливать меня он не стал.

В коридоре всё так же темно, но эта темнота не мешает мне увидеть Миранду, нервно ходящую по кругу возле двери в мою комнату. Увидев меня, она встрепенулась и дожда-

лась, пока я к ней подойду. Настроение говорить с ней пропало так же быстро, как и желание возвращаться к Элисон и Джошу. Хотелось в одиночестве обдумать всё, что я только что увидела в шкафчиках стола дикаря.

— Ниа, извини меня, прошу… Я так испугалась, — начала тараторить она. — Он бы не простил. Я тебя подставила, я так виновата… Мне так жаль.

Кладу руку на её плечо, лишь бы она замолчала. Не нужны мне её унижения.

Небо 10. В клетке с дикарём

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой.

© Иоганн Вольфганг фон Гёте

Когда я была маленькая, всё было другим. В детстве, когда, смеясь, бежишь босиком по скрипучим половицам, стоит только выйти на порог, и увидишь огромный мир, принадлежащий только тебе и твоим босым ногам. Не нужно бороться ни за воздух, ни за себя.

Годы идут, и мир словно становится меньше. Сначала он сужается до размера твоего дома, потом комнаты, а потом ты не чувствуешь уюта даже в собственном теле.

За окном всё то же раннее утро, всё тот же задушенный солнцем мир. Смотрю вдаль на розовое небо и огненный шар, наполовину поднявшийся над горизонтом. Красивые здесь рассветы — не то, что у нас… с Энди…

Нам было чуть больше шести лет. Наивные дети, прячущие под подушками палки, чтобы по ночам ими бить монстров под кроватью. Энди спёр где-то нож, и мы стали потрошить все ковры в доме, рассыпать куски по полу и представлять, что это трава. Улыбаюсь. В тот день даже шкаф не смог спасти нас от разъярённой тётушки Лесли и её старого-доброго веника из тонких веток.

Я открываю глаза и смотрю на высокое лиственное дерево,

на широких ветках которого мы с Джошем как-то сидели. Вновь улыбаюсь…

Недалеко от себя слышу шум открывающегося окна. Это точно наше — ни с чем не спутаю его заедающую ручку и мерзкий скрежет. За звуком следует движение. Замечаю чёрные волосы и лицо Джоша, садящегося на подоконник лицом к пейзажам. А он, как всегда, не изменяет своим традициям. По утрам он выкуривает четыре сигареты, долго смотрит на горизонт и на скорую руку рисует что-то в блокноте, насвистывая одну и ту же мелодию. Он как будто каждый день рисует мир и сравнивает со вчерашним рисунком.

Парень так старательно работал над рисунком, что я невольно засмотрелась на него. Весь такой сосредоточенный, серьёзный. Этому миру нужен новый герой. Именно такой, как ты, Джош: яркий жизнерадостный парень с грустными глазами, прокладывающими путь к самому космосу. О чём ты думаешь, когда, увлекаясь рисунком, выкуриваешь пятую сигарету? О чём мечтаешь, улыбаясь своим мыслям, так и не произнесённым вслух?

Джош вдруг повернулся в мою сторону. На пару секунд он замер, но потом его лицо вернуло привычное для него выражение. Парень улыбнулся и подмигнул мне. Я улыбнулась в ответ. Думала, что на этом и закончится наша немая беседа, но сосед не отвёл взгляд. Улыбка так долго украшала его лицо, что со временем перестала быть искренней. Но он всё смотрел и смотрел… Вот таким вот и был этот Джош. Маль-

чик, влюблённый в сигареты и пыльные подоконники.

Мы смотрели друг другу в глаза, пока кто-то не дал Джошу смачный подзатыльник. Следом послышался недовольный вопль Элисон о том, что парень слишком долго держит окно открытым. «Я тут тебе место грею, а ты ещё возмущаешься,» — ответил он ей и всё-таки вернулся в комнату.

Я сидела на траве больше часа, пока не взошло солнце и не прозвенел звонок на пару.

— Первые парты — ваши, — сказала нам с Мирандой незнакомая мне женщина довольно пышных форм. Надев рубашку в вертикальную полоску, она, наверное, хотела, чтобы та её стройнила, но низкий рост перекрывал все плюсы её одежды. Женщина напоминала маленький круглый пирожок, и никакая обтягивающая одежда не сможет сделать из неё конфетку.

Миранда с нескрываемой радостью села рядом со своим главарём, расположившимся именно там, куда указала учитель. Аду пришлось убрать со скамьи рюкзак и подвинуться, уступив девушке место.

Молчание убивало. По сути, мы сейчас сидели с человеком, к которому пару часов назад вломились в комнату без спроса и перекопали его вещи. Миранду, похоже, это не сильно смущало. Она с каким-то вдохновением смотрела то на учителя, то на записи Ада. Вдруг я вспомнила, как парень пытался изучить траву. Наверное, он до сих пор делает это, раз записывает чуть ли не каждое слово пирожка.

— На парте перед вами лежат иллюстрации. Можете посмотреть схемы и определить начальный и конечный этап фотосинтеза.

Я почувствовала, как меня пихнули в бок. Миранда с искренним ужасом в глазах смотрела на меня, а потом взглядом указала куда-то на мою руку. Не сказать, что я сильно удивилась, но чёткие синие следы от чужих пальцев на моём запястье меня немного напугали. Рука всё ещё болела, напоминая о том, что я не смогла защитить от белобрысого чудовища записку Энди. Девушка с волнением бегала глазами по моему лицу и шее. Видимо, там тоже остался след от ручки шкафа. А потом взглядом указала на Ада. Тяжело вздыхаю. А ведь я предупреждала, что это было плохой идеей. Однако, наше преступление не было бессмысленным. Теперь я знаю, что в его шкафчике есть ингалятор и чертёж протеза.

Парень, кажется, заметил наш немой диалог. Он проследил за взглядом Миранды и увидел мои синяки на руках. Потом с полным безразличием в глазах посмотрел на меня, так и говоря: «Заслужила. В следующий раз так просто не отделаешься».

«В следующий раз я не спалюсь,» — мысленно ответила ему я, даже не думая прерывать зрительный контакт.

— На всех схем не хватило, так что… — пирожок быстро заглянула в лица чуть ли не каждого ученика и остановилась на Миранде. — Нарисуй её на доске, — улыбчиво сказала она рыжеволосой и протянула мел.

Абсолютно любая мелочь может заставить Миранду волноваться. Она стала торопливо вылезать из-за парты. По пути от неуклюжести чуть ли не уселась на колени дикарю, который даже не успел среагировать.

— Ну, а я пока вам кое-что раздам и расскажу, — пирожок держала в руках картонную коробку с надписью «G-27 \ 152-7id4-56». — Может быть, кто-то из вас знает: до Нового времени люди пользовались такими устройствами, как телефоны. Приборы, позволяющие разговаривать с собеседником на расстоянии. Позво́нишь с одного края Земли — ответят на другом.

— Позвони́шь, — почти безразлично поправил её Ад, и учительница смерила его строгим взглядом.

— Спасибо, — процедила она сквозь зубы и продолжила рассказ. — Колледж позаботился о том, чтобы у каждого из вас были такие же. Усовершенствованные. В контактах уже забиты номера всех ваших однокурсников.

Это был сверхтонкий прозрачный прямоугольник с кнопкой внизу. Сначала я подумала, что это шутка. Нам как будто раздали обычные стёкла, но потом я заметила, как ученики стали что-то с ними делать, от чего прозрачные штуковины приобретали зелёные оттенки. Ад до последнего не брал прибор в руки. Он дождался, когда я возьму свой, чтобы убедиться, что со мной ничего не произойдёт. Чёртов параноик.

Парень несколько раз обернулся, посмотрел, как другие используют их новые гаджеты и только потом взял в руки

свой. Естественно, первое, что он сделал — начал искать способ его разобрать.

— Специально для Вас, молодой человек, — обратилась к нему учительница, — У меня есть просьба лично от директора. Не. Разбирать. Устройство.

Не отрывая от женщины глаз, он наощупь продолжил изучать предмет. Так же наощупь он каким-то образом нашёл крышку и открыл её. А женщине осталось только обречённо вздохнуть и дальше пойти по рядам.

Приятная гладкая поверхность засветилась, как только я коснулась белой кнопки. Экран был жутко ярким, но как только я об этом подумала, он немного побледнел. Это уже заставило задуматься. Гаджет подстроился под меня, словно как-то был связан с моим организмом. Пару раз тыкнув пальцем по экрану, я вышла на огромный список из имён и аватарок. Пролистав кучу незнакомцев, я наткнулась на Миранду. Её фотография вышла милой, но и немного жуткой. Помню, только вчера нас с Джошем и Эл водили на какую-то фотосессию. Так вот зачем нужны были те фото…

Миранда смотрела в объектив напуганными глазами. Впрочем, как и всегда. Невинная и трусливая. Дальше я нашла Элисон с её высокомерным взглядом и глазами, сильно выделенными косметикой: тушь, карандаш, тени. Как и всегда, она была неотразима, в своём репертуаре. Чуть закусив нижнюю губу, она смотрела величественно и дерзко. Найти Джоша было проще всего. Оттянув футболку возле

горла, парень сильно оголил ключицу. Он широко улыбался, чуть морщил нос. Растрёпанные волосы, растянутая футболка, ярко выраженные скулы… Джош такой Джош.

Пролистав список выше, заметила соседок Айдена. Брюнетка смотрела косо и специально дула губы, а вторая девушка вовсе не выражала эмоций на лице. Такая же серая, как и в реальности. Сам же Ад, естественно, был в начале списка. По алфавиту. И только он скрыл своё лицо от камеры. Став в профиль, он вытянул руку к камере, закрыв половину изображения своей ладонью. Было видно только светлые волосы и его красную толстовку.

Моё фото понравилось бы Джошу. Он бы сказал, что я выгляжу эстетично и, наверное, срисовал бы меня. Я не заметила, что съёмка уже началась, а потому не успела поднять взгляд. Так меня и запечатлели: глядящую в пол, девушку-загадку.

До конца лекции оставалось недолго. Миранда с горем пополам дорисовала схему и вернулась на место, но села она на краю скамьи возле Ада.

Учительница что-то объясняла кому-то из учеников, а тем временем дверь в аудиторию открылась. Почти тихо и бесшумно Джош с Элисон прокрались к нашей парте с широкими улыбками. Брюнет залез через спинку и завалился возле меня. Видимо, ему было очень важно сесть именно между мной и Адом. А Элисон сдвинула всех нас, чтобы освободить себе место, так что Миранда оказалась на самом краю

скамьи.

Сильный запах сигарет ударил в нос с обеих сторон. Я моментально закрыла шею с синяком на левой стороне волосами и убрала руки под стол.

— Уже видела, да? — Джош взял мой телефон, зашёл в список контактов и пролистал до своего имени. Собой он явно любовался.

— Вы только посмотрите, какой красавчик, — он показал фото нам с Элисон.

— Да, фотограф и правда красавчик, раз смог сделать такое крутое фото с твоим тупым лицом, — ухмыльнулась девушка, а Миранда хихикнула в кулак

— Да ты на себя смотрела? — с какой-то натянутой улыбкой возразил Джош и быстро нашёл в списке её имя. — Твои сиськи видели так много человек, что красоваться ими уже не актуально.

Лицо Элисон сильно изменилось. Помрачнело и приобрело бледноватый оттенок. Почему-то подобные оскорбления от Джоша она воспринимала намного острее, чем от других ребят, вечно плетущих сети из сплетен за её спиной.

— Ну ты и козёл, — послышался мужской голос где-то со второй парты за нами.

— Ревнует, — подытожил Ад, чем привлёк внимание Джоша. — Или завидует, — он издевательски изогнул брови, от чего брюнет в злости напряг челюсть.

— Завидую я только твоему умению быть шилом в зад-

нице!

— Так, стоп! — Элисон повысила голос, но потом выдохнула и улыбнулась. — Слишком много тёрок из-за моих сисек.

Как бы она ни старалась разрядить обстановку, напряжение между парнями не спадало.

— Ладно, прости, Эл, — выдохнул Джош и неловко запустил руку в волосы, а девушка махнула рукой. — Кстати. Мне тут птичка нашептала, что через эти штуки можно следить за здоровьем.

Парень очень быстро набирал что-то на экране, так что я еле успевала уловить его ход действий. В итоге на экране оказался силуэт человека в полный рост. Строение организма. Практически весь он был изображён зелёным цветом, и только лёгкие и ещё пара органов были слегка красноватого оттенка.

— Вот блин, мне пора бросать курить, — ухмыльнулся парень.

— Но ведь это мой телефон. Почему здесь ты? — удивилась я.

— У кого он в руках, тому и принадлежит. Так что не переживай, что потеряешь его. Их на заводах штампуют как туалетную бумагу.

Как только Джош рассказал про это, Миранда с Айденом как-то странно переглянулись.

— Ему нужен контакт с кожей? — спросил Ад, но вряд ли

ждал ответа. Даже если Джош ему ответит, дикарь хорошо подумает перед тем, как поверить.

— Хорошо, что не с мозгами, да? — съязвил мой сосед. — Тогда бы у твоих ребят вообще шансов не было. Тяжело контактировать с тем, чего нет.

— Да чё ты прикопался к нему? Остынь, — вмешалась Элисон.

— Прикопался? Ты видела, что эти дикари делали сегодня утром? — следующие слова он снова говорил Аду. — Чем вам помешал тот парень, а? Шуткой про отшельников? За что вы его избили? — эмоции на его лице менялись как карты в колоде. Злость кипела в нём под высоким градусом. — Знаешь, я бы пошутил про то, что ты белоручка, раз у тебя даже кулаки не разбиты после потасовки. Но это нихрена не смешно. Потому что ты был не с пустыми руками. И что это была за штуковина? Из-за чего парнишка бился в конвульсиях, пока вы, пятеро уродов, стояли возле него как грёбаные коршуны?

— Я бы с удовольствием показал, если бы ты был смелым не только на словах, — сквозь зубы ответил ему блондин. — Впечатляешь своих подружек? — он кивнул в сторону нас с Элисон.

Я слушала с округлёнными от удивления глазами. Так вот куда Ад уходил утром. Вот почему Джош опоздал на лекцию. Жестокость дикарей должна была быть для меня чем-то обыденным, но почему-то спокойно слушать о чужих бо-

лезненных конвульсиях было так же больно, как смотреть на горящие трупы в лагерном костре.

— Да пошёл ты.

— Джош, — я с просьбой в глазах отрицательно покачала головой.

Нужно его успокоить, чтобы на месте пострадавшего парня не оказался он. К сожалению, я представляю, какие вещи может создать Айден и с каким желанием он может их на ком-то использовать.

Парень выдохнул. Хоть вопрос был исчерпан, по взгляду соседа мне было ясно, что просто так ему это оставлять не хочется. Но с другой стороны… Я не уверена, что главарь дикарей стал бы так мелочиться и использовать свои чудо-гаджеты на тех, кто просто пошутил про дикарей. Если этот инцидент был, то не без причины.

Через минут пятнадцать, освободив учеников от нудной болтовни, учительница объявила об окончании лекции. Как только прозвенел звонок, Джош подорвался с места и направился к большой компании парней, сидящих на задних рядах.

— Как там Ноэль?

— Не знаем. Он ещё не пришёл в себя. Врачиха сказала, перед тем, как отключиться, он кровью блевал.

— Сраные ублюдки, — прорычал парень из их компании и покосил взгляд в сторону дикарей. — Мы собираемся порешать их. Ты с нами?

Мой сосед молчал какое-то время. Он перевёл взгляд на Айдена, выходящего из аудитории. Тот как-то грубо держал Миранду под локоть и выходил быстрым шагом, словно торопился. Джош от злости закусил губу, ответил «да» холодным безжизненным голосом, а потом словил мой взгляд. Столько злости и решительности в его глазах… Этот парень не любил планировать свои действия — поступал так, как взбредёт в голову. Спонтанно. Необдуманно. В этом и была его фишка.

— Может, сказать Аду? — услышала я разговор дикарей, проходящих мимо моей парты к выходу.

— Нет. Сами справимся. Это ведь не лагерь, здесь нет суда и казни.

Похоже, они всё-таки всё слышали. Но как же они заблуждаются… У Джоша и его компании намного больше связей. В колледж прибыло около пятнадцати дикарей, из них — человек шесть — девушки. И как они собираются «сами справляться» с толпой хулиганов, живущих здесь уже несколько лет?

Я шустро выскальзываю из аудитории. Ученики как морская волна затапливают собой весь коридор и шумным потоком направляются в сторону лестницы. Конец второй пары. Самое время идти в столовую. Но мне кусок в горло не полезет, пока я не смогу убедиться в том, что с Мирандой всё нормально.

Сердце как будто совсем не стучит, но где-то из глубины

себя самой я слышу его тихий вопль: «Быстрее, поторопись». Я замечаю их в конце коридора. Там полная пустота: среди десятка дверей видно лишь их силуэты, словно все резко потеряли интерес к той части колледжа.

Ад отпускает её, запускает руки в карманы чёрных брюк и в упор смотрит на девушку. Она, не зная, куда себя деть, смотрит в пол, трясущимися руками царапает собственные пальцы и вздрагивает каждый раз, когда парень даже случайно немного повышает голос.

В конце концов Аду надоедает смотреть на её опущенную голову. Он чуть наклоняется к её лицу, чем пугает её ещё сильнее. Моё сердце сжимается. Хочется сорваться с места и оттолкнуть его от неё, взять её за руку, потянуть на улицу и кинуть на траву, чтобы она увидела, ради чего ей стоит бороться. Мне постоянно казалось, что на планете практически нет растений. Оказалось, что людей здесь ещё меньше.

— Что вы искали? — услышала я голос Ада.

Она лепетала что-то сквозь слёзы. Словно в припадке, жестикулировала дрожащими руками и пыталась что-то ему объяснить. Он так спокойно смотрел на неё, словно её слёзы уже давно перестали иметь значение.

— Я задал вопрос, — прервал он её, но даже после этого девушка не перестала нервно тараторить. Это вывело его из себя. Блондин психанул, схватил её за запястье и хорошенько тряхнул. — Что вы искали? — он значительно повысил тон.

Миранда вскрикнула и, вцепившись в свои волосы окоченевшими от страха пальцами, по сто раз говорила одно и то же: «Ничего, ничего, ничего, ничего…»

Теперь уже не выдержала я. Быстрым шагом направилась к ним, а потом перешла на бег, когда поняла, что дикарь от неё отставать не собирается. Взяла её за руку, оттянула в сторону и, спрятав её за спиной, встала перед дикарём. Слишком дерзко. Не в моём стиле.

— Да что же Вы творите? — мой взгляд бегает по его лицу. Я не знаю, где искать ответ на свой вопрос.

Дикарь шумно вдыхает воздух, чтобы успокоиться, закатывает глаза и отходит на пару шагов в сторону.

— Она же сказала, что в комнату прокралась только я. На мне и срывайтесь.

— Рыжие волосы на расчёске в ванной тоже ты оставила?

Я слышу всхлип за своей спиной и обнимаю бедную девушку.

— Хватит быть такой слабохарактерной, Твистер. Твоя чрезмерная наивность и доброта ни к чему не приведут.

— А Ваша грубость и паранойя, я смотрю, только к хорошим исходам ведёт, — киваю на плачущую Миранду.

—Ты с каких пор смелая такая, а? С Джоша пример берёшь?

Чувствую, как руки Миранды крепче сжимают мою одежду. Она как бы в знак благодарности прижимается ко мне. Ад замечает это. Молчит.

— Наконец-то! — кричит кто-то со стороны аудитории. К нам, хромая на обе ноги, ковыляет Элисон. Закатывает глаза и с облегчением опирается одной рукой о стену возле нас.

— Сраные месячные. По-моему, мною уже можно пожары тушить, — она шумно выдыхает, как будто пробежала несколько миль. — Все копыта в мозолях. В жизни больше не обую эти долбаные валенки, — с наигранной злостью Элисон снимает с ног и пинает в сторону высокие каблуки на шпильках. — О, привет, зануда номер два, — сказала она Айдену, как будто только что его заметила. — Вы тут снюхались что ли? Даже не думайте. Я Нию только с Джошем шипперю.

На Миранду она совсем не смотрела. Спасибо, Элисон… Твои короткие зелёные волосы, твои ярко накрашенные карие глаза, твоя откровенная одежда, твои громко звенящие аксессуары на шее и ушах, твоя речь и хитрый дерзкий взгляд… Да никто в жизни не подумал бы о том, какая ты на самом деле. Такая же одинокая и потерянная девочка, как Миранда. Как я. Ты ненавидишь своё тело. Ты куришь сигареты по пачке в день и не веришь в высшие силы. Ты любишь подкалывать, хоть иногда твои шутки колят в самое сердце. Даже сейчас ты всё та же Элисон, всё в том же образе самовлюбленной стервы. Но ты настоящая.

— Слушай, ты всё равно тут типа лишний. Я собираюсь с девками о прокладках потрещать. Выбирай, ты либо с нами, либо по-братски отнесёшь это дерьмо мне в комнату, — она

указала на каблуки и с улыбкой поморщила нос.

Дикарь несколько секунд молча смотрел на неё, а потом как-то злобно перевёл на меня взгляд. От стали и холода в его глазах у меня по телу мурашки прошлись. Я сдержанно сглотнула ком в горле и крепче прижала к себе почти успокоившуюся Миранду. Уже который раз я срываю его планы. Рано или поздно мне это аукнется.

Парень ничего не ответил и просто ушёл, оставив нас, одних.

— Спасибо за помощь. Ты просто чудо, — с сарказмом крикнула она ему в след, а после тихо добавила. — Чудо-козёл.

Эл снова обула каблуки — никаких мозолей на ногах у неё не было. Улыбка с её лица спала, как только ушёл дикарь. Девушка даже как-то обеспокоенно положила руку на плечо Миранде и освободила рыжую от моих объятий.

— Ну чего ты, мандарина? — улыбнулась та.

— Я Миранда.

Эл только хмыкнула и потягала её за щёку, до сих пор влажную от горьких слёз.

— Давай-ка мы пойдём пожуем чего-нибудь? Мы с Джошем уже получили эти чудо-кредитки. Туда будут баллы за хорошую учёбу давать. Придётся зубрить. Ну, а пока у меня есть нужное количество для дополнительной порции какао. О-о-о, вы знаете, какое тут какао?

Она закинула руку на плечи Миранде и пошла с ней в сто-

рону лестницы.

Какофония звуков в столовке расслабляла и даже отчасти помогала забыть события этого утра. Услышав прелестный запах говяжьих котлет, Элисон потеряла голову и кинулась к повару, растолкав очередь. Сегодня на улице было как-то пасмурно, так что в помещении, казалось, стало намного темнее. Запах горячей еды смешался со свежестью от немного моросящего дождя.

Мы с Мирандой сели за столик. Мне пришлось долго просить её перестать оглядываться по сторонам. Несложно угадать, кого она искала в толпе.

— Не бойся. Если что, Элисон в обиду не даст, — успокаивала я её, пока моя соседка набирала нам полный поднос разных вкусностей.

— Да… Но не вечно ж она рядом будет.

— Чего он хотел от тебя?

Миранда неопределённо пожала плечами и снова посмотрела на мои синяки на руке.

— Коли желал чего-то, значит, есть, что прятать.

— И ты знаешь, что?

Она отрицательно покачала головой. Она знает. Она точно что-то знает.

— Налетай, бабоньки! — восторженно завопила Элисон, приземлившись на место возле меня.

Миранда долго не решалась, но потом схватила в руки бутерброд с говяжьим паштетом, а потом — булочку, а потом

— ещё... С нами она чувствовала себя свободнее.

Я улыбнулась. Прямо сейчас я смотрю на людей, которых свободно могу назвать подругами и наконец вижу разницу между друзьями и вторыми половинками, чего не могла понять с Энди. С друзьями ты чувствуешь себя свободной. Странной, неуклюжей, грубой… А вот перед второй половинкой постоянно боишься сказать лишнего, чтобы не произвести плохое впечатление. Может быть, мне посчастливится встретить человека, которому я легко смогу сказать «люблю», но и с которым смогу быть собой.

Вдруг чья-то холодная рука опустилась мне на плечо. Я вздрогнула, обернулась и первое, что увидела — ухмылка Джоша. Он смотрел на Миранду с недоверием. Девушка, которая вечно таскается за человеком, которого ненавидишь, не может вызывать доверия. Но парень промолчал и сел рядом с ней напротив меня и Элисон.

Джош был одет в кожаную куртку, накинутую на светлую футболку. Нужно признать, такой вид ему очень подходил. Особенно когда он вот так зачёсывает вечно непослушную чёлку назад.

— Ты поела? — спросил Джошуа, когда не увидел возле меня ни одной тарелки.

— Я не голодна, — соврала я, а мой живот с протестом протяжно завыл.

Сосед почти сразу же обернулся по сторонам и, пока рядом с ним сидящий парень отвлёкся на разговор, стащил у

него поднос с нетронутыми порциями.

— Э-э-э, — запротестовал полный паренёк лет двадцати четырёх. Он был настолько массивный, что кажется, даже на его лысине на голове были складки.

— Тебе хватит, — совершенно спокойно ответил ему Джош и пододвинул поднос ко мне.

Странно, но парень даже не стал протестовать. Он посмотрел сначала на брюнета, потом на меня, а потом вернулся к диалогу, но уже с меньшим азартом.

— Мне неловко. Верни, это как-то неправильно.

— Неправильно быть такой правильной, Ниа. Бери от жизни и от людей всё, что хочешь, — Джош по-хозяйски развалился на скамье.

Я посильнее натягиваю рукава кофты на запястья, чтобы спрятать синяки. Есть хочется сильнее, чем избегать конфликтов. Я даже не знаю названия этих блюд, но слюнки текут от каждого ингредиента.

Если бы за каждый раз, когда я называю Джоша жутким типом, мне платили одной банкой кислорода, концу света настал бы конец, и никто в мире больше не погиб бы от нехватки воздуха. Он смотрел на меня даже когда я ела. На заднем фоне Элисон рассказывала что-то о своих друзьях-фриках, которые придумали новый лозунг их компашке, но я не слышала ни единого слова. Казалось, весь мир вокруг стал размытым и немым, кроме моего странного соседа по комнате. Он молчал. Молчал и смотрел на меня так, будто в деталях

запоминает лицо, чтобы создать ещё один прекрасный рисунок. Он смотрел так, будто мои волосы превратились в цветущую зелень, а за моей спиной выросли крылья.

Симпатичные родинки украсили его лицо, точно созвездия. Одна расположилась недалеко от уголка губ, так что её не видно, когда парень улыбается. Другая нашла своё место на его шее. Третья, самая маленькая — над правой бровью. Глаза, настолько тёмные и глубокие, словно смотрят в саму душу. Считывают с тебя информацию, как с карты памяти. Джош симпатичный. Даже не просто симпатичный, он красивый. По-настоящему красивый, но это не та красота, которую описывают в книгах. Невозможно описать словами то, что по-настоящему прекрасно. Глаза Джоша невозможно описать словами.

Он смотрит на меня, и мурашки пробегаются по коже, будоража всё моё существо. Становится горячо где-то внизу живота, а лицо покрывается румянцем. Я опустила взгляд, но краем глаза заметила, как Джош секундно облизнул губы и посмотрел куда-то в сторону.

— Расскажи что-нибудь о себе, — Элисон обращалась к Миранде, которая уже закончила с обедом и продолжила осматриваться по сторонам.

— Да коли было б чего вам поведать… Мы жили в лагере. Муж у меня был. Дочка от него родилась. Да наскучила ему жизнь такая, решил он… свободу, наверное, повидать. А тогда не Ад главой у нас был, а отец его. Был бы Ад, может,

и сжалился.

Как только речь зашла про отца Ада и него самого, Джош с нездоровым интересом прислушался.

— Мужа моего изгнали, да так он и не вернулся.

Сложно сказать, что чувствовала Миранда, говоря эти слова. Вряд ли это была нестерпимая боль от скорби, но нотка грусти всё-таки проскользнула на её лице.

— Так у тебя дочка? Как величать? — с улыбкой спросила Элисон, потешаясь речью Миранды.

— Эбби. Просто Эбби.

— И где она?

Рыжая замялась перед ответом

— Не могу сказать.

Она не стала долго рассказывать о своей жизни. С горем пополам выдавила из себя коротенькую историю о том, как дикари собирали целые отряды для вылазок, выходили во внешний мир, а она с печалью наблюдала за этим. Женщин редко пускали в эти походы, так что они вечно вынуждены были сидеть в лагере, почти полностью окружённом высокими каменными стенами. И именно в такие моменты она понимала своего постоянно сбегающего наружу мужа. Для него это была как клетка.

С таким же небольшим энтузиазмом Мира рассказала про то, как проходила «коронация» Айдена. Он был не в себе. Мрачный, безразличный ко всему, он словно совершенно не думал о том, что происходит вокруг. В тот день дикари разо-

жгли несколько костров в честь праздника и всем лагерем, будто в хоре, читали клятву королю, а он… Ему всё это не нравилось. Не мог, наверное, смириться с тем, что отца рядом нет, а вся эта голодная толпа неотёсанных дикарей готова идти за ним.

Он не представлял народу свою «королеву», но, как сказала Миранда, она была. Её звали Лилит. Единственная голубоглазая девушка во всём лагере, если не во всём мире. Миранда бы и дальше рассказывала про неё, но я ногой ударила её под столом, чтобы она прекратила. Если она всё расскажет, у Джоша будет возможность воспользоваться этой информацией, а это к добру не приведёт.

Девушка поняла мой намёк и быстро смяла концовку своей истории. Хоть мне и было интересно, что это за Лилит и почему её не убили, как только увидели цвет её глаз. Да и интересно, кем она была для Айдена, где она сейчас. Я вспомнила девушку, которая была с Адом в первую нашу встречу. Я была в клетке, а на втором этаже разрушенного здания сидели они. Вдвоём. Помню, как заботливо она положила руку на плечо блондина, когда толпа замерла перед главарём. Помню её русые волосы, немного закрученные на кончиках. Но слабо помню её лицо. Видимо, это и была Лилит.

Девушка стала как-то слишком часто смотреть мне за спину. Я проследила за её взглядом и увидела светловолосую макушку, быстро скрывающуюся в толпе. Ад, как всегда, сел за столик со своими ребятами. Потом он взглядом оббежал

столовую, остановился на Миранде буквально на две секунды и больше никого не искал. Судя по всему, это была его мысленная перекличка дикарей.

На этом спокойствие и свобода Миранды закончились. Она снова сжалась, перестала есть и начала постоянно смотреть мне за спину. А потом и вовсе смущённо извинилась, встала из-за стола и пошла к своим.

— Спасать бабоньку надо, — подытожила Элисон, наблюдая за тем, как рыжеволосая подошла к столу дикарей.

— Нельзя спасти тех, кто не хочет быть спасённым, — эту фразу часто повторяла мне Лесли. Правда ситуации были другие, да и людей в них участвовало меньше.

Небо 11. У смерти есть смысл

Я за нелюбовь тебя простил давно. Ты же за любовь меня прости…

© Валерий Меладзе.

Если бы за моей спиной стояла целая орда людей, которые в меня верят, то я бы, несомненно, победила в битве с жизнью и комплексами. Ну, а сейчас, пока за моей спиной находится только куча нераспечатанных пачек с приправами, я боюсь, что даже в битве за эту кухню я проиграю. Вон тому парню, которому достался ящик со столовыми приборами.

Директор наконец решил занять новичков работой. Из G-27 доставили припасы, одежду и кучу всякой всячины. За помощь начисляли дополнительные баллы на карту. Как и предвидел наш учитель, их решили назвать иначе. Касты. За распаковку припасов нам всем обещали по десять Кастов, а за отличную оценку в учёбе — целых пятьдесят. Но всё это мелочи, потому что даже самая банальная добавка в столовой теперь тоже была платная и стоила сотню баллов.

Естественно, на распаковке даже близко не пахло Джошем и Элисон. Всё, что им нужно, они могут украсть или взять благодаря своим связям. А вот дикари, как ни странно, были здесь в полном составе. Миранда вместе со мной распаковывала продукты, Айдена заставили заняться бумажной волокитой, а остальных ребят — разгрузкой ванных принадлеж-

ностей.

Работа так и кипела, но я думала только о том, как поговорить с Мирандой. Сегодня среда, прошло уже три дня с того разговора о загадочной королеве дикарей Лилит. Ровно столько же дней прошло с разговоров о дочери Миры, а саму девочку я до сих пор не видела на руках у её вечно печальной мамы.

— Как там Эбби? — как бы невзначай спросила я, а девушка миролюбиво улыбнулась, не отрываясь от своей работы.

Мы были почти в самом тихом уголке кухни. Здесь нас никто не слышал.

— Растёт не по дням, а по часам. Ты-то как? До сих пор стыжусь за… — она сделала паузу и посмотрела на мои руки. Синяк уже превратился в жёлтое пятно, больше похожее на аллергию, так что я его уже не прятала. — За тот случай.

— Забудь. Это был отличный урок.

Миранда тепло улыбнулась и заправила за ухо локон своих рыжих кудрявых волос. Во всём колледже я не видела таких красивых прядей. Рыжие волосы, рыжие брови, ресницы и куча веснушек на щеках. Это девушка сплошное ходячее солнце. Иногда, находясь рядом с ней, я чувствую себя безобразной тучей, которая закрывает её свет.

Неловко откашливаюсь, нервно перебирая пачки с приправами. Не знаю, с чего начать.

— Помнишь девушку, о которой ты говорила в воскресе-

нье? Лилит. Кто она?

Рыжая продолжала улыбаться, но уже как-то неуверенно и неискренно.

— Да никто особо. Их с Адом ещё с детства свести норовили, мол сплотить два лагеря, да чтоб в будущем правили вместе. Лагеря-то свели, а вот до сердец не достучались. Во всяком случае, до её, — она грустно ухмыльнулась, её движения стали медленнее и скованнее, а голос тише и ровнее. — Лилит была… Очень романтичной и лёгкой. Всё её тянуло на приключения да истории о принцах. По любви она жить хотела, а Аду, видимо, далеко до её идеального рыцаря, хоть и сводили их долго. А вот он перед ней не устоял.

— Полюбил? — я сама не заметила, как перестала работать и с замиранием сердца стала слушать эту историю как очередную сказку.

Миранда тяжело вздохнула и обернулась убедиться, что нас не подслушивают.

— Да и сейчас, наверное… — она не договорила это ужасное для неё слово «любит». Взяла ещё одну коробку, хотя не разобралась с предыдущей.

— И где она? Умерла?

Она пожала плечами.

— Коль не убили её при нападении, то в лагере осталась. А может, и забрали. Ей двадцать пять. Аду всегда нравились девушки постарше. Наверное, поэтому до сих пор надежды не теряю.

Сказав это, она замерла на месте, словно поняла, что проболталась.

— Он нравится тебе, да? ..

Левушка неуверенно сжала губы и, закрыв глаза, кивнула, будто этот жест был ей так же страшен, как прыгнуть в невесомость.

— Миранда, но… Он так жестоко с тобой обращается…

Я не успела договорить последние слова — она прервала меня.

— Пускай! Хоть ругает, хоть бьёт, хоть злится на меня. Пускай! Я раньше даже взгляда его добиться не могла, а тут такое. Да я счастливая.

Слушая всё это, я не понимала, как можно так позволять с собой обращаться. Как можно любить человека, который не умеет проявлять ни капли нежности? Разве любовью не должно называться чувство, от которого сердце трепещет, а не кости на руках ломаются? Разве не это чувство должно делать человека счастливым, а не доводить до слёзных истерик и вечного страха?

— О, видела бы ты, как он с дочкой моей обращается. Одно загляденье. Смотрит на неё как на родную. Иногда воображаю, как было бы здорово… Эбби лет пять, мы втроём идём по зелёной аллее, взявшись за руки. И травы пахучие кругом, и цветы распускаются, и сердце цветёт… И нет никаких G-27 и собраний эти бусурманский. Да что б их глаза кислотный дождь разъел.

Я улыбнулась. Не все в этом чёртовом мире потеряли мечту. Вряд ли, конечно, Ад поможет ей исполниться, но… Это стоит того, чтобы видеть на лице девушки такую умиротворённую улыбку.

Она много что рассказывала. О том, как её ненависть смешалась с любовью. О том, как коленки трясутся при виде него. О том, как у неё появляются «грешные мысли», но на словах «я бы платье с себя сорвала» я её остановила, соврав, что мне срочно нужно отлучиться.

Я знала, что работа затянется, но не думала, что настолько. Уже пошёл второй час, ребята устали и наконец устроили перерыв. Я достала из рюкзака книгу, которую Джошу обещала прочитать. Спряталась в самом укромном уголке в кладовой и поудобнее уселась на небольшом стульчике, закинув ноги на уже разобранные ящики. Запах овощей приятно успокаивал. Видимо, в G-27 держат теплицы, если не поля. Хотелось бы мне поработать там.

Только что я слушала о том, что Миранда готова стать подушкой для битья, лишь бы чаще видеть того, кого любит. Сейчас я читаю о том, как девушка убила себя из-за человека, который унижал её за её же чувства. Да и вовсе был убийцей, хоть она об этом и знала. Неужели любовь — такое ужасное чувство? Неужели она правда так разрушает людей?

Я просидела за книгой дольше, чем планировала. Но и не пожалела об этом. Глотая строки, абзацы и главы, я настолько погрузилась в историю, что уже не смогла оторвать-

ся. Хоть я уже умела читать, знала все буквы и многие слова, наткнулась на одно, которое даже прочесть не смогла. Задумчиво указала на него пальцем и потянулась к рюкзаку за карандашом. Как всегда, по традиции, подчеркнула неизвестное мне слово.

— Отдай, — прозвучал голос прямо за моей спиной на расстоянии меньше одного метра.

Я подскочила на месте, в испуге выронила карандаш и обернулась. Сердце колотилось так сильно, что я даже не сразу сообразила, кому принадлежит голос. Ад, как всегда, любил всё портить. Атмосферу, настроение, тишину… Он испортил всё.

— Нет. Она моя, — я отвернула от него голову и покрепче вцепилась пальцами в книгу.

— Слово, которое ты не можешь прочесть. «Отдай». Оно просто написано другим шрифтом, и стёрта одна буква.

И как долго он стоял за моей спиной? Как он вообще умудрился так бесшумно сюда зайти?

Я промолчала, даже не сказав «спасибо». После того, как он обошёлся с Мирандой в коридоре, мне вообще не хотелось его видеть и с ним разговаривать. Как же спокойно прошли эти три дня без ссор и разборок. Правда пару раз я слышала, как ребята с колледжа набирали в свою «банду» людей для того, чтобы разобраться с дикарями из-за того случая. Судя по всему, Аду про это до сих пор не доложили.

— Обижена на меня? — он руками облокотился о спинку

моего стула, а я отстранилась от неё, чтобы не касаться спиной его пальцев. — Знаешь, если ты перестанешь лезть не в своё дело, то никаких проблем не будет, — на этих словах он поднял с пола мой карандаш и протянул мне.

— Если Вы перестанете разговаривать с девушками как с пустым местом, то проблемы и не появятся, — я со злостью отобрала у него свою вещь и дорисовала недостающую букву в слове «отдай».

— Я сам разберусь, как мне обращаться к своим людям.

— Людям? — я не сдержала смешок. — С таким отношением они себя скоро животными считать начнут.

Парень какое-то время молчал. То ли обдумывал мои слова, то ли собственный ответ. Хоть в помещении снова воцарилась тишина, я не могла прочесть больше ни единого слова. Пока он стоял рядом, я ощущала такую неприязнь, что любая моя другая мысль не усваивалась мозгом.

— Я безумно ценю твое желание дарить миру добро и свет, но с моим статусом быть добрым — самоубийство. И хватит считать Миранду невинной овечкой. Если ты каждый раз будешь вот так её жалеть, она такой же слабой и останется.

— Ваша злость её сильнее не сделает.

Я закрыла книгу и подняла на него взгляд. В первый раз за этот диалог. И тут же об этом пожалела. Язвить, глядя в глаза, намного сложнее. А особенно главарю дикарей.

Ад наклонил голову на бок и задумчиво отвёл взгляд, как

бы признавая мою правоту.

— Сорвался. Твой тупой сосед кого угодно из себя выведет.

Смешок сам вырвался, и я прикрыла улыбку рукой.

— Это у вас с Джошем взаимно.

Он хмыкнул, слегка ударил меня рукой по щиколоткам, как бы говоря: «Убери это отсюда». Я опустила ноги с ящиков и поудобнее устроилась на стуле, наблюдая за тем, как парень берёт из кучи коробок две самые целые. Так вот почему он здесь, а не копается в своих бумажках. Как оказалось, ловить бездельников вроде меня не входит в список его обязанностей.

Он больше ничего и не сказал. Забрал коробки и направился к выходу.

«Для меня быть добрым — самоубийство,» — прозвучали в голове его слова. И вдруг мне стало интересно, как же он тогда относился к Лилит? Не разговаривал же он с ней так же, как с Мирандой? А может, разговаривал, и поэтому девушка и не ответила ему взаимностью? Почему он не рвётся на свободу, если даже не знает, где его дама сердца? Почему не пытается её искать? А может, она здесь, поэтому он никуда и не торопится?

В последнее время я всерьёз стала задумываться о своей внешности. Сравнивать себя с прохожими девушками вошло в привычку. В дурную вредную привычку. Элисон красива. Настолько красива, что на её фоне по шкале от нуля до де-

сяти я на минус пятом месте. Я иду по коридору и представляю, в чём она одета на этот раз. Иногда кажется, что её гардероб — бездонная дыра. Вечно на ней что-то новое, ещё более красивее, чем вчера. Она не стесняется своего тела, своей внешности, хоть и ненавидит её. Она вообще ничего не стесняется.

Где-то дальше по коридору, недалеко от нашей комнаты, слышу странные звуки. Женские тихие стоны, медленно перерастающие в настоящий крик. Явно не болезненный. Мне становится стыдно даже от того, что я это слышу. Щёки покрываются румянцем, а потом сердце начинает ускорять свой ритм от того, что эти звуки становятся всё ближе, когда я подходу к нашей комнате. Хоть бы не оттуда… Пожалуйста, хоть бы это не о то, о чём я думаю…

В коридоре пусто. Только я и чьи-то стоны, раздающиеся эхом по всему первому этажу. Наша комната всё ближе, звуки всё громче. Дыхание замирает, а сердце, устав так часто барабанить, останавливается и вызывает такое сильное чувство, каких я ещё никогда не испытывала. Дверь комнаты номер девятнадцать. Дверь нашей комнаты. За ней я отчётливо слышу голос Элисон, издающей это проклятое «Да, ещё!»

Теперь вопросов стало гораздо меньше. Теперь никаких догадок по поводу отношений между Джошем и Элисон нет. Теперь ясно, почему они оба не пришли на разгрузку припасов. Теперь понятно, почему они каждый день вместе опаздывают на лекции минут на двадцать.

Горькое ощущение где-то под рёбрами заставляет меня прикрыть глаза и глубоко вдохнуть. Я бессмысленно пялюсь на дверь, словно вижу всё сквозь неё, а от того ещё более тошно. Мне становится противно. Зачем же были нужны эти постоянные переглядки? Зачем нужно было портить альбом кучей рисунков меня, закутавшейся в куче одеял, если прямо сейчас у него полный доступ к прекрасному обнажённому телу? Всё правильно… Это же Элисон. Какой идиот выберет меня, если на весы поставить её со мной? Да и с чего ты вообще взяла, что участвовала в этом выборе? Идиотка. Айден был прав. Моя наивность ни к чему не приведёт. Не привела.

Слышу голоса где-то в коридоре. Они становятся громче, чередуются с мужским смехом. Компания парней приближается ко мне, обмениваясь дружескими хлопками по плечу и весёлыми историями, которые ни капли не смешат. Я не оборачиваюсь, даже когда они оказываются близко ко мне.

Кто-то кладёт свою руку мне на плечо, и я агрессивно откидываю её в сторону, не желая ни прикосновений, ни шума. Его слишком много…

— Ниа, всё в порядке?

Знакомый голос перекрывает дыхательные пути. Я резко оборачиваюсь. Его лицо, обсыпанное мелкими родинками, выражает неподдельную озадаченность и волнение. Давно я не видела такого взгляда. Даже Энди чаще приходилось закатывать глаза на мой страх и панику, чем волноваться.

— Джош? Но… Я думала, ты там, — рукой неуверенно указываю на нашу дверь.

Один из его друзей, судя по всему, самый отбитый в их компании, с интересом прислоняется ухом к двери и улыбчиво слушает всё, что там происходит.

— Что? С Эл? — рассмеялся кто-то из компании. — Джош, конечно, тот ещё мерзкий тип, но не настолько, чтобы спать с собственной сестрой.

Как только он договорил эту фразу, мой сосед со злостью в глазах ударил его кулаком в плечо. Да так сильно, что парнишке долго пришлось потом потирать ушибленное место.

Сестрой… Как я сразу не догадалась? Вот почему они так сильно похожи характерами. Вот почему одинаково морщат носы, когда улыбаются. Вот почему оба любят посиделки на подоконнике. Вот почему…

Я не знаю, чего во мне сейчас больше — удивления из-за такого открытия или облегчения из-за того, что в комнате со стонущей Элисон сейчас не Джош. Но кто тогда?

Смешки и довольные посвистывания друзей очень быстро надоели моему соседу. Он настойчиво постучал в дверь и позвал свою, как теперь оказалось, сестру. Элисон умолкла. Несколько минут было слышно только обсуждения парней, их глупые шуточки про Джоша и его сестрёнку. Словами не передать, какие эмоции в этот момент были на лице парня.

Дверь открылась, на пороге перед нами предстала помятая, растрёпанная Элисон. Она поправила свои зелёные во-

лосы, покрепче затянула пояс на шёлковом бежевом халате и вопросительно посмотрела на всех нас.

— Оу… — всё, что сказала она, а после — широко улыбнулась.

— Какого хрена, Эл? — сквозь зубы спросил Джош и хотел вытянуть её из комнаты, но она крепко ухватилась за дверной проём.

— Какого хрена, придурок? Привёл зрителей? Извиняйте, детки, сегодня сеанс только для взрослых.

— Позови его, — процедил Джош и попытался зайти в комнату, но она его оттолкнула.

— Это моя жизнь, хватит в неё лезть. Забирай своих дружков и проваливай.

Элисон вернулась в комнату, громко хлопнув дверью.

От шока я не сразу вспомнила, как правильно дышать. Вопросительно глянула на Джоша, но он ничего мне не ответил. При друзьях о таком не говорят.

Почему-то парни быстро забыли об этом и вернулись к обсуждению нововведений колледжа. Похоже, никому не понравилась система с этими Кастами, гонкой за хорошими оценками и игрой в прилежных учеников.

Так ничего мне и не ответив, Джош ушёл вместе со своими ребятами, а я пошла в библиотеку за какой-нибудь книгой вроде «биология для чайников» или «математика для чайников» и вообще что угодно для чайников.

Всеми силами я старалась не сравнивать себя с другими

учениками. В конце концов, я жила в небольшой семье и не видела ни мира, ни людей, ни учебников из школьных программ. А ребята, живущие здесь годами, знают и понимают больше. Но каждый раз, когда какой-нибудь умник отвечает на вопрос учителя, когда я только пытаюсь вспомнить значение слов из этого вопроса, мне становится мерзко от себя. Тупая… Необразованная… И как я смею называть дикарями людей, которые умнее меня раза в три?

Весь вечер я провела в библиотеке в поисках какого-нибудь чуда. На небе уже рассыпаны звёзды, а луна, как их королева, в гордом одиночестве роняет свои слёзы-лучи в окна колледжа. Раньше я могла рассмотреть каждое тёмное пятнышко на ней, а теперь из-за линз, которые мне приходится носить каждый день, а иногда даже спать с ними, так сильно страдают глаза, что боль в них просто не позволяет долго смотреть на что-то с таким вниманием. Раньше мне не приходилось прятать цвет своих глаз, когда мы с Энди были вдвоём. Теперь мне приходилось чаще моргать, терпеть боль в глазах, которые жутко краснели каждый раз, когда я снимала линзы.

Собрав свои вещи, вернулась в комнату. Простояла возле двери кучу времени — не решалась войти после того, что было днём. Элисон уже спит в своей кровати, а Джош, как всегда, глаз не смыкает.

Я увидела его за окном. Спустившись с подоконника на улицу, он медленно шёл куда-то в сторону одного единствен-

ного дерева. Нашего с ним дерева. Растрёпанный, помятый, в расстёгнутой чёрной рубашке с закатанными рукавами… Весь в тёмном, словно напрашивается в родственники к этой ночи и луне.

— Джош? — шёпотом зову его, и он оборачивается.

Он выглядит как-то необычно. Потерянный взгляд, слишком добродушная улыбка, нарушенная координация и сонный вид. Он махнул мне рукой, мол «иди ко мне» и остался стоять на месте в ожидании. И я не смогла ему отказать.

Шустро перелезла через подоконник, подбежала к нему, оставив свою обувь в комнате. Помню, как мы ходили по траве босиком. С нами был верный пёс Баффи, вечно по-хозяйски бегающий по коридорам колледжа. Не сдерживаю улыбку, предвещая новое приключение и новые открытия. Джош расслабленно улыбается в ответ, как-то странно пошатываясь. Кладёт свою руку мне на плечо и наклоняется к моему уху. От него исходит необычный запах.

— Мышка, принеси, пожалуйста, — шёпотом просит он и рукой указывает куда-то в сторону нашего окна. Под ним на земле я замечаю тёмную бутылку с зауженным горлышком и послушно выполняю просьбу парня.

Жидкости там где-то половина. Мне вдруг вспоминаются рассказы дяди Маркуса о том, как до Нового времени люди успокаивали нервы и расслаблялись с помощью чудо-напитков. Судя по всему, Джош тоже «расслабляется». Это алкоголь.

Глотнув немного из бутылки, парень притянул меня к себе и одной рукой обнял за плечи, глубоко вдохнув запах моих волос. Такой резкой близости я уж точно не ожидала… Даже с Энди мы обнимались не так часто, как хотелось бы, а тут появляется Джош в своей расстёгнутой рубашке, со своим подтянутым телом и крепкой хваткой…

От неожиданности я выставила руку вперёд, и теперь вышло так, что она лежала на его груди и чувствовала каждый его вздох и стук сердца. Никогда ещё так быстро моё лицо не заливалось краской.

Джош выдохнул почти мне в ухо, и мурашки рассыпались телу. Ноги слегка подкосились, и я еле устояла, чуть не выскользнув из его объятий. Почувствовав это, он отпустил меня, хитро улыбнулся, взял за запястье и потянул в сторону нашего дерева.

— Слышишь это? — спросил он и замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, рассматривая что-то среди листвы. — Чириканье. Здесь раньше никогда не было птиц.

— Может, это у тебя в голове чирикает? Всё-таки… — я взглядом указала на бутылку в его руке.

— Брось, не будь как Элисон, — он лениво поморщил нос и сел на траву, подняв голову вверх и продолжая что-то искать среди веток.

При лунном свете его лицо выглядело иначе. Что-то действительно волшебное ночь творила с его внешностью. Выделяя скулы, острый подбородок и шею светом, луна словно

так и кричала: «Ты только посмотри на него!» Чёрные волосы отдавали голубоватым оттенком, тёмные глаза, явно отличающиеся от любых других своей глубиной и выразительностью, были устремлены то ли куда-то в пустоту, то ли на что-то конкретное. Это был именно тот момент, когда мыслей намного больше, чем слов.

Я села рядом, подняла глаза вверх и глубоко вздохнула.

— Так значит… она твоя сестра?

Парень долго молчал, выискивал нужные слова среди листьев и веток.

— Она не всегда была такой, — начал он, словно впереди ещё длинная история. — Любила носить джинсы, растянутые кофты… Косы только не любила заплетать, прятала их под шапкой, а потом вообще состригла к чёртовой матери. Знаешь, мы с ней не совсем родные, — он отпил из бутылки. — Наша мамаша изменила моему отцу. Так и появилась Элисон. Из-за измены. Поэтому она и ненавидит своё тело, косит под пацана. Девкам вообще не доверяет, так что «дружит» только с парнями. На этих же парнях и скачет, — он сделал длинную паузу, а потом тихо добавил сквозь зубы: — Сука… — и запил эти слова алкоголем.

Луна предательски безразлично слушала нас, а потом от скуки спряталась за облаками — неожиданными гостями ночи. Красиво было здесь. Запах травы, смешанный с сыростью недавно прошедшего дождя, усыплял, шептал закрыть глаза и откинуться назад. И я послушала. Поправив платье, легла

на землю и подложила руки под голову. А небо всё ещё было под запретом. Такое мёртвое и опасно. Такое бесконечное.

— Мне кажется, это её протест. Она хочет свободы, которой ей всё время не хватает. Тебе стоит прислушаться к ней.

Джош посмотрел на меня, взглядом пробежался по моему телу, но не лёг вместе со мной, лишь улыбнулся и вновь посмотрел в сторону пустыни и одного единственного дуба во всей округе.

— Свободы?.. А ты знаешь, что это такое? — оставив бутылку на траве, он достал из кармана пачку сигарет. — Вот и я не знаю. Её не существует. Пойди вон у любого спроси, почему он не может убить свою семью. Все ответят: «Ну как же так. Я ведь люблю их». И никто… Абсолютно никто не скажет: «Я не могу, они ведь живые люди, они ведь тоже хотят жить». Не-е-ет… Никто так не скажет, — он покачал головой, как-то грустно улыбаясь своим словам и отравляя и без того мёртвый воздух сигаретным дымом. — Для людей важнее то, что они сделают самим себе больно, если убьют. Для людей важнее их «Я». Нет никакой свободы. Мы скованы своим эгоизмом и чувствами. Забавно, да? С одной стороны, эгоизм и есть свобода, ведь всё для тебя любимого, а с другой… «Я слишком люблю себя, чтобы делать это». «Мне слишком наплевать на людей, чтобы делать то». Разве это не заточение?

— Ты хочешь сказать, что добрые люди свободнее? Разве они не скованы своей любовью к другим?

Мои слова тяжёлым камнем утонули в тишине. Здесь нет ни единого повода грустить, но мне хочется залить всё слезами, а потом с восторгом крикнуть: «Смотрите, это же море».

Здесь нет ни единого повода убивать себя, но мне хочется медленно отрезать от своего тела по кусочку и разбрасывать по земле, удобряя почву, чтобы потом сказать: «Вау, да это же настоящий лес».

Мне хочется сделать хоть что-то, чтобы самой улучшить этот мир. Чтобы Элисон не пришлось искать укромный уголок для собственных мыслей вдали от людей. Чтобы Миранде не пришлось бояться за свою дочку и её будущее. Чтобы Айдену не пришлось тратить свои способности на создание оружия для защиты своего народа. Чтобы Джошу не пришлось каждый день искать что-то живое в абсолютно мёртвом.

Парень улыбнулся, сделал затяжку. Я не знаю, что его рассмешило, но мне вдруг стало неловко за свои слова.

— Я уже давно ничего не хочу сказать. Смысла нет. Сколько ни думай о вечности, она всё равно закончится с восходом солнца. Днём слишком шумно, чтобы рассуждать.

Так мы и сидели, ожидая конца нашей вечности. Через пару часов уже будет рассвет, а вместе с ним придёт новый день, новые пары, лекции, лица, суета и шум. Джош прав. Рассуждать будет некогда. Не о чем. И не с кем.

Пока я находилась рядом с ним, мне представлялось, словно мы сидим на крыше, слушая звуки медленно засыпа-

ющего города. Лесли говорила, там очень красиво. Все эти огни, люди, спешащие поскорее домой к любимой семье или к давно уже купленной бутылке вина. Может быть, мы были бы совсем другими, не такими мёртвыми и уставшими. Но мы здесь. В одном из последних мест земли, где есть чистый воздух и трава. Где есть надежда на будущее. Где есть мы.

— Живём как животные, а по ночам думаем, что наш разум шире нашего поля зрения. Наши мысли такие же примитивные, как и у тех, кого мы называем быдлом необразованным. — он всё-таки лёг на спину и сложил руки на животе, иногда затягиваясь. — Религия, цели, семья, любовь, богатство… Это, конечно, всё хорошо. Это ведь отличный повод героически умереть, да? Намного сложнее найти причину жить, когда всё это исчезает в сраном тумане серых будней.

— Ну, а ты? — смотрю на его профиль и на какое-то время даже забываю, что хотела сказать, ведь он в ответ переводит взгляд на меня. — Живёшь, чтобы героически умереть или найти причину жить?

Он долго смотрит мне в глаза, молчит, рассматривает каждый сантиметр моего лица и думает.

— Жду, когда в моей жизни появится хоть что-то, ради чего можно подохнуть. Или кто-то… — делает долгую паузу, как-то опечаленно хмурит брови и поворачивает лицо к небу. — Просто так умирать как-то… скучно. Такой абсурд, да? — он тихо смеётся, как всегда, морща нос и прищуривая

глаза. — Я отчаялся настолько, что ищу смысл в смерти.

— Я думаю, во всём есть смысл.

Мои слова каким-то образом задевают его. Парень подрывается с места, начинает активно искать что-то в кармане джинсы, а потом достаёт оттуда сложенную в несколько раз стопку тетрадных листов. Выравнивает смятые страницы и вручает их мне.

— Серьёзно? Может, тогда ты мне объяснишь, что изменилось за эту хренову тучу лет?

Я ожидала чего угодно, но не рисунков. Последний раз я видела Джоша рисующим буквально сегодня на рассвете. Он сидел на окне и что-то так старательно изображал, что я не решилась его отвлекать. Как я и ожидала, он каждый день рисовал рассвет. Не пропускал ни один из них, кроме утра в субботу.

— Каждый день одно и тоже. Мир всё такой же мёртвый и чёрно-белый, — он буквально выплюнул эти слова. Даже неясно, на что он злился больше — на себя, зря хранящего надежду, или на мир, зря её дающего.

Где-то в листве послышался тихий шум, а через секунду на одну из веток село нечто. Нечто прекрасное. Маленькая жёлтая птица, схватив цепкими лапками сучок, словно смотрела прямо на нас. Маленькое чудо издало громкий звук и, вспорхнув с ветки, улетела куда-то в сторону колледжа.

— Всё такой же мёртвый, да?..

Небо 12. Боль – цена победы

От автора

Он знал имена всех учеников, проживающих здесь. Он точно знал, сколько пачек сигарет ему нужно, чтобы хватило на месяц. Он знал, когда лучше проснуться, чтобы первым прийти на получение самого лучшего набора карандашей и толстых блокнотов. Но он не знал, что однажды настанет момент, когда ему придётся притворяться собой.

Это была ночь. То самое время, когда все воспоминания за день превращаются в сны. Он проснулся с криком. Именно так кричат люди, когда лицом к лицу встречаются со своим страхом. Ниа подорвалась, напрочь забыв про сон, но не успела она ничего понять, как Элисон тут же подбежала к брату и заключила его в объятиях, словно пытаясь укрыть от какой-то страшной напасти. Словно делала это не впервые.

— Я с тобой, Джош… Я здесь, — девушка гладила его по волосам.

Его испуганный взгляд был сосредоточен на всём и ни на чём одновременно. Его дыхание, такое сбивчивое и неровное, напоминало Ние тиканье часов. Тик-так, тик-так… Но батарейки почти разрядились, и вот-вот стрелка замрёт между двойкой и единицей.

Всё повторилось как много лет назад. Он — маленький мальчик восьми лет с угольно-чёрными волосами. Она —

маленькая девочка, которой вот-вот исполнится семь. Длинные русые волосы всегда не нравились юной Элисон. Вечно приходилось заплетать тугую гульку или прятать их под шапкой, пока она не нашла острый маленький ножик под тумбочкой на кухне. Состригла всё подчистую.

Была мама, был папа, была даже небольшая белая мышка, которую семья Хейзов случайно нашла среди хлама в деревянном ящике. Любые животные теперь считались редкостью, так что нельзя было избавляться от грызуна.

В тот день было пасмурно. Миссис Хейз — мать двух очаровательных детей — наконец призналась мужу в давней измене. Рассказала о том, как встретила в бункере сногсшибательного мужчину, до Нового времени работавшего простым автомехаником. «Я была в отчаянии, мы с тобой были в ссоре. Мне ужасно жаль, прости…», — оправдывалась она. Но он не простил. Казалось, его любовь к дочери не сможет умереть от этой информации, но во всём есть свои исключения. Элисон не от него, и это не могло не делать ему больно.

— Тебе что, заняться нечем?! — кричал мужчина на девочку.

Джош рассказал ей о том, как раньше играли в шашки, так что теперь она собирала разноцветные камни и пыталась повторить давнюю игру.

— Я… играю, — тихо ответила она.

Сидеть на холодном полу было неприятно, но почти всю деревянную мебель пришлось потратить на растопку. Все да-

же сухие деревья в округе уже давно закончились.

— Убери этот мусор отсюда, — гаркнул мужчина и пнул камни на полу, испортив всю игру.

«Шашки» раскатились по комнате и словно в страхе спрятались в щелях между половицами. Элисон не знала, что такое измена, не знала, что это не её настоящий отец, и не понимала, почему он вдруг так на неё разозлился.

Её обида была сродни сломанному бумерангу. «Подумаешь, отломан небольшой кусочек, он всё равно вернётся, это же бумеранг. Он обязан вернуться». Но он всё отдаляется и отдаляется… А потом падает и ломается. Потом ещё раз. А потом ещё… И ещё.

Эдисон не заплакала. Она вообще никогда ни при ком не плакала, кроме Джоша. Сорвавшись с места, она побежала в его комнату, откуда мальчик мог не выходить целыми днями. Он постоянно сидел на широком подоконнике и рисовал иллюстрации к маминым рассказам на ночь.

— О, Эл, — восторженно произнёс Джош, ещё даже не обернувшись в её сторону. — Я тут у папы нашёл кое-что. Знаешь, что это такое? — он с улыбкой спрыгнул с подоконника и поднял пачку сигарет.

Весь его энтузиазм испарился, как только мальчик увидел сестру в дверном проёме. Она была мрачнее пасмурного неба за окном, а красное пятно на её щеке казалось кровавым облаком. В тот момент Джош испытал почти все стадии принятия.

Отрицание.

В голове не укладывалось, как вообще можно поднять руку на такое маленькое беззащитное существо, как Элисон. Как вообще кто-то может позволить себе её обидеть? Он не верил в это. Отказывался верить.

Гнев.

Он редко злился на отца, но сейчас ему хотелось взять нож поострее и проткнуть ему руку, а потом схватить сестру и убежать вместе с ней куда-нибудь подальше. Куда-нибудь, где никакие взрослые не будет запрещать играть ночами напролёт. Где никакие Небесные не станут ограничивать свободу. Где можно будет спокойно дышать.

Торг.

Мысли навалились на голову маленького мальчика. Он уже многое понимал. Он знал, почему родители уже несколько дней подряд ссорятся без остановки. Он стал думать, что этого можно было бы избежать, будь он постарше да посмелее. Заступился бы за мать, успокоил отца, помирил их.

Депрессия.

Тоска густой жижей залила и мозг, и тело. Казалось его силы на нуле. Казалось, ничего нельзя сделать. А что вообще можно сделать в такой ситуации?

Единственное, что он не испытал — принятие. С таким смириться он уж точно был не способен.

Джош подорвался с места как ошпаренный. Он крепко обнял сестру, буквально заткнув её слёзы своим плечом.

— Да пошли они все, Эл. Обещаю, когда мы с тобой вырастем, нами никто не будет командовать. Я отберу игрушки у всего мира и отдам их все тебе.

И он не соврал.

Где-то внизу раздался грохот. Наверное, мужчина поднял руку на жену. Теперь уже и Джош не мог держаться — слёзы полились непроизвольно, и их уже не остановить объятиями. Он поднял голову к потолку, посильнее закусил губу и закрыл уши маленькой Элисон.

Ниана

С каждым днём программа обучения для новеньких становилась всё сложнее. Нам обещали, что испытания в иллюзии совсем скоро закончатся, ведь это плохо влияет на мозг, на сон и самочувствие. Но вот мы снова стоим в помещении, напичканном всяким оборудованием, огромными мониторами и целой паутиной проводов.

Испытание вот-вот должно было начаться. Правила были таковы: два или три человека погружаются в одну иллюзию. Там они видят определённые картинки, ситуации, вызванные их воображением. Ребята, погружённые в виртуальную реальность, должны помочь другому побороть эти эмоции. Как сказали нам девушки в белоснежных халатах, это испытание должно помочь нам научиться работать в команде.

И вот пошли первые испытуемые. Двое человек легли в кресла у окна, другие двое — в углу комнаты. На ребят надели железные шлемы с проводами, которые закрывали по-

ловину лица. Игра началась.

На экране мы видели, как двое, оказавшись в пустой чёрной комнате, стали оборачиваться по сторонам, привыкая к иллюзии.

— И что дальше? — спросила какая-то девушка за моей спиной. Все следили за испытанием с неумолимым интересом.

— Скоро перед их глазами появятся экраны. Каждый будет видеть что-то своё. Всё зависит от их фантазии и страхов.

В одной части экрана крутилась запись с детской комнатой, залитой жутким красным свечением. В другой части экрана — десятки человеческих лиц, сменяющих друг друга с такой скоростью, что сложно смотреть без тошноты. Длинноволосая блондинка начала плакать и судорожно трясти за плечи парня на голову ниже её. Он же был в полной прострации. Не понимал, где находится и что происходит.

Со второй парой происходило всё примерно то же самое. Один сел на пол и схватился за волосы, а второй стал отмахиваться руками от жуков и змей, нападавших на него с экрана. Как итог — ни одна, ни вторая группа не прошла испытание. Более того, их вывели из иллюзии из-за слишком высокого сердцебиения. Их пульс, их давление, температуру их тела — всё транслировалось на экран перед нами.

И так пара за парой. Все проигрывали, как один. Всех выводили из помещения с успокоительными. Дикари, правда, держались хорошо — намного дольше других новичков. Они

пережили слишком много, чтобы быстро сдаваться.

Мне становилось страшно, а за другими наблюдать становилось всё скучнее. Пока не подошла очередь Миранды. Вообще, самым первым вызвали Айдена, но он так категорически отказывался участвовать в этом как первооткрыватель, что работники лаборатории махнули рукой и продолжили испытания с другими. В этом был весь главарь дикарей. Ему обязательно нужно было понаблюдать за всем, узнать, как это работает, а только потом позволять испытывать это на себе.

Миранда была сговорчивее. Она не могла отказаться, а Айден наконец согласился участвовать вместе с ней.

— Уберите показатели здоровья с панели, — это было единственным условием Ада, и девушкам в халатах пришлось послушаться.

В помещении осталось всего человек десять. Половина из них, включая меня, наблюдали за испытанием Миранды и Айдена, а вторая — за второй парой у окна.

Началось всё так же, как и у всех. Они оказались в пустой комнате без стен, потолка и пола. Немного покрутив головой, парень всё-таки определил, откуда примерно их «снимает камера». Миранда же скрестила руки на груди, как бы защищая себя от всего, что их может ждать.

— Начинаю испытание, — уже чёрт знает какой раз за сегодня сказала медсестричка и нажала несколько кнопок на панели.

Первые несколько секунд — тишина. Десять… Двадцать… Ничего не происходит.

— Ну и? — Ад развёл руки в стороны и обратил взгляд в сторону «камеры». Наверное, он и сам не знал, куда точно смотреть, но каким-то образом будто видел нас сквозь экран.

— Вы ничего не видите? — нахмурилась девушка в халате. — Задание уже началось.

— Это сраное тёмное «ничто» считается? Или мой потайной страх — темнота? Похоже, вы облажались. Если бы мне дали фотографию с лицом Хейза, было бы и то страшнее.

Где-то за моей спиной послышались смешки. Ребята, которые наблюдали за второй парой, присоединились к нам, так что теперь на Миранду с Адом смотрели все.

— Рада, что у тебя отличное настроение, Ад, но можно быть немного серьёзнее?

Девушка стала активно нажимать на разные кнопки и сенсоры, сказав, что это какая-то неполадка. А вот Миранда тем временем явно что-то видела. Она стояла неподвижно, опустила руки и даже немного приоткрыла рот. Что-то не очень радужное было перед её глазами. Ад заметил это не сразу. Он обратился к ней, но она молча продолжила смотреть воплощение своих кошмаров. Что она видела — мы пока не знали.

— Что с ней происходит? — спросил дикарь.

— То же, что и со всеми испытуемыми, — на этих словах девушка в халате всё-таки вывела на экран показатели здо-

ровья.

Сердцебиение Миранды учащалось. Глаза её начинали слезиться, она стала тяжело и неровно дышать, но больше не делала ничего, словно её сковали цепями.

— Не смотри на это, — сказал ей Ад и подошёл ближе, но девушка не отреагировала.

Он своей рукой закрыл её глаза, и, кажется, на какое-то время она даже успокоилась. Пока не прозвучало это…

«Продолжите просмотр».

Громкий холодный голос раздался в иллюзии. Точно не человеческий. Словно сама сталь приказала Миранде вновь открыть глаза. Парень даже не подумал позволить ей это сделать. Он обернулся к пустоте. Не мог понять, откуда исходит звук. Отовсюду…

«Продолжите просмотр».

Голос повторил зловещие слова во второй раз. Теперь уже громче. Фраза стала повторяться всё чаще и чаще, а потом стала непрерывна: «продолжите просмотр продолжите просмотр продолжитепросмотр продолжитепросмотрпродолжитепросмотр». По лицам ребят было видно, что для них эти слова повторялись с невыносимой громкостью. В конце концов, Миранда не выдержала, закричала, сжав плечи, и только тогда Ад разрешил ей открыть глаза. У них у обоих пошла кровь из ушей.

— Вам не кажется, что это слишком? — обратилась я к девушке в халате, но мне не ответили.

Миранда уже не сдерживалась — плакала, не издавая звуков и не отводя глаз от пустоты.

— Что она видит? — спросил парень, глядя точно в объектив «камеры». — Покажите мне! — уже криком повторил он, когда не получил ответа от испытателей.

Медсестричка пыталась вывести на экран кошмары Миранды, но сколько бы кнопок она ни нажимала, сколько бы панелей ни избила своими розовыми ногтями, ничего не выходило. Картинка не прогружалась.

— Мы проиграли, ладно? Кончайте с этим.

— За победу в этом испытании каждому из вас начислится две тысячи Кастов.

На этих словах из реальности выпали все. За моей спиной только и было слышно это «вау», «ого», «2К?!», «срань Господня, да я за эти деньги…»

— Засуньте их куда подальше. Выводите нас. Мы не продаёмся.

И всё-таки не зря он глава дикарей. Я не видела лиц его людей, но точно знала, что сейчас они должны гордиться Адом. Да он за эти деньги, наверное, мог бы купить себе хоть половину квадрокоптера Небесных.

Миранда в бессилии села на пол, сжав свои волосы в кулаках. Даже Ад был удивлен такой её реакции. Он долго не отрывал от неё глаз, пытаясь понять причину такой истерики. Впрочем, он бы и не понял. Ведь этой причиной был он сам.

На экране наконец появилось мутное изображение, слов-

но кто-то снимал видео на плохую старую камеру. Кто-то из зрителей произнёс смущённое «оу», кто-то просто ухмыльнулся. А я вдруг вспомнила наш с Мирандой последний разговор.

Она мечтала о том, как однажды они с Адом, взявшись за руки, будут гулять по зелёной аллее. Она хотела оказаться там, где будут только они одни. Но самым ужасным страхом для неё было не то, что эта мечта не сбудется. А то, что она сбудется у кого-то другого.

В иллюзии она видела его. Подозрительно счастливого и невероятно беззаботного. Но он был не один. Он держал за руку девушку с длинными русыми волосами, слегка закрученными на концах. Запись мутная, так что и лица распознать не так просто, но я подозреваю, это та самая Лилит.

Они держатся за руки, идут по зелёной аллее. Останавливаются и долго смотрят друг другу в глаза. Приближаются друг к другу… Обмениваются чувствами через тёплый и нежный поцелуй. На этом моменте Миранда буквально разрывается от слёз и истерики.

— Ох чёрт, Миранда… Серьёзно? — устало произнёс Айден, увидев самого себя на экране.

На какое-то время и в иллюзии, и в помещении настала тишина. Все непрерывно наблюдали за двумя людьми, оказавшимися в чертовски неловкой ситуации. Неужели она так сильно любит его? Неужели это действительно её ужаснейший страх?

Парень сел на пол рядом с ней и с каким-то соболезнующим безразличием в глазах посмотрел на экран. Долго молчал, потом опустил голову и растрепал волосы. Вздохнул. Задумался.

— Боишься, что в будущем не окажешься на её месте? — неожиданно для всех спросил он, не отрывая глаз от записи. — Всё верно. Не окажешься.

Кажется, такой грубости от него не ожидали даже дикари. Кто-то непонятливо нахмурился, кто-то произнёс удивлённое «что он сказал?», а кто-то — Миранда. Она замерла на пару секунд, её тело перестало подрагиваться от нервных всхлипов. Девушка подняла на него такой удивлённый взгляд, будто он её предал.

— Твой удел — стирать детские пелёнки и скорбить о днях ушедших. Обидно, наверное. Даже твой муж предпочёл свободу, а не тебя.

И только когда я посмотрела на показатели здоровья, я поняла, для чего всё это. Пульс Миранды учащался и стремительно рос к воображаемой отметке «испытание провалено». Ад прекрасно понимал, что их не выпустят без шоу как у прошлых участников. Он прекрасно понимал, что от фантазий Миранды не будет должного эмоционального давления. Он специально заставлял её проиграть.

— Делать тебе больно это как давать бананы цирковой мартышке. Без них она отказывается выступать, — говорил он так безразлично, что мурашки проходились по коже. —

Только разница в том, что животное рано или поздно наестся. А вот ты постоянно просишь ещё.

Он потянулся к ней рукой. Его ладонь на мгновение зависла над её макушкой, а после скользнула по волосам. Миранда уже не плакала. Вся влага застыла в её глазах, и теперь она лишь со страхом, смешанным с наслаждением, смотрела на него.

Ад лишь слегка сжал в кулаке её волосы, заставляя забыть обо всём, кроме его лица. Запрещая смотреть в сторону. Запрещая видеть что-то, кроме его жестоких и холодных глаз. Снова раздался стальной голос. «Продолжите просмотр,» — гласил он. Но они оба неотрывно смотрели друг на друга, будто нет ничего за пределами их лиц.

Аду даже не пришлось говорить что-либо ещё. Одного только его безразличия к ней хватило, чтобы на показателях здоровья пульс Миранды загорелся красным. Медсестричка тут же стала активно стучать по клавиатуре и внимательнее смотреть на экран. Миранда буквально растворялась в воздухе. Исчезала. Покидала иллюзию. Но не просыпалась.

В этот момент все забыли, как разговаривать. И только один смельчак решился задать вопрос:

— Почему она не очнулась?

— Были б вы внимательнее, заметили бы, что испытание пара должна закончить одновременно. Вот когда и он выполнит его, тогда они оба и проснутся.

— Как он выполнит? — спросила незнакомая мне девуш-

ка. — Он же… никаких своих страхов не видит.

Миссис белый халатик тихо засмеялась и перевела взгляд на Айдена, оставшегося одного в иллюзии.

— Он справится.

Как только Миранда покинула испытание, парень изменился в лице — он на секунду закрыл глаза и тяжело выдохнул. Если бы я его не знала, подумала б, что он корит себя за сказанное. И либо я права, либо я плохо его знаю.

Скрестив ноги, он всё так же сидел на полу и всё так же безразлично смотрел на видеозапись. Возможно, я всё-таки ошиблась и там не Лилит, раз его пульс ни капли не изменил свой ритм. А возможно, там именно она, раз он так зачарованно смотрит на экран в пустоте. Свет от него падает на уставшее лицо. С каждым днём синяки под его глазами становятся всё больше, волосы — всё непослушнее. В глазах какая-то необъяснимая печаль, смешанная с глубокими раздумьями.

— Похоже, цирковая мартышка здесь только я? — тяжело вздохнув, произнёс он, спрашивая у пустоты.

— Очередные неполадки с оборудованием, Ад. Скоро тебя вытащим, — соврала девушка в халате, больше не пошевелив ни пальцем.

— Ну да…

Он безразлично хмыкнул и закрыл глаза, отдаваясь то ли своим мыслям, то ли темноте. Уже через полминуты в его помещении раздалось это надоедливое «продолжите про-

смотр». Он не отреагировал. А среди новичков вновь настала тишина — все с чрезмерным любопытством наблюдали за парнем через экран. За его движениями, его сердцебиением. Слова повторялись вновь и вновь, быстрее и быстрее. Нам не было известно, насколько громко они произносились, но всё было видно по мимике Айдена. Сначала он нахмурился. Позже — схватился за голову. Он принципиально не открывал глаза, но и эта его затея, оказывается, была не бессмысленна. Теперь он выводил самого себя. Пульс его учащался просто из-за того, что слова стального голоса ускорялись. Струя крови из ушей снова пошла по его шее, пачкая воротник серой растянутой кофты.

— Это же издевательство. Вы же можете его выпустить, — попыталась я привлечь внимание девушки в халате. Ноль реакции. Она наблюдала за Айденом с восхищением.

Он испытывал боль, и это было видно даже сквозь экран. Похоже, громкость там невыносимая. С каждой новой фразой компьютера парень сильнее впивался пальцами в свои волосы, а после и вовсе стал качаться из стороны в сторону. Пульс зашкаливал. Я посмотрела на его тело, неподвижно лежащее на кресле. Изначально ли он так сильно сжимал кулак или сделал это сквозь сон?

— Завершаю, — бодро отозвалась девушка и нажала несколько кнопок буквально через мгновение после того, как Айден закричал от боли.

Миранда очнулась сразу же. Она сняла с себя железный

шлем с проводами, откинула его в сторону и стёрла с глаз самые настоящие слёзы, будто пробившиеся сквозь виртуальную реальность. Айден проснулся чуть позже. Он резко сбросил с себя всю аппаратуру и снял с головы железную штуковину, а после — закрыл уши руками, будто этот голос до сих пор остался у него в мозгах. Пара дикарей бросились к нему, схватили за плечи, пытаясь успокоить его, привести в чувства.

Никто не решался ничего говорить. Все молча наблюдали за ними как за щенками, как-то выжившими после попытки их утопить. Миранда слезла с кресла и тут же рванула к выходу из помещения, вытирая лицо. Ад хотел схватить её за руку и остановить, но она ловко вырвалась и сбежала. Догонять её он уже не стал.

Он какое-то время смотрел ей вслед, а потом перевёл уничтожающий взгляд на девушку возле экрана. Та безоружно подняла руки и покачала головой.

— Это всё было исключительно её воображение. Мы не подсовывали ложные фантазии.

— Технические неполадки вы тоже «не подсовывали»?

Она пожала плечами, а парень кивнул, сделав вид, что поверил, и направился к выходу.

— Две тысячи Кастов будут переведены на твою карту сегодня же, — добавила она ему вслед. — Ты прошёл.

Он саркастично постучал кулаком по своей груди, как бы изображая благодарность, и той же рукой показал ей сред-

ний палец. Плевать ему было на эти баллы, хотя сумма очень даже внушительная.

После всей этой ситуации испытание продолжать не стали, основываясь на том, что нужно проверить аппаратуру. А может, дело было совсем не в технике? Может, у Айдена действительно нет страхов? Иногда мне кажется, что он вообще не человек.

Дело было к вечеру. Я в очередной раз задержалась в библиотеке и совсем забыла про время. Пытаясь запихнуть книгу в и так уже полный рюкзак, я возвращалась в свою комнату. Вспомнив о том, что Эл обещала показать коллекцию своих тетрадей с вырезками из журналов, я ускорила шаг, а потом и перешла на бег. Не сказать, что мне было сильно интересно посмотреть на её странное хобби, но с тех пор, как Эл стала пропадать на сутки и отдаляться от нас с Джошем, я старалась не упускать ни секунды, проведённой с ней. Часто по вечерам мне казалось, что она больше не вернётся. Казалось, что в компании с наркотиками ей спокойнее, чем с нами. Я обязана была это исправить.

Я свернула за угол и, витая где-то в облаках, врезалась в кого-то возле поворота. Ад ещё долго будет проклинать кофе, который держал в руке до столкновения со мной. Он пролился на его белую рубашку и бумаги в руках, так что парень, отойдя от шока, стал стряхивать с документов влагу, а после — как-то зло глянул на меня.

— Простите, я…

Он нервно выдохнул, мол, опять ты свалилась мне на голову.

— Я не видела Вас, — это мне уже пришлось говорить громче, потому как он, ничего мне не сказав, пошёл дальше.

Моё неумолимое любопытство перешло все границы. Что-то повело меня за ним следом.

— Могу я к Вам обратиться?

— Нет.

— Я тут… Читаю... Опять, — пришлось чуть ли не бежать. Он быстро ускорил шаг, чтобы от меня отвязаться. — Слово знакомое встретила, но не помню. Вы не знаете, что такое подиум?

Он замедлился, а потом и вовсе остановился.

— Что?

Активно ищу это слово в шестнадцатой главе, судорожно перелистывая страницы. Показываю ему, а он, нахмурившись, читает из моих рук. Хмурится ещё больше. Стряхивает с руки влагу от кофе и вытирает ладонь о свою рубашку.

— А ну дай сюда.

Я отдаю ему книгу и внимательно наблюдаю за тем, как его лицо становится серьёзнее с каждой секундой. В коридоре такая тишина, что я даже слышу его дыхание. Мне становится как-то неловко. Заставляю себя оторвать взгляд от его лица и посмотреть куда-то в сторону.

— Я не знаю… — тихо и как-то разочарованно подытожил он, но даже не подумал оторваться от строк книги.

— Да ладно?

— То есть, не помню, — поправил себя Ад и строго посмотрел на меня, будто мои слова его задели. Неужели он действительно считает, что обязан знать всё? — «Это был клуб. Стрип-клуб. Рай для разврата, алкоголя и потерянных душ». Что ты, блин, читаешь? — он скривил лицо.

— Неважно! Ладно, верните, я пропущу это слово. Или у Джоша спрошу, — попыталась забрать книгу, но он не отдал.

— Обойдёмся без сопливых.

Оставалось только пройти длинный коридор, чтобы добраться до комнаты дикаря. Я пыталась подобрать правильные слова и заметила, как нервно сжимаю губы и бегаю глазами. Хочется обсудить некоторые вещи, но я сомневаюсь, что он вообще согласится говорить со мной о чём-нибудь.

— Некрасиво вышло… с Мирандой, — с опаской смотрю на его реакцию, но её нет. — Зря они выставили это на показ. Не вижу никакой логики в том, что они делают.

— Она есть, — он перебил меня. — Только идиот поверит им. Это испытание не для сплочения команды было придумано.

— Но Вы думаете, что я шпионка, поэтому ничего мне не расскажете, — закатываю глаза и вздыхаю, предвидев всё, что он мне скажет.

— Ты не шпионка.

— Откуда такой вывод? — произношу это с лёгкой ухмылкой.

— Ты была в лагере, ты знаешь, сколько там человек и могла бы всё это доложить своим. Но почему-то меня всё равно допрашивали по этому поводу. Ты не умеешь читать, ты смотришь на всё так, будто вчера родилась, ты вечно жалеешь Миранду. Белоручек в шпионы не берут.

— Зато параноикам там самое место.

Он проигнорировал мой ответ, как будто не услышал. Разговор зашёл в тупик, хоть и двинулся с мёртвой точки.

— Хорошо, если цель испытания была ложью, тогда…

— Они просто искали наши слабости. Все действительно видели то, чего боятся. И всё это записывалось.

Парень говорил тихо. Видимо, действовал по принципу «у стен есть уши». Его домыслы звучали рационально. Говорил он быстро, словно ему правда хотелось с кем-то этим поделиться, но не находилось нужных ушей.

— Почему тогда Вы ничего не видели?

А вот на это он промолчал.

Если бы всю нашу жизнь можно было сравнить с песней, то я бы сказала, что мой певец потерял голос. Он всё пытается залечить больное горло и пропеть последние слова, но музыка уже давно закончилась. Никто не аплодирует. Я во многом опоздала. Кто знает, какой бы я сейчас была, будь я смелее, сдержанней… Умнее. Будь я действительно хорошим «музыкантом».

Если бы жизнь Айдена можно было сравнить с чем-нибудь, то это была бы механическая конструкция. Всё на сво-

их местах, все шестерёнки в отличном состоянии. Вот только механизм находится за пуленепробиваемым тёмным стеклом и сам не знает, для чего существует.

А вот Джоша я бы сравнила с птицей, которой плевать на направление ветра. И даже если из-за сильного потока воздуха она не сможет лететь, она всё равно будет пытаться, пока не выдохнется.

Ад открывает дверь, быстро оглядывает комнату на наличие соседок и пропускает меня вперёд. Какое-то время я с непонятливым видом смотрю на него. Очередная его глупая шутка? Мне на голову сейчас что-то свалится? Я прохожу в комнату, тут же подняв голову к потолку. Как и ожидала, над дверью была какая-то конструкция из женской сумочки, верёвки и линейки, подпирающей дверь. Но она не сработала. Наверное, она предназначалась для Ада — он давно уже не ладит с соседками.

— Гостеприимно…

Он вошёл следом, подошёл к своему столу, вывалил на него промокшие от кофе документы и перевернул бумаги текстом вниз. Не хотел, чтобы я видела их содержимое. А я от нечего делать в ожидании присела на край чьей-то кровати.

Каждый раз его комната выглядела иначе. В прошлый — здесь был полный порядок, не считая кучи женского тряпья и косметики. Теперь же тут добавилось мебели — пара маленький столиков и тумбочек, полностью заваленных желез-

ными деталями, проводами, пластиковыми пластинками и странными приборами.

— Могу я спросить кое-что? — на это парень молчит, продолжая возиться с бумагами на столе. — То, что сказал Джош — правда? Про парня, которого вы избили.

Он обернулся, продержал свой взгляд на мне несколько секунд. Похоже, это «да».

— За что? Что он вам сделал?

— Надругался над одной из наших девчонок. Ей шестнадцать.

Я замерла от ужаса и шока... Да они не просто его избили. Они ему отомстили. И за это их ещё хотят «убрать»? А ведь он до сих пор об этом не знает.

— Изнасиловал?.. Как она?

— Плохо.

В его голосе чувствовалась сталь. Мне хотелось спросить ещё о чём-то, но следующие его действия заставили меня умолкнуть, а щёки — загореть. Он стал расстёгивать рубашку. Видимо, хотел сменить её на что-то чистое, ведь пятно от кофе на самой груди малость не дотягивало до произведения искусства.

— Может… — я неловко откашлялась. — …дадите мне словарь, и я пойду?

— Я тебя с собой не звал, ты сама за мной пошла, — он говорил это, облокотившись о край стола и продолжая расстёгивать пуговицы на рубашке. Одна за другой…

Я как зачарованная взглядом провожала движения его рук. От ключиц до живота. Даже такой маленький участок его оголённого тела вызвал пожар на моём лице. Не выдержав, резко отвернула голову к двери.

— Каково это — прожить несколько лет с парнем, потом ночевать в одной комнате с вечно голым Джошем и всё равно стесняться мужского тела?

— Попробуйте — узнаете.

Я ещё долго насиловала дверь взглядом, ожидая, пока дикарь переоденется, но, когда вновь повернулась к комнате, он уже направлялся в ванную.

— У тебя два варианта. Первый — ты сидишь смирно, ничего не трогаешь, ни в чём не роешься, ни на что не смотришь, — он даже руками не жестикулировал, когда говорил это. — Второй — я иду в душ и беру тебя с собой.

— Я поняла. Сижу смирно, ничего не трогаю, ни в чём не роюсь, ни на что не смотрю, иначе убьёте на месте.

— Убью на месте, — повторил он совершенно спокойно.

Он подошёл к столику, где я ещё в самом начале заметила два странных аппарата. Он нажал на кнопку одного из них, надел на руку браслет, лежащий на том же столике.

— Я буду видеть всё, что ты тут делаешь. Даже рыпаться не думай.

— Да поняла я.

Наконец он закрылся в ванной. Я уже и забыла, почему я здесь нахожусь, но то, что я хочу узнать, я точно не забуду.

Любопытство борется с настороженностью. Я с интересом рассматриваю странную чёрную коробочку, через которую Айден наблюдает за мной.

А действительно ли он наблюдает за мной? Высовываю язык и пытаюсь достать им до кончика носа. Коробочка не реагирует. Наклоняю голову на бок. Исход тот же. Я медленно встаю с кровати и немного кручу бёдрами, чтобы платье развивалось в воздухе. Коробочка всё ещё молчит.

На улице уже начинает темнеть. В это время Элисон обычно стоит в очереди за огромным пакетом чего-нибудь сладкого, но из-за появления денежной валюты в колледже она, скорее всего, сейчас ругается с продавцом из-за высоких цен. Ну или соблазняет его. А сосед… Джош такой Джош. Наверное, он курит на подоконнике или рисует. Или ждёт меня, чтобы я попозировала.

Я делаю несколько шагов к столику и слежу за коробочкой. Она похожа на маленький прямоугольный телевизор размером с пенал. Трусливо провожу пальцем по её поверхности. Гладкая, без единого изъяна. Экран — стеклянный, сама поверхность — наверное, пластмассовая. Замечаю на ней одну единственную кнопку и понимаю, что это, скорее всего, выключатель. Тем и лучше. Без угрызения совести нажимаю на него.

Перестрелка, атомная война, наводнение! Чёрт, да даже второй конец света был бы не так страшен, как то, что эта штуковина мерзко затрезвонила и заорала хуже пьяной Эли-

сон. Даже не знаю, чего больше я испугалась: того, что эта коробочка меня убьёт, или того, что Айден сейчас выйдет из ванной. Я побежала обратно к кровати и оттуда крикнула: «Это не я!» Но штуковина не взорвалась, а парень не вышел.

— Тебя даже на минуту нельзя одну оставить, да?

На нём уже была кофта с длинными рукавами и тёмными пятнами от влаги. Айден вообще любил носить растянутые кофты, хотя первое время в колледже очень долго не мог расстаться со своей кожаной чёрной курткой. А вот почему он постоянно прячет руки под рукавами — очередная инопланетная загадка.

Ничего объяснять и говорить он не стал — просто достал из рюкзака свою карточку, куда ученикам начисляют Касты, и вышел из комнаты. Держа дверь открытой, сделал жест рукой, мол, давай выходи отсюда. Пришлось послушаться. И забыть свои вещи внутри… Но это уже не имело значения — парень уже закрыл дверь ключом и уже опять куда-то направлялся. Деловая колбаса.

Я пошла за ним, еле успевая. Джош гораздо выше меня и Айдена, так что и ноги у него длиннее, но ходит он намного медленнее, чтобы не доставлять никому дискомфорт. Как говорила мне Элисон, люди, которые быстро ходят, чаще всего очень одиноки. У них нет человека, из-за которого им приходится следить за скоростью своей ходьбы. Они всегда одни, всегда куда-то спешат. Айден ходит очень быстро…

— Ты и в туалет со мной собираешься идти? — не глядя

в мою сторону, бросил он.

— Нет. Но Вы ведь сейчас не туда идёте.

— С чего это?

— У Вас в комнате есть своя личная уборная.

Парень как-то удивлённо изогнул бровь, словно не ожидал, что я догадаюсь.

— И куда же я иду?

— За новым кофе. Наверное.

Глупых людей в мире всегда было достаточно. Тут дело даже не в солнечной вспышке, которая напрочь уничтожила все школы, каким-то чудом пощадив этот колледж. И дело даже не в людском страхе узнать слишком много. Говорят, умным людям жить сложнее.

Мне становится страшно за Джоша, когда он рассказывает о своих теориях мироздания. Он говорит, что его мысли словно медленно сводят его с ума. Он начинает скептично относиться к реальности, а потому теряет интерес в людях и всём материальном. Он полностью уходит в свои знания и уже не может в полной мере наслаждаться жизнью, которая теперь кажется ему фальшивкой.

Мне становится страшно за Айдена, когда он вот так холодно разговаривает с людьми. Он слишком много видел, чтобы доверять. Он слишком много пережил, чтобы жить расслабленно. Он слишком умён, чтобы быть счастливым. И слишком силен, чтобы улыбаться.

— Твистер, ты меня пугаешь. У тебя что, есть мозг? — с

наигранным удивлением спрашивает парень.

Сказать, что его слова задевали — ничего не сказать. Понимание того, что я не самая грамотная и не самая смышлёная, и так давило на самооценку, а Ад, как всегда, отлично находил болевые точки.

— Я смотрю, унижать и бить девушек вам в радость, — я сама перестала узнавать свой голос. Холодный и строгий, будто мышь в моём горле, которая каждый раз визжала, делая меня писклявой, удавилась.

Айден наконец посмотрел на меня, будто пытался определить, действительно ли меня оскорбили его слова. Извиняться он не стал. Но и добивать — тоже.

Я угадала, мы действительно шли за кофе. Аппарат находился в столовой недалеко от входа на кухню. Одинокий и пыльный, словно им пользуется только дикарь. Десятки столов, десятки пустых мест — всё вымерло со звонком об окончании обеда.

Кофеаппарат, видно, старенький. Наклейки с картинками уже наполовину содраны, а кнопки, изнутри освещённые еле живыми лампочками, стёрты.

Айден не тратил время на то, чтобы определиться. Он сразу нажал на надпись: «Американо», потом на «молоко» два раза, а затем на слово «количество» и посмотрел на меня, молча спрашивая, буду ли я.

— Пятьдесят Кастов за два кофе?! — возмутилась я.

— За один.

— Нет, спасибо, я…

Он нажал на «два» и добавил сахар в один из стаканчиков.

— …Рассчитаюсь позже.

Рассчитаюсь… Да как же я рассчитаюсь, если ради такой цены придётся как-то заработать отличную оценку? Разве что натурой, и то останусь в долгу ещё на сорок девять Кастов.

По дороге обратно мы молчали. Я поблагодарила за кофе — он проигнорировал. Когда мы вернулись в комнату, он достал с верхней полки словарь в твёрдой коричневой обложке. Отдав его мне, сел за документы, искупавшиеся в кофе. Но даже сидя ко мне спиной, он излучал как-то недобрую ауру, словно наблюдает за мной третьим оком. Словно любое моё движение записывается на камеру.

— Подиум — это прямоугольная возвышенная платформа в виде дорожки для показа мод. Обычно — 50-100 метров в длину, — вслух зачитала я, хоть и медленно, чтобы не ошибиться в буквах.

— Я знал, — оправдывается.

Я неловко откашлялась, не понимая, что мне делать дальше. Уходить? Но ведь он не выгонял, так почему бы этим не воспользоваться? Остаться? А для чего? Не слишком ли навязчиво?

— В тот день, когда Вы застали нас здесь с Мирандой… — я начала издалека. — Мы не искали ничего конкретного. Она сказала, Вы стали вести себя как-то иначе после… —

сделала паузу, — всего. Она просто переживает за Вас. А причину Вы уже узнали сегодня.

— Не разжалобила, — сухо бросил он, даже не оборачиваясь. — А причину я знал уже давно.

— Это не всё…

После этих слов я долго молчала, думая, стоит ли говорить ему об этом. И как он отреагирует? Не прижмёт ли к шкафу, как в прошлый раз?

— Я заметила, Миранда давно не берёт с собой дочку на лекции и обеды. А в Вашем столе я нашла чертёж протеза. Сердце. Это как-то связано, да?

Как бы он ни старался казаться бесстрастным, я заметила, что на какое-то время он перестал писать, не оторвав ручку от бумаги. Либо я на верном пути, либо попала точно в яблочко. Он запустил руку в волосы, помолчал какое-то время. Отложил ручку в сторону, повернулся ко мне, чуть отодвинувшись от стола.

— Почти. Проблемы с сердцем есть, но не у дочери Миранды, а у меня. С рождения. Поэтому и попросил убрать показатели здоровья с панели в иллюзии. Чтобы не заметили.

Я отрицательно качаю головой, показывая, что не верю ему.

— Вы слишком заботитесь о своём народе, чтобы делать что-то для самого себя. А пульс попросили убрать только ради Миранды, — говоря всё это, я замечала, как менялось его лицо со строгости на удивление, а потом на какое-то подобие

одобрения и интереса. — Вы знали, что он у неё будет учащаться ещё до начала испытания, ведь вы там были наедине. А для неё это хуже, чем…

— Тупой ты нравилась мне больше, — слишком прямо и жестоко. Я даже потеряла мысль, но теперь точно знала, что не ошиблась ни в чём.

Замолчала, отвела взгляд в сторону. Захотелось как можно скорее уйти отсюда, впрочем, меня ничто больше и не держало. Я собрала свои вещи, засунула книгу в рюкзак и, нервно закинув его на плечо, ринулась к выходу. Айден наблюдал за всем молча и даже с интересом наклонил голову на бок.

— А что насчёт твоих страхов? — спросил он, и я остановилась у двери. — Что бы ты увидела в иллюзии?

— Свою семью. Или Энди, — пожимаю плечами. Я действительно уже не знаю, что для меня ужаснее — снова увидеть их ещё живые лица или посмотреть в глаза давнему другу, с которым было слишком много воспоминаний, чтобы просто так его забыть.

— Ты всё ещё хочешь вернуть его записку?

Эти слова как гром среди ясного неба. И снова что-то кольнуло в груди, и снова вспомнились те грозы, во время которых Энди заботливо прятал меня от одиночества. Теперь неясно, где же именно сверкает молния — за окном или внутри. Как бы там ни было, радуги я не вижу. Она кажется слишком сказочной.

— Можем договориться. Услуга за услугу, что думаешь?

Небо 13. Застрели(сь)

Энди редко показывал свою злость — он сдерживал всё в себе. Горячую, непокорную, неудержимую, непотухающую злость. Он умудрялся прятать её где-то глубоко между рёбер и лишь слегка сжимать кулаки — остатки эмоций. Тогда мне казалось это нормальным — он был единственным человеком, с которого я брала пример. Тогда мне казалось, что так и должно быть и что это я такая ненормальная, раз не сдерживаю в себе ни слёз, ни смеха. Теперь передо мной целая палитра из лиц разных людей, из характеров разных людей. Из разных людей.

В гневе Элисон набирала в столовой кучу еды и, жалуясь на причину своей злости, агрессивно поедала булочки, забивала ими рот, как только могла, так что тяжело было понять, что именно так её рассердило.

Джош разбивал кулаки о стены. Я вечно задавалась вопросом о том, откуда у него каждый раз появлялись новые и новые раны на руках, пока однажды не зашла в комнату слишком неожиданно для него.

Айден. Во-первых, сложно определить, когда у него хорошее настроение, а когда он действительно злится. Он может долго внушать тебе, что ты полное ничтожество, а сам будет сдерживать улыбку. Он может бросить в твою сторону какую-нибудь колкую шутку, а на деле желать твоей смерти.

Во-вторых, в любом раскладе лучше его не злить. Это тебе не Энди. У него и с мимикой полный порядок, и с рукой, которую он легко может поднять на тебя, если ему вдруг взбредёт в голову мысль о том, что ты его преследуешь.

— Можем договориться. Услуга за услугу, что думаешь? — произнёс он заговорщически.

Записка Энди уже не так сильно меня беспокоила. Конечно, было интересно, что же мой друг детства оставил мне перед уходом: сухой рассказ о G-27 или чувственное любовное послание.

— Какие условия?

— Я буду испытывать на тебе всё, что создал. Тебе нечего терять, а вот мои изобретения человечеству ещё пригодятся.

— Мне нечего терять? Откуда такой вывод?

Он как-то разочарованно изогнул брови, будто его мысли настолько очевидны, что не требуют объяснений. Нет, Айден! Твои мысли — чёртова гробница с кучей разложившихся мумий — твоих же внутренний личностей, от которых не знаешь, чего ждать. Твои мысли — это большой тёмный шкаф. Неизвестно, что в нём — пара простеньких футболок или чудовище, которое ждёт ночи, чтобы кого-нибудь убить. Нет, Айден. Твои мысли совершенно не очевидны.

Он достал из кармана сложенную бумажку и, сжав её между пальцами, поднял на уровне глаз. Записка Энди…

— Я знаю, о чём говорю.

Я вспомнила зелёный лазер, который должен был распла-

вить мне руку, когда я только оказалась в лагере дикарей. И шокер, который при нашей первой встрече парализовал мне конечности. Это такие штуки этот психопат собирается испытывать на мне?

— Знаю, о чём ты думаешь. Слишком большая жертва для пары каракуль, — он положил записку на место и лениво повернул все карандаши на столе остриём к окну. Ещё и перфекционист... — Чтобы было справедливо… Если хочешь… — он протянул последние слова, как бы заранее надеясь, что я откажусь. — Я мог бы научить тебя письму.

У меня пропал дар речи. Глаза моментально расширились, а ноги приросли к полу. Я долго молчала, но Ад и не думал что-либо добавлять.

Приходить к нему в комнату, видеть всё, что он изобрёл, пользоваться его столом и ручкой, иметь возможность задавать вопросы? И всё это он решил мне позволить? Айден? Тот Айден, который берёт в руки телефон только в кожаных перчатках? Тот Айден, который не позволяет своим людям притрагиваться к еде, пока не увидит, что её едят все остальные? Это тот Айден, который чуть ли не на вкус проверяет все бумаги, которые нам выдают на лекциях? Не верю.

— Что Вам на самом деле нужно?

Может быть, это очередная проверка? Хочет увидеть, насколько сильно я горю желанием находиться в этой комнате и «следить за ним»? Или уже расставил по комнате камеры, чтобы наблюдать, куда именно я чаще всего бросаю взгляд?

Он лишь пару секунд пристально смотрел на меня. После — безразлично пожал плечами.

— Как хочешь, — и вернулся к бумагам на своём письменном столе.

Письменном…

А ведь я никогда не задумывалась, как часто люди до Нового времени использовали ручку и бумагу. Что чаще они читали — рукопись или сухие печатные буквы? Как чаще они общались — записками или сообщениями в телефоне? Клавиатура — изобретение, несомненно, гениальное. Но как же быстро оно украло человеческую личность. У людей такие разные и такие красивые почерки…

Никто не знает, какую именно букву в тексте автор выделил бы красивой закорючкой. Никто не знает, какое слово ему пришлось бы написать криво просто из-за того, что оно вызывало у него какое-то болезненное воспоминание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.